

ТЕНЬ
И
ИСКРЫ

ДЖЕННИФЕР
АРМЕНТРОУТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА №1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

18+

Дженнифер Ли Арментроут

Тень и искры

Серия «Вселенная Крови и Пепла»

Серия «Плоть и огонь», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68989726

Д. Арментроут. Тень и искры: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-147633-5

Аннотация

Будущее Серафены Мирель, рожденной в вуали Первозданных, обещанной Судьбами Девы, никогда ей не принадлежало. Еще до рождения ей было предназначено выполнить договор, в отчаянии заключенный ее предком ради спасения своего народа. Сера должна отказаться от собственной жизни и стать супругой Первозданного Смерти. Однако истинное предназначение Серы – самый охраняемый секрет во всей Ласании. Она не только тщательно оберегаемая Дева, но и убийца с единственной миссией, единственной целью – заставить Первозданного Смерти влюбиться, стать его слабостью, а потом... покончить с ним. Если она провалится, то обречет королевство на медленную смерть от Гнили.

Сера всегда знала, кто она. Избранная. Супруга. Убийца. Оружие. Неуловимый призрак, искупавшийся в крови. Чудовище. Пока не встретила его. Пока неожиданные слова и поступки Первозданного Смерти не изгнали клубящуюся внутри ее тьму. Его соблазняющие прикосновения разожгли страсть, которую она никогда не позволяла себе испытывать и не могла позволить по отношению к нему.

Но у Серы никогда не было выбора. Вся ее жизнь – выплата долга, ибо ее навсегда осенили Жизнь и Смерть.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	26
Глава 2	49
Глава 3	72
Глава 4	92
Глава 5	116
Глава 6	133
Глава 7	154
Глава 8	164
Глава 9	185
Глава 10	198
Глава 11	219
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Дженнифер Арментроут

Тень и искры

Jennifer Armentrout

A Shadow in the Ember: Flesh and Fire book 1

© 2021 by Jennifer Armentrout

© Наталия Луц, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Тебе, читатель

Пролог

– Ты не разочаруешь нас сегодня, Сера. – Слова донеслись из теней в глубине комнаты. – Ты не разочаруешь Ласанию.
– Нет.

Я сцепила руки, чтобы унять неутихающую дрожь, и сделала глубокий вдох. Задержав дыхание, уставилась на свое отражение в настенном зеркале. Нет причин так нервничать. Я медленно выдохнула.

– Я вас не разочарую.

Я сделала еще один глубокий спокойный вдох, с трудом узнавая отражение, которое смотрело на меня. Даже в неровном приглушенном свете канделябров, расставленных по маленькой комнате, я видела, что моя кожа так порозовела, что почти исчезли веснушки на щеках и переносице. Такой румянец можно было бы назвать сияющим, но мои зеленые глаза сверкали слишком ярко, слишком лихорадочно.

Сердце по-прежнему колотилось, поэтому я опять задержала дыхание, как сир Холланд учил делать, когда кажется, будто не можешь дышать, не можешь контролировать то, что происходит вокруг или с тобой. «Вдохни медленно и ровно. Задержи дыхание, пока не почувствуешь, что сердце успокоилось. Выдохни. Задержи дыхание».

Сейчас это не помогало так, как раньше.

Мои волосы расчесывали до тех пор, пока кожа головы не

начала гореть. Ее все еще покалывало. Половину моих светлых волос убрали наверх и закололи, остальные волной густых локонов падали на спину. Кожа на горле и плечах тоже порозовела – наверное, из-за ароматической ванны, в которой я провела несколько часов. Может, поэтому мне так трудно дышать. В воду добавили много масел, и я боялась, что пахну так, будто меня утопили в жасмине и сладком анисе.

Оставаясь абсолютно неподвижной, я сделала медленный глубокий вдох. После ванны меня тщательно прихорашивали. Волосы со всего тела выщипали или удалили с помощью воска, и только бальзам, втертый в ноги, руки и, похоже, повсюду, смягчал жжение. Я опять задержала дыхание, подавив желание опустить взгляд. Я уже знала, что увижу, – практически всё.

Платье, если его можно так назвать, почти полностью было сшито из прозрачного шифона. Рукава длиной в несколько дюймов прикрывали верхнюю часть рук, и тонкая ткань цвета слоновой кости свободно окутывала все тело, растекаясь по полу. Я возненавидела платье, ванну и последовавшие за ней процедуры, хотя и понимала, зачем все это.

Чтобы сделать меня обольстительной.

Юбки зашелестели рядом, и я медленно выдохнула. В зеркале появилось лицо мамы. Между нами нет никакого сходства. Я напоминаю отца. Знаю это, потому что долго рассматривала его единственный сохранившийся портрет. У него то-

же были веснушки и такой же упрямый подбородок, как и у меня. И мне достались его глаза – не только цвет, но и разрез, приподнятые внешние уголки. Благодаря этому портрету, спрятанному в личных покоях мамы, я знала, как выглядел мой отец.

Темно-карие глаза мамы на миг встретились в зеркале с моими, а потом она обошла вокруг меня. Ее корона из золотых листьев сияла в свете свечей. Мама изучала меня, выискивая выбившиеся пряди волос или волоски в том месте, где им быть не положено, любые изъяны или свидетельства, что невеста подготовлена неидеально.

Цена, обещанная за двести лет до моего рождения.

В горле снова пересохло, но я не осмелилась попросить воды. На моих губах – розовая краска, создающая впечатление, будто они покрыты росой. Если я что-то испорчу, мама будет недовольна.

Пока она поправляла рукава, я вгляделась в ее лицо. Тонкие морщинки в уголках глаз казались глубже, чем днем раньше. Губы напряженно сжаты. Как всегда, по ее лицу ничего нельзя прочесть, да я и не знала, что искать. Печаль? Облегчение? Любовь? Звякнули тонкие золотые цепочки, и мое сердце забилось сильнее.

Я увидела белую вуаль, которую кто-то подал ей, и мне вспомнился белый волк, которого я видела много лет назад у озера, где собирала камешки – теперь не помню для чего. Судя по внушительным размерам, это мог быть один из

редких волков кийу, которые порой встречались в Темных Вязах, окружающих территорию замка Вэйфейр. Я встрети-лась взглядом со зверем, боясь, что он разорвет меня. Но он, прежде чем убежать, лишь посмотрел на горсть камней в мо-их руках так, словно я слабоумный ребенок.

Мама надела мне на голову вуаль Избранной. Тонкая ткань окутала плечи и заструилась по спине, оставив откры-тыми только губы и подбородок. Я с трудом могла видеть, как сквозь дымку. На мою голову положили тонкие цепочки, удерживающие вуаль. Она была не такой плотной, как та, что я носила в присутствии других людей, за исключением своей семьи и сира Холланда, и не закрывала все лицо.

«Пусть ты не Избранная, но ты рождена в царстве смерт-ных в вуали Первозданных. Ты – Дева, обещанная Судьба-ми. И ты покинешь это царство, осененная Жизнью и Смер-тью», – сказала однажды моя старая няня Одетта.

Однако я выглядела как Избранные – третьи сыновья и дочери, рожденные в покрове и предназначенные служить при дворе Первозданного Жизни. Я всю жизнь пряталась под этой вуалью, и хотя рождена в покрове и со мной в многом обращались как с Избранными, я еще и Дева. После Возне-сения им будет оказана величайшая честь, какая может быть дарована смертным в любом королевстве. Вся страна будет праздновать, готовясь к ночи Ритуала, во время которого они вознесутся и войдут в царство Илизиума, чтобы служить Первозданным и богам. Мое же предназначение – наверное,

самый тщательно охраняемый секрет во всей Ласании. Не будет ни празднований, ни пиров. Сегодня, в мой семнадцатый день рождения, я стану супругой Первозданного Смерти.

К горлу подкатил ком. Почему я умираю от страха? Я к этому готова. Готова выполнить договор. Готова к тому, для чего рождена. Должна быть готова.

Интересно, нервничают ли Избранные в ночь своего Ритуала? Скорее всего. Кто бы не волновался в присутствии младших богов, не говоря уже о Первозданных – существах столь могущественных, что они стали основой самой ткани нашего существования? А может, Избранные просто радуются, что наконец исполняют свое предназначение. Я наблюдала, как они улыбались и смеялись во время Ритуала, когда видны только нижние половины их лиц. Они явно горели готовностью начать новую жизнь.

Я же не улыбалась и не смеялась.

«Вдохни. Задержи дыхание. Выдохни. Задержи дыхание».

Мама наклонилась ко мне.

– Ты готова, принцесса Серафена.

Серафена. Я так редко слышала свое полное имя, и никогда – вместе с официальным титулом. Словно щелкнул переключатель. В один миг бешеное биение сердца прекратилось, давление на грудь ослабело. Руки перестали дрожать.

– Да.

Сквозь вуаль я заметила, что королева Каллиф улыбно-

лась – по крайней мере, уголки ее губ приподнялись. Я никогда не видела, чтобы она улыбалась мне по-настоящему, как улыбалась мужу и моим сводным брату и сестре. Хотя она вынашивала меня девять месяцев и произвела на свет, я никогда не была ее дочерью. Никогда не считалась принцессой людей.

Я всегда принадлежала Первозданному Смерти.

Она бросила на меня последний взгляд, убрала прядь волос, которая выбилась на плечо, и вышла из комнаты, не проронив ни слова. Дверь за ней со щелчком закрылась, и мое восприятие мира, которое я оттачивала годами, обострилось.

Тишина в комнате сохранялась несколько мгновений.

– Сестренка, – раздался голос. – Ты застыла, как статуи богов в саду.

Сестренка? Я скривилась, сдерживая отвращение. Он мне не брат, ни по крови, ни по узам, хотя он сын мужчины, за которого мама вышла замуж вскоре после смерти отца. В нем не было ни капли крови Мирелей, но народ Ласании не знал о моем рождении, и потому наследником стал он. Вскоре ему быть королем, и я уверена, что народ ждет кризис даже после того, как я выполню договор.

Но, как наследник трона, сводный брат – один из немногих, кому известна правда о короле Родерике, первом правителе из рода Мирелей и моем предке, чье отчаянное решение ради спасения народа не только предопределило мою судьбу,

но стало проклятием для будущих поколений того королевства, которое он хотел защитить.

– Ты, наверное, нервничаешь. – Тавиус подошел ближе. – Знаю, принцесса Кейли нервничает. Она переживает из-за нашей брачной ночи.

Я разжала пальцы и спокойно посмотрела на него.

– Я пообещал ей, что буду нежным.

Тавиус появился в моем поле зрения. Голубоглазый, со светло-каштановыми волосами, он считался красавцем, и я готова поспорить, что принцесса Айрелона при знакомстве с ним тоже так решила и сочла, что ей повезло. Вероятно, теперь она так не думает. Я наблюдала, как Тавиус кружит вокруг меня, словно большой серебристый ястреб из тех, что летают над верхушками Темных Вязов.

– Сомневаюсь, что ты получишь такое же заверение от *него*.

Даже сквозь вуаль я увидела его самодовольную ухмылку. Чувствовала, как он пялится.

– Ты же знаешь, что о нем говорят – почему его черты никогда не изображают на картинах и не высекают в камне. – Тавиус понизил голос, изображая притворное сочувствие. – Говорят, он чудовищен, его кожа покрыта такой же чешуей, как у тварей, которые его охраняют. И у него клыки вместо зубов. Конечно, ты в ужасе от того, что должна сделать.

Не знаю, покрыт ли чешуей Первозданный Смерти, но все они – и боги, и Первозданные – имеют острые удлиненные

клыки. Достаточно острые, чтобы пронзать плоть.

– Как ты думаешь, кровавый поцелуй подарит тебе огромное наслаждение, как некоторые утверждают? – издевался он. – Или доставит ужасную боль, когда он погрузит свои зубы в твою гладкую кожу? – Его голос стал хриплым. – Скорее всего – последнее.

Я ненавидела его еще больше, чем это платье.

Он крадучись обошел меня, постукивая пальцем по подбородку. По моей коже поползли мурашки, но я осталась неподвижной.

– Но тебя обучали довести дело до конца, правда? Стать его слабостью, заставить его влюбиться, а потом покончить с ним. – Он остановился передо мной. – Я знаю, что ты провела какое-то время, обучаясь у куртизанок «Нефрита». Так что, возможно, ты не нервничаешь. Может, тебе не терпится услужить...

Он протянул мне руку.

Я схватила его запястье и вдавила пальцы в жилы. Он дернулся всем телом и выругался.

– Дотронься до меня, и я сломаю все кости в твоей руке, – предупредила я. – А потом позабочусь, чтобы у принцессы не было причин страшиться брачной ночи, которую она обречена провести с тобой.

Рука Тавиуса напряглась, он сердито уставился на меня.

– Тебе так невероятно повезло, – огрызнулся он. – Ты и понятия не имеешь.

– Нет, Тавиус. – Я оттолкнула его, напоминая, что моим обучением занимались не только куртизанки. Он споткнулся, но восстановил равновесие, избежав столкновения с зеркалом. – Это тебе повезло.

Его ноздри раздувались. Он потер руку, но ничего не сказал, а я снова уселась неподвижно. Я говорила правду. Я могла сломать ему шею прежде, чем он успел бы поднять на меня руку. Благодаря своему предназначению я была обучена лучше большинства королевских гвардейцев, которые защищали Тавиуса. Тем не менее он заносчив и избалован настолько, чтобы попытаться совершить какую-нибудь невероятную глупость.

Я даже надеялась на это.

Тавиус сделал шаг вперед, а я улыбнулась...

Стук в дверь помешал ему исполнить задуманное. Он опустил руки и рывкнул:

– Что такое?

Из-за двери раздался взволнованный голос одной из доверенных леди моей матери.

– Жрецы ожидают его скорого прибытия.

Тавиус с насмешливой улыбкой отстранился от меня. Я развернулась.

– Пора тебе в кои-то веки принести пользу, – сказал он.

Он открыл дверь и неторопливо вышел, зная, что я не стану отвечать при леди Кале. Эта женщина доложит моей матери обо всем, что бы я ни сделала в ее присутствии. А та,

по какой-то богами забытой причине, заботится о Тавиусе так, словно он этого достоин. Я подождала, пока он исчезнет в одном из темных извилистых коридоров Теневого храма, расположенного за Садовым районом столицы у подножия Утесов Печали. Коридоров здесь так же много, как и подземных туннелей, соединяющих все храмы Карсодонии, столицы королевства, с замком Вэйфейр.

Я подумала о смертной Сотории, в честь которой названы крутые обрывы. Легенда гласит, что она собирала цветы на утесах, когда, напуганная богом, сорвалась вниз и разбилась.

Наверное, сейчас не самое подходящее время о ней думать.

Подобрав воздушные юбки, я шла босиком по холодному полу.

Леди Кала казалась размытым пятном в коридоре, но я все-таки заметила, как она поспешно отвернулась от меня.

– Идем. – Она шагнула вперед, но остановилась. – Тебе видно в этой вуали?

– Чуть-чуть, – призналась я.

Она взяла меня под руку. Я поморщилась от неожиданного прикосновения и возблагодарила вуаль, которая скрывала меня. Как и любой Избранный, я не должна никого касаться, если это не связано с моими приготовлениями. Действия леди Калы о многом говорили.

Она повела меня по бесконечным извилистым коридорам, где не было ничего, кроме бесчисленных дверей и светиль-

ников с пылающими свечами. Я уже начала думать, не заблудилась ли она, но тут у дверей показались неясные очертания двух молчаливых фигур, одетых в черное.

Теневые жрецы.

Они возвели обет молчания на новый уровень: им зашили рты. Я всегда удивлялась, как они едят и пьют. Судя по прозрачным впалым фигурам под черными одеяниями, способы, которые они применяют, не слишком хорошо работают.

Я подавила дрожь, когда жрецы открыли дверь, за которой оказался большой круглый зал, освещенный сотнями свечей. Третий Теневой жрец возник из ниоткуда и занял место леди Калы. Костлявые пальцы не коснулись моей кожи, но прижались к спине. Контакт все же беспокоил меня, хотелось сделать шаг в сторону, но я знала, что лучше не отстраняться от этих пальцев, холод которых проникал сквозь тонкую ткань. Заставив себя дышать, я уставилась на рельеф, высеченный на гладком камне. Круг, пересеченный линией. Такой же символ был изображен на всех каменных плитках. Никогда прежде его не видела и не знала, что он означает. Я подняла взгляд на широкую площадку, которая возвышалась впереди. Жрец направлял меня вдоль прохода, и ощущение тяжести в груди вернулось. Я не смотрела на пустые скамьи. Если бы я в самом деле была Избранной, на них бы сидела высокопоставленная знать, а с улиц доносились приветственные крики. От тишины в зале я похолодела.

Раньше здесь стоял лишь трон, сделанный из того же кам-

ня, что и храм. Тенекамень цвета самого глубокого часа ночи – изумительный материал, который можно отполировать, чтобы он отражал любой источник света, и наточить так, что острый клинок, изготовленный из него, будет пронзать плоть и кость. Сверкающий трон поглощал свет свечей, и казалось, что камень полон темного огня.

Спинка трона была выточена в виде полумесяца. Такой же формы, что и родимое пятно над моей левой лопаткой. Красноречивое указание на то, что еще до рождения моя жизнь мне не принадлежала.

Сегодня здесь стояли два трона.

Когда меня подвели к возвышению и помогли подняться по ступеням, я пожалела, что не попросила стакан воды. Меня направили ко второму трону, усадили и оставили одну.

Уложив руки на подлокотники, я рассматривала скамьи внизу. Ни одного человека из Ласании. Никто даже не знает, что их жизни и жизни их детей сегодня ночью висят на волоске и что мне нужно сделать. Если бы они узнали, что Родерик Мирель – известный в истории Ласании как Золотой король – не проводил дни и ночи в полях со своим народом, копая и расчищая погубленную войной землю, пока не обнажится чистый, плодородный слой... Что он не засеивал поля вместе со своими подданными; не выстраивал королевство, проливая кровь, пот и слезы... Если они узнают, что песни и стихи о нем основаны на сказках, тогда то, что осталось от династии Мирелей, наверняка рухнет.

Кто-то закрыл двери, и я устремила взгляд в глубину зала, где различила при свете свечей темные очертания мамы и Тавиуса. Рядом с ними маячила третья фигура. Король Эрнальд. Моя сводная сестра – принцесса Эзмерия, или Эзра, – стояла рядом с отцом и братом, и мне не нужно было видеть выражение ее лица, чтобы знать: ей ненавистны условия этой сделки. Сира Холланда не было. Мне бы хотелось с ним попрощаться, хотя я и не ожидала, что он сюда придет. Его присутствие вызвало бы много вопросов у Теневых жрецов.

И многое бы открыло.

Что я не воплощение королевской чистоты, а скорее волк в шкуре жертвенного ягненка.

Я не просто выполню договор, заключенный королем Родериком. Я покончу с ним прежде, чем он уничтожит мое королевство.

Решимость наполнила мою грудь теплом, как всегда бывало, когда я применяла свой дар. Это моя судьба. Мое предназначение. То, что я сделаю, – важнее меня самой. Это ради Ласании.

Поэтому я сидела, скрестив лодыжки под платьем, расслабив руки на подлокотниках трона, и ждала.

Ожидание затягивалось.

Секунды складывались в минуты. Не знаю, сколько их прошло, но в животе стали возникать крохотные узлы беспокойства. Он призван в свой храм. Разве... разве он не должен явиться?

Ладони взмокли, напряжение в животе разрослось и достигло груди. Давление усилилось. Что, если он не появится?

А почему бы и нет?

Это же он диктовал условия.

Когда король Родерик в отчаянии был готов на все, чтобы спасти погубленные войной земли и людей, которые голодали, уже вынеся столько потерь, наверное, он ожидал, что на его призыв отзовется младший бог, как это обычно случалось, если у кого-то хватало смелости призвать. Но Золотому королю ответил Первозданный.

Исполнив просьбу короля Родерика, Первозданный Смерти назначил цену: отдать перворожденную дочь рода Мирелей ему в супруги.

Первозданный должен прийти.

А если не придет? Мое сердце колотилось, а пальцы сжимали холодный камень трона.

«Вдохни. Задержи дыхание. Выдохни. Задержи дыхание».

Если он не появится, все пропало. Все, что он даровал королю Родерiku, продолжит разрушаться. Если он не придет за мной и я не исполню задуманное, я обреку королевство на медленную смерть от Гнили. Она появилась сразу после моего рождения, сначала на маленьком участке сада. Незрелые яблоки падали с деревьев, теряющих листву. Земля под ними стала серой, а трава и корни погибли. Потом Гниль распространилась, захватив весь сад. Со временем она опустошила еще несколько ферм. На почве, затронутой Гнилью,

больше ничего не росло.

И это еще не все. Изменилась погода: лето стало более жарким и сухим, а зима – более холодной и переменчивой.

Народ Ласании понятия не имеет, что Гниль – это часы с обратным отсчетом, которые с момента моего рождения отмеряют время до окончания срока сделки, заключенной Золотым королем. Вполне возможно, король не понимал, что условия сделки будут выполнены, невзирая ни на что. Это осознание пришло лишь спустя десятилетия после ее заключения. Если я провалюсь, королевство...

Все началось как низкий рокот, который можно было принять за отдаленное гроыхание фургонов и экипажей по мощеным улицам Карсодонии. Но звук нарастал, пока я не почувствовала вибрацию в троне, на котором сижу, и в своих костях.

Рокот стих, и свечи – все свечи – погасли, зал погрузился в темноту. Края моей вуали и подол платья зашевелил ветерок, несущий запах земли.

Вдруг пламя в свечах вспыхнуло и устремилось к сводчатому потолку. Я сосредоточила взгляд на центральном проходе, где воздух раскололся и затрещал искрами белого света.

Из разрыва просочился туман и пополз по каменному полу к скамьям. Моя кожа покрылась мурашками. Некоторые называют туман первозданной магией. Итер. Мощная субстанция, которая не только создала царство смертных и Или-

зиум, но и течет в крови богов, надевая даже младших из них и неизвестных немислимой силой.

Я заморгала. Перед возвышением больше не было пусто. Там стоял мужчина в плаще с капюшоном, окруженный пульсирующими щупальцами глубоких теней, обведенных сияющим серебром. Я не позволяла себе думать, что сказал про него Тавиус. Не могла. Вместо этого попыталась что-нибудь разглядеть за клочковатой массой тумана. Я смогла лишь разобрать, что он невероятно высок. Даже с того места, где сидела, я поняла, что он будет возвышаться надо мной, а я вовсе не маленького роста – почти одного с Тавиусом. Но он – Первозданный, а исторические хроники гласят, что Первозданные казались гигантами по сравнению со смертными.

Похоже, он широкоплеч – я решила так из-за более густой тьмы, которая приняла очертания... крыльев. Голова, укрытая капюшоном, приподнялась.

Я моментально забыла про дыхательные упражнения. Лица я не видела, но ощутила пристальный взгляд. Этот взгляд пронзал меня, и в короткий миг паники я решила, что он знает: я провела семнадцать лет не только готовясь стать его супругой. Мое обучение простиралось далеко за пределы этого. А смирение и покорность, которым меня научили, – лишь еще одна моя вуаль.

На миг сердце мое остановилось. Я сидела на троне, предназначенном для правительницы Страны теней, одного из

дворов Илизиума, смотрела на Первозданного Смерти, и впервые в жизни меня охватил настоящий ужас.

Первозданные не могут читать мысли смертных. Я убеждала себя в этом, цепляясь за остатки здравомыслия. У него нет причин подозревать меня в чем-то. Даже если он годами наблюдал, как я расту, или послал в Ласанию шпионов, мое происхождение хранилось в секрете. Никто не знал, что я принцесса крови Мирелей. Все, чем я занималась, делалось в глубочайшей тайне, – от обучения с сиром Холландом и до времени, проведенного с куртизанками «Нефрита».

Он не мог знать, что за две сотни лет, которые потребовались, чтобы я родилась, появились знания, как можно убить Первозданного.

Любовь.

Роковая слабость, которая делает их настолько уязвимыми, что их можно убить. Любовь.

«Заставь его влюбиться, стань его слабостью и покончи с ним».

Вот в чем заключается мое предназначение.

Успокоив колотящееся сердце, я вспомнила часы, проведенные с матерью, когда училась всему, чего ожидают от супруги Первозданного. Как двигаться, разговаривать и вести себя в его присутствии. Как стать той, кого он желает. Я готова – пусть даже он покрыт с головы до ног чешуей, как те крылатые твари, что охраняют Первозданных.

Мои пальцы расслабились, дыхание замедлилось, и я поз-

волила губам изогнуться в улыбке – застенчивой и невинной. При свете свечей я встала, не чувствуя ног. Сложила руки на животе, чтобы ничего от него не прятать, как велела мама. И начала опускаться на колени, как положено, приветствуя Первозданного.

Единственным предупреждением, что он сорвался с места, стало движение воздуха.

Удивленный выдох замер, не добравшись до моих губ. Внезапно Первозданный оказался передо мной. Нас разделяло не больше нескольких дюймов. Воздух вокруг меня заполнился вихрем света. Первозданный казался холодным, как зимы на севере и востоке. Какими постепенно, с каждым годом становились зимы в Ласании.

Я не была уверена, что дышу, глядя в пустоту, где должно находиться его лицо. Первозданный Смерти приблизился еще, и виток тени коснулся голой кожи моей руки. Я ахнула от ледяного ощущения. Он опустил голову, и в моем теле напряглись все мышцы – из-за его присутствия или из-за инстинкта, предупреждающего, что бежать нельзя. Нельзя делать резких движений в присутствии хищника.

– Ты, – произнес он. Его голос был полон дыма и тени, и всего, что ждет человека, сделавшего последний вдох. – Мне не нужна супруга.

Я вздрогнула и прошептала:

– Что?

Первозданный подался назад, и тени вместе с ним. Он по-

качал головой. Что он имел в виду?

Я шагнула вперед и повторила:

– Что?..

Ветер взметнулся за моей спиной, загасив свечи и погрузив зал в темноту. Рокот звучал слабее, чем прежде, но я не смела шевельнуться и понятия не имела, где Первозданный. Не видела даже край возвышения. Землистый запах исчез, пламя в свечах медленно разгорелось, слабо искрясь...

Первозданного передо мной больше не было.

Над отверстием в полу, которое теперь было запечатано, клубились остатки итера.

Он ушел.

Первозданный Смерти покинул храм. Он не забрал меня, и в самой глубине моей души расцвело и тут же исчезло чувство облегчения. Он не выполнил сделку.

– Что... что произошло? – донесся до меня голос мамы, и я подняла голову – мама стояла рядом со мной. – Что произошло?

– Я... Я не знаю. – Паника запустила в меня когти. Я повернулась к матери, обхватив себя руками. – Я не понимаю.

В ее расширенных глазах отражалась та же буря, что бушевала во мне.

– Он с тобой говорил? – прошептала мама.

– Он сказал... – Я попыталась сглотнуть, но горло сжалось. Все вокруг приобрело размытые очертания. Никакие дыхательные упражнения не помогут справиться с такой тре-

вогой. – Я не понимаю. Я сделала все...

Пощечина обожгла мне щеку. Я не ожидала этого от мамы, не была готова, что она сделает что-то подобное. Я прижала к щеке дрожащую руку и застыла на месте, не осознавая, что произошло... и что меня ждет.

Ее темные глаза стали шире, а кожа приобрела призрачную белизну.

– Что ты сделала? – Она прижала руку к груди. – Сера, что ты сделала?

Я ничего не сделала. Только то, чему меня учили. Но я не могла ей этого сказать. Ничего не могла сказать. Я лишилась дара речи, и что-то внутри меня разбилось и съежилось.

– Ты, – сказала мама. Хотя в ее голосе не было дыма и теней, он звучал так же непреклонно. Ее глаза блестели. – Ты подвела нас. И теперь всё – всё! – пропало.

Глава 1

Три года спустя...

Лорд Водинских островов с важным видом прошел в середине Большого Чертога замка Вэйфейр. Мягкий размеренный стук его отполированных сапог эхом повторял удары моих пальцев по бедру. Лорд был красив грубоватой красотой – обожженная солнцем кожа, руки, натренированные тяжелым мечом, который висел у него на боку. Самодовольная ухмылка на лице лорда Клауса, высокомерно вскинутая голова и мешок из грубой ткани в руках сказали мне все, что нужно, о том, как обернется дело. Но никто из присутствующих не шевельнулся и не издал ни звука.

Даже королевские гвардейцы, напряженно застывшие перед возвышением. Они выглядели нелепо в своих разукрашенных костюмах. Золотая бахрома на пышных плечах и жилетах сливового цвета в тон панталонам. Мундиры с отверстиями и плотные брюки были слишком плотными для жаркого карсодонского лета и не позволяли свободно двигаться, как простые туники и штаны, которые носили гвардейцы низших чинов и солдаты. Эта униформа кричала о привилегиях, не заслуженных мечами, которые были вложены в инкрустированные костью и камнями ножны.

Никто не шевельнулся и на возвышении, где на тронах,

украшенных бриллиантами и цитринами, сидели королева и король Ласании, взирая на приближающегося лорда. Их короны из золотых листьев ярко сияли в свете свечей. В глазах моего отчима светилась лихорадочная надежда, но взгляд матери ничего не выражал. Напряженно застывший рядом с королем наследник престола казался полусонным и раздраженным обязанностями, которые потребовали его присутствия. Зная Тавиуса, можно было предположить, что в столь позднее время он предпочел бы выпить несколько кружек эля и пристроиться между ног какой-нибудь женщины.

Напряженное молчание нарушила королева Каллиф. Ее голос прорезал душный воздух, насыщенный ароматом роз.

– Не ожидала, что на предложение, которое сделал вашему королю наш советник, отзоветесь вы. – Ее тон безошибочно намекал, что приезд лорда Водинских островов – оскорбление. Он не королевской крови. И его поведение достаточно красноречиво. Ему плевать. – Вы говорите от имени ваших короля и королевы?

Лорд Клаус остановился в нескольких футах от королевских гвардейцев и решительно поднял взгляд. Он не ответил, лишь осмотрел возвышение и скрытые колоннами ниши. Рядом со мной напрягся сир Холланд – рыцарь королевской гвардии. Он крепче сжал меч, висящий на поясе, когда лорд остановил на мне взгляд.

Я не отвела глаз, за что потом наверняка получу выговор, но во всем королевстве лишь горстка людей знает, что я по-

следний потомок рода Мирелей, принцесса. И еще меньшему числу известно, что я была Девой, обещанной Первозданному Смерти. Этому самодовольному лорду даже невдомек, что он стоит здесь только потому, что я подвела Ласанию.

Хотя я находилась в тени, взгляд лорда Клауса обвел контуры моего тела, задерживаясь на обнаженных руках и вырезе лифа. А затем лорд посмотрел мне в глаза и слегка вытянул губы, посылая поцелуй.

Я выгнула бровь.

Его ухмылка исчезла.

Королева Каллиф заметила, куда направлено его внимание, и застыла.

– Вы говорите от имени короны? – повторила она.

– Да.

Лорд Клаус перевел взгляд на возвышение.

– И вы привезли ответ? – спросила королева. В нижней части мешка на грубой ткани расплзлось пятно ржавого цвета. – Корона принимает нашу преданность в обмен на помощь?

Урожай, который можно получить за два года. Едва достаточно, чтобы покрыть потери фермеров из-за Гнили.

– Я привез ответ.

Лорд Клаус швырнул мешок.

Тот ударился о мрамор со странным чавкающим звуком и покатился по плиткам. Из него выпало что-то круглое, оставляя за собой... красный след. Каштановые волосы. Смер-

тельная бледность. Оборванные полоски кожи. Отсеченные кости.

Голова лорда Сарроса, советника королевы и короля Ласании, отскочила от сапога королевского гвардейца.

– Боги милостивые! – ахнул Тавиус, отшатнувшись.

– Это наш ответ на ваше дерьмовое предложение преданности. – Лорд Клаус сделал шаг назад и положил руку на рукоять меча.

Несколько королевских гвардейцев потянулись к оружию, а сир Холланд хмыкнул и пробормотал:

– Это было неожиданно.

Я повернула к нему голову и заметила на его темно-коричневом лице мрачное веселье.

– Спокойно! – приказал король Эрнальд, подняв руку.

Королевские гвардейцы остановились.

– А вот это я ожидал, – добавил сир Холланд шепотом.

Я стиснула челюсти, чтобы не сделать чего-нибудь непроизвольного, и сосредоточилась на маме. На лице королевы не проскользнуло ни одной эмоции. Она сидела расправив плечи и приподняв подбородок.

– Простого «нет» было бы достаточно, – заявила она.

– Но произвело бы это такое же впечатление? – возразил лорд Клаус с прежней полуусмешкой. – Преданность рушащегося королевства не стоит и урожая одного дня. – Он снова перевел взгляд на нишу. – Но если вы добавите к сделке вон ту милашку, я, возможно, соглашусь замолвить словечко

в вашу пользу перед короной Водины.

Король сжал подлокотники трона так, что побелели костяшки пальцев, а королева Каллиф сказала:

– Моя прислужница не входит в сделку.

Как и мама, я не выказала никаких эмоций. Ничего. Прислужница. Служанка. Не дочь.

– Очень плохо. – Лорд Клаус поднялся по ступенькам к выходу из Большого Чертога. Держа руку на рукояти меча, он отвесил изысканный поклон – такой же издевательский, как и слова, произнесенные его прекрасно очерченными губами: – Да благословят вас Первозданные.

Ответом ему была тишина. Он развернулся и вышел из Большого Чертога. Снаружи донесся его смех – густой и приторный, как аромат роз.

Королева Каллиф подалась вперед, глядя в нишу. Ее взгляд встретился с моим, и я ощутила странную смесь эмоций. Любовь. Надежда. Отчаяние. Гнев. Не помню, когда в последний раз королева смотрела прямо на меня, но теперь она это делала, и во мне зародилось нехорошее предчувствие.

– Покажи ему, какая ты милашка, – приказала она, и сир Холланд негромко выругался. – Покажи всем лордам Водинских островов.

Почти задохнувшись от сжавшей горло печали, я оттолкнула эти мысли прежде, чем они разрастутся и обретут новую жизнь. Я отвернулась от всего и сделала долгий, медлен-

ный выдох. Как и множество раз прежде, под кожу просочилась пустота. Я кивнула, приветствуя ее, пока та впитывалась в мои мышцы и проникала в кости. Я позволила пустоте наводнить мысли, так что не осталось и намека на то, кто я. Я стала такой же, так бедные, неприкаянные духи, которые блуждают в Темных Вязах. Пустым сосудом, который снова наполнен целью. Это было как надеть вуаль Избранной. Я кивнула и повернулась, не сказав ни одного слова.

– Надо было просто отдать ее лорду, – заметил Тавиус. – По крайней мере тогда от нее была бы какая-то польза.

Я проигнорировала едкое высказывание принца и быстро зашагала через ниши к выходу из Большого Чертога. Юбка хлестала по каблукам моих сапог.

В коридоре было тревожаще тихо. Я накинула на голову капюшон – действие, продиктованное в первую очередь привычкой. Многие из работающих в замке Вэйфейр считали меня простой прислужницей, ведь так обращалась ко мне королева. Для большинства же людей за пределами замка я была незнакомкой, как и в те времена, когда носила вуаль Избранной.

Я шла мимо больших лиловых знамен, украшающих стены. Они колыхались на теплом ветру, дующем в открытые окна. В центре каждого знамени при свете ламп поблескивал золотой королевский герб.

Корона из золотых листьев, пронзенная мечом.

Этот герб должен был символизировать силу и лидерство.

Мне же казалось, будто кому-то пробили череп. И, наверное, так думала не только я.

Я прошла мимо королевских гвардейцев у двери, выходящей на стену, с которой открывался вид на море Страуд. Где-то там, я знала, ждет корабль с Водинских островов. Спустившись вниз и миновав конюшни, я пересекла двор и выскользнула через узкую калитку, которой редко пользовались. Она выводила на узкую тропинку, петляющую через утесы над Нижним Городом – районом складов и притонов, которые предназначались для портовых рабочих и моряков.

При свете луны я прокладывала путь по крутому спуску к темно-багровым парусам небольшого корабля с водинским гербом. Четырехглавый морской змей.

Боги, терпеть не могу змей. Хоть с одной, хоть с четырьмя головами.

Судя по тому, что сказал лорд Саррос перед тем, как произошел несчастный случай с его головой, с лордом Клаусом путешествует небольшая команда – еще три лорда.

Я закончила спуск и вступила в переулок между темными тихими зданиями. Кожу увлажнил воздух, напоенный соленым ароматом моря. Подошвы моих сапог не издавали ни звука на потрескавшемся камне. Я прокралась к зданию на пристани, рядом с которым был пришвартован водинский корабль. Подол моего платья трепал ветер. Благодаря годам усиленных тренировок с сиром Холландом мои шаги были легкими, а движения точными. Манера двигаться почти бес-

шумно – одна из причин, почему некоторые старые слуги боялись, что я призрак, а не существо из плоти и крови. Порой мне и самой казалось, что я... всего лишь нечеткое привидение.

Сегодня была одна из таких ночей.

В дюжине футов от причала я остановилась и стала ждать. Мимо шли моряки и рабочие. Некоторые торопились в притоны, другие уже шли оттуда, спотыкаясь. Я просунула руку в разрез на платье и обхватила пальцами рукоять кинжала, закрепленного на бедре. Железо согрелось моим прикосновением, став словно частью меня. Я пощупала лезвие, выступающее над ножами. Тенекамень. Кинжалы из тенекамня – редкость в царстве смертных.

На улицу открылась какая-то дверь. Из нее донесся грубый хохот, а следом визгливое хихиканье. Я смотрела прямо перед собой, неподвижно застыв в тени, и думала о маме – о своей семье. Наверное, они уже ушли в пиршественный зал, где будут ужинать и беседовать, делая вид, будто лорд Водинских островов не вернул им только что голову их советника. Будут притворяться, словно это не еще один знак, что королевство находится на грани краха. Я никогда с ними не ужинала. Даже до того, как подвела их. Прежде меня это не волновало. По крайней мере, не часто, потому что я была Избранной. У меня была цель.

«Мне не нужна супруга».

После этих слов в моей жизни многое изменилось. Ко-

гда мне исполнилось восемнадцать, меня опять нарядили в то прозрачное платье, закутали в вуаль, привели в Теневой храм и призвали Первозданного Смерти.

Он не появился.

Дела пошли еще хуже, когда мне исполнилось девятнадцать и все повторилось. А полгода назад, в свой двадцатый день рождения я в четвертый раз сидела на троне в той проклятой вуали и платье. Его призвали снова, и он опять не пришел. Тогда все рухнуло. До тех пор я не знала, что такое тяжелая жизнь.

Раньше мне всегда приносили еду в комнату – завтрак, небольшой обед, а затем ужин. После первого призыва все изменилось. Мне забывали приносить еду. Присылали меньше. А после последнего призыва доставлять еду в комнату вообще перестали. Мне приходилось совершать набеги на кухню в те короткие промежутки времени, когда там можно было найти что-то съедобное. Но с этим я могла справиться, как и с недостатком необходимых вещей и новой одежды на смену изношенной. Многие в Ласании имели еще меньше. Хуже всего было то, что в последние три года мама со мной почти не разговаривала. Почти не смотрела на меня, разве что в такие вечера, как этот, когда хотела отправить послание. Неделями я не видела ее, и хотя она всегда держалась отчужденно, раньше я иногда проводила время с ней. Она проверяла, как мы тренируемся, а порой даже обедала со мной. А еще был Тавиус, который понимал, что теперь его

поведение не повлечет никаких последствий. Когда я не тренировалась с сиром Холландом – который верил, что Первозданный все же придет за мной, потому что я никому не передала тех слов, даже сводной сестре Эзре, – я сидела в одиночестве, и долгие часы тянулись мучительно медленно.

Но сегодня мать посмотрела на меня. Она заговорила со мной, потому что хотела этого.

Во рту скопилась горечь. У входа в переулок появилась знакомая фигура. Я узнала покрой темно-красной туники и светлые волосы, сияющие в лунном свете.

Мое сердце билось медленно и ровно. Я сняла капюшон и вышла из тени на свет фонаря.

– Лорд Клаус, – окликнула я.

Он остановился и повернулся к переулку. Склонил голову.

– Прислужница?

Не знаю, почувствовала ли я облегчение, или боль, или вообще ничего.

– Да.

– Проклятье, – протянул он, свернув в переулок. – Неужели эта сука королева передумала?

В каждом его неторопливом шаге сквозили самоуверенность и беспечность.

– Или я тебе приглянулся? – Он приосанился. – И ты здесь, потому что сама этого захотела?

Я подождала, пока он отойдет от улицы и между нами

останется всего несколько футов. Хотя в этой части Карсодонии можно кричать сколько угодно – никто и внимания не обратит.

– Что-то вроде того.

– Вроде того?

Он присвистнул, и его взгляд соскользнул с моего лица на округлости груди, выступающие над тонким лифом.

– Бьюсь об заклад, ты многое знаешь о некоторых вещах?

Я не совсем поняла, о чем он, да и мне было все равно.

– Королева недовольна вашим ответом.

– Ну еще бы. – Остановившись передо мной, он перестал улыбаться и посмотрел мне в лицо. – Надеюсь, ты проделала весь путь сюда и ждала меня не затем, чтобы просто сообщить об этом.

– Нет. Я пришла передать послание.

– А послание находится под этим? – поинтересовался лорд Клаус, просовывая пальцы в разрез на моем платье. – Держу пари, оно приятное, теплое и...

Он потянул тонкую ткань и обнаружил кинжал на моем бедре.

– Послание не приятное, не теплое, и его сложно описать в тех словах, которые были готовы сорваться с твоих губ.

Я вытащила кинжал.

Он метнул взгляд на меня, на миг удивленно выпучив глаза.

– Да ты шутишь.

– Единственная шутка, которую я здесь нахожу, – твоя уверенность, будто ты переживешь эту ночь. – Я помолчала. – А еще то, с какой готовностью ты шагнул в ловушку.

Его лицо пошло пятнами, а черты исказились гневом, смешанным с потрясением. Мужчины и их ранимое самолюбие. Ими так легко манипулировать.

Лорд Клаус замахнулся увесистым кулаком. Зная, что он это сделает, я поднырнула под его руку и быстро выпрямилась у него за спиной. Ударила его, припечатав ногой в середину спины. Он с рычанием качнулся вперед, пытаясь удержаться на ногах. Выхватив меч, он замахнулся им по широкой дуге, заставив меня отскочить. Это одно из преимуществ длинных клинков. Меч вынуждает противника держаться подальше, чтобы не потерять жизнь или руку. Но меч тяжел, и мало кто может сражаться им с изяществом.

Лорд Клаус к таким не относился.

Как и я.

– Знаешь, что я собираюсь сделать? – Он шагнул вперед.

– Позволь предположить. Уверена, что-то отвратительное – твоим членом, а затем мечом.

Он сделал обманное движение.

– Узнаешь.

Я ринулась навстречу его атаке, целясь пониже, и ударила его в живот. Он шатнулся назад, но быстро восстановил равновесие и замахнулся локтем. Он бы попал, если бы я не пригнулась. Лорд Клаус развернулся и сделал выпад мечом,

но я метнулась влево. Клинок вошел глубоко в стену. В воздух взметнулось облако каменной пыли, а я повернулась и схватила противника под руку.

Он потянул меч, а я крутанулась и впечатала локоть ему в лицо. Голова лорда Клауса дернулась назад. Выругавшись, он вырвал меч и развернулся ко мне. Из его носа текла кровь. Он бросился на меня, сделал отвлекающий маневр вправо, повернулся и высоко занес меч.

Я качнулась вперед, схватила его за волосы и сильно дернула назад. Это застигло его врасплох, он потерял равновесие и начал падать. Вот почему я заплетаю волосы в косу и убираю под капюшон.

Схватив свободной рукой его руку с мечом, я ударила локтем по его запястью. Он упал, вытянув ноги, и с оханьем выпустил меч.

«Вдохни».

Меч с тяжелым стуком ударился о землю, и я обнажила кинжал из тенекамня. Клинок у него был легкий, обоюдоострый. «Задержи дыхание». Пустота внутри меня начала трескаться, ненадолго позволив удушающей тяжести заполнить мое горло. «Я не чудовище», – прошептала я.

– Ты дурная су...

«Выдохни». Я заставила себя двигаться. Стремительно дернула его голову вверх и всадила кинжал. Острие пронзило шею, разрубив позвоночник, и, следовательно, связь тела с мозгом.

Лорд Клаус дернулся один раз – и все закончилось. Больше он не издал ни звука. Ни вздоха. Внутреннее обезглавливание – быстрое, не такое ужасное и почти безболезненное.

Тяжело дыша, я освободила кинжал и осторожно опустила безвольно качнувшуюся голову на землю.

Я встала, вытерла клинок о платье и убрала в ножны. Повернувшись, заметила упавший меч лорда Клауса. К ладоням подступало тепло, жар моего дара давил на кожу. Я сжала руку в кулак, прогоняя тепло. Перешагнув через противника, подобрала меч и отправилась передать послание, чтобы мать могла гордиться мной.

* * *

Спрыгивая с корабля на причал, я думала только об одном: о моем озере в глубине Темных Вязов.

Я... сильно перепачкалась. Я перерезала канат, удерживающий водинский корабль у берега. Течения в море Страуд сильные. За считанные минуты судно унесло достаточно далеко. Пройдут дни или даже недели, прежде чем лорды Водинских островов вернутся домой.

Но не целыми.

Отойдя от поблескивающей воды, я сделала глубокий вдох. От меня несло кровью и едким дымом «Белой лошади» – вызывающего зависимость порошка, который получают из ониксово-черных полевых цветов, растущих на лугах

Водинских островов. Его часто привозили купцы. Те лорды перебрали с дымом, и, возможно, именно он вызвал тупую боль, сдавившую мои виски. Головные боли, начавшиеся в прошлом году, прежде случались нечасто, но становились все более привычными. Я опасалась, что в конце концов меня ждет то же, что и маму, которой приходилось, спасаясь от боли, удаляться в личные покои на часы, а то и дни. Не удивительно, что одной из тех немногих вещей, которые нас объединяют, будет боль.

Хорошо, что на темной ткани платья не были заметны следы моих вечерних занятий, но красные пятна на руках уже начали засыхать. Глядя на уплывающий корабль, я пожалела тех, кто взойдет на его борт.

Я повернулась от причала, когда грубый крик, оборвавшийся глубоким стоном, и хриплый смех привлекли мое внимание к одному из ближайших кораблей. В свете фонарей показались очертания двух фигур. Одна почти перегнулась за борт корабля, а другая прижималась к ее спине. Судя по тому, как они двигались, они были настолько близки, насколько это возможно.

Я перевела взгляд на тени, движущиеся возле притона на другой стороне улицы. Не я одна подсматривала.

О боги.

Во многих частях Карсодонии люди пришли бы в ужас от поведения этих двоих на палубе. Но здесь, в Нижнем Городе, любой может вести себя так, как заблагорассудится. И это не

единственное место, где приветствовался разврат.

Уголки моих губ приподнялись, но улыбка быстро угасла, когда горькая боль пронзила грудь. Ощущение пустоты ушло, и я осмотрела себя. При виде засохшей крови на руках меня охватило отвращение. Мне не нужно идти к озеру. Мне ничего не нужно делать теперь, когда я исполнила то, что приказала мать. Я в основном... свободна. Это одно из небольших благословений, которые принес мой провал. Я больше не сижу взаперти, мне не запрещено покидать замок Вэйфейр или Темные Вязы. Еще одно благословение – осознание, что моя чистота больше не является товаром, частью красивой упаковки, предлагающей невинность с оттенком соблазна. Я изогнула губы. Никто не знает, что Первозданный Смерти не придет за мной, но я – знаю. И у меня нет причин беречь то, что даже не должно оцениваться.

Я опять перевела взгляд на корабль. Человек, прижавший другого к ограждению, неистово двигался, его бедра опускались с довольно... впечатляющей силой. Судя по звукам, доставляя немалое удовольствие.

Мои мысли немедленно перекинулись к Люкс.

Однажды сир Холланд посетовал, что мне недостает общения с родителями и что в последние три года это породило во мне склонность к импульсивным и безрассудным поступкам. Он сказал это, не зная и о половине моих самых опрометчивых решений. Не представляю, имеет ли какие-то последствия недостаток внимания со стороны мамы и отчи-

ма, но не могу поспорить с суждением рыцаря.

Я импульсивна.

А еще – очень любопытна.

Я почти два года набиралась храбрости, чтобы начать исследовать то, что было запрещено мне как Деве. Испытывать то, о чем читала в неподобающих книгах из городского Ате-неума, которые стояли на самых высоких полках, куда не добрались бы маленькие ручонки и любопытные умы. Я искала путь справиться с вечным ощущением пустоты.

– О боги! – донесся с палубы резкий крик освобождения.

В «Нефрите» были ваннные комнаты, где я смыла бы кровь. «Нефрит» мог многое предложить, даже мне.

Приняв решение, я подняла капюшон, быстро пересекла улицу и направилась к Золотому мосту. За последние три года я нашла множество коротких путей, и этот мост – самый быстрый способ пересечь реку Най, отделяющую Садовый район от таких менее богатых кварталов, как Перекресток Крофта. Здесь стояли свежевыкрашенные особняки и большие дома на одну или две семьи, а их обитатели тратили деньги на роскошные ткани, ели и пили в усаженных розами дворах и делали вид, будто Ласания не умирает. На другом берегу реки Най люди ни на минуту не забывали, что королевство обречено, а вкус легкой жизни могут мимолетно ощутить лишь те, кто переходит Най, спеша на работу в особняки.

Думая о ванне и других вещах, ожидающих меня, я спе-

шила по узким переулкам и дорогам. Наконец я одолела крутой подъем на холм и увидела мост. Газовые фонари на Золотом мосту бросали маслянистый свет на деревья жакаранды, растущие вдоль берега. Прежде чем перейти реку, я вошла в один из множества темных переходов, соединяющих разные уголки Садового района.

Тяжелые вьющиеся побеги, усеянные фиолетовыми и белыми цветками душистого горошка, покрывали решетку беседки, тянулись от одной к другой, образуя длинные туннели, куда проникали лишь слабые проблески лунного света.

Я не позволила мыслям блуждать, чтобы не думать о тех лордах. Иначе пришлось бы вспомнить еще девятерых, которые были до них, а затем и о той ночи, когда я потерпела провал. А потом придется признать, что мне никогда не испытать такой близости, как у тех двоих на корабле, если узнают, кем я когда-то была и кем стала. Я позволила себе думать только, как смою с себя кровь и запах дыма. Украду немного времени, чтобы забыться и побыть кем-то другим.

Услышав пронзительный крик, я остановилась. Не знаю, как долго я шла, но этот крик несколько не походил на те, что доносились с палубы корабля.

Развернувшись на звук, я нашла ближайший выход из плетеного туннеля и выскочила на тихую улицу. Осматриваясь, я увидела темные здания и освещенный каменный мост, соединяющий две стороны Садового района, и поняла, где нахожусь.

Люкс.

Узкая улочка была обязана своим названием не величественным особнякам, а заведениям, спрятанным в густых садах. Заведениям с черными дверями и закрытыми ставнями, которые обещали... все виды наслаждений. Именно туда я и направлялась.

Я не ожидала, что на Люкс будет так тихо в это время ночи. Сады почти всегда полны людей. Моя кожа покрылась мурашками. Я двинулась по каменному тротуару, держась ближе к изгородям, окружающим сады.

Внезапно в нескольких футах впереди меня на дорожку выскочил человек. Я отшатнулась и в свете фонаря смогла разглядеть лишь светлые штаны и незаправленную белую рубашку. Мужчина проскочил мимо, похоже, даже не заметив меня. Я проследила, как он исчезает в темноте.

Крик повторился, на этот раз короче и отчаянней. Я медленно развернулась и, крадучись, пошла вперед, миновав дом, в окнах которого трепетали на теплом ветру занавески. Моя рука скользнула в разрез платья к кинжалу.

– Сделай это, – нарушил тишину сиплый голос. – Я никогда не буду...

Я добралась до угла дома, когда тротуар и пустую улицу залила вспышка яркого серебристого света. Что за?..

Говоря себе, что не нужно вмешиваться в чужие дела, я поступила противоположным образом и выглянула из-за угла здания.

Я приоткрыла губы, но не издала ни звука. Что было разумно. Но я пожалела, что не пошла своей дорогой.

Во дворе темного дома стоял на коленях человек, вытянув руки. Его тело согнулось назад под неестественным углом. Жилы на шее вздулись, а кожа... была освещена изнутри. Беловатый свет наполнял вены на его лице, горло и сбегал в грудь и живот.

Перед ним... стояла богиня. Ее бледно-голубое платье в лунном свете казалось прозрачным, напоминая мое свадебное. Платье с низким вырезом приоткрывало округлости груди, плотно облегалo талию и бедра и растекалось мерцающей водой под ногами богини. На одном плече воздушную ткань скрепляла сверкающая сапфировая брошь. Гладкая кожа богини была цвета слоновой кости, а волосы – блестящими и черными как смоль.

Увидеть в столице бога или богиню не редкость. Они часто посещают царство мертвых – как мне представляется, из-за страшной скуки или по делам Первозданных, которым служат. Последние же бывают здесь очень редко, если вообще бывают.

Меня учили, что иерархия в Илизиуме примерно такая же, как и в царстве мертвых. Вместо королевства каждый Первозданный правит своим двором, а вместо знати у них боги, которые отвечают перед дворами. В Илизиуме десять дворов Первозданных. Десять Первозданных правят всем, что лежит между небесами и морями – любовью, рождения-

ми, войной и миром, жизнью и... да, даже смертью.

Но меня поразило, что богиня держит руку на лбу мужчины. И от нее исходит белый свет, наполняющий вены.

Рот мужчины раскрылся, но из горла не вырвалось ни звука. Только серебристо-белый свет. Он лился из его рта и глаз, потрескивая, искрясь, и взлетал в небо, поднимаясь выше дома.

Боги милостивые, это же итер, сама сущность богов и Первозданных. Прежде я никогда не видела, чтобы его так использовали, и не думала, что может быть необходимость убивать смертного таким образом. В этом просто не было смысла.

Богиня опустила руку, и итер исчез. Двор опять накрыли тени и пятна лунного света. Мужчина... рухнул вперед, не издав ни звука. Богиня отошла, позволив ему упасть на траву лицом вниз. Она посмотрела на свою руку и с отвращением скривила полные губы.

Я знала, что мужчина мертв. Знала, что причиной тому итер, хотя и не подозревала, что его можно так использовать. Под моей кожей собралось тепло, и мне понадобились все силы, чтобы подавить импульс.

Богиня повернулась к открытой двери дома. Оттуда вышел бог с кожей перламутрового оттенка, его волосы были почти такой же длины, что и у богини. Они спадали на его спину как жидкая ночь. Он что-то нес, спускаясь по ступенькам, что-то маленькое и бледное, безжизненное и...

Я похолодела от ужаса, несмотря на летнюю карсодонскую жару. Бог нес... нес за ноги спеленатого младенца. К моему горлу резко подступила тошнота.

Мне следовало уйти и заняться своими делами. Нельзя, чтобы богиня или бог меня заметили. Я не имела никакого отношения к происходящему здесь кошмару. Мне нельзя видеть больше, чем я уже увидела.

Бог швырнул ребенка, и тот упал рядом с мужчиной на край мерцающего платья богини.

Все это меня не касалось. Никто из смертных не мог вмешиваться в дела богов. Люди знали, что хотя боги могут быть милостивыми и щедрыми, они также могут быть жестокими и злобными, если их оскорбить. Каждый смертный усваивал это с рождения. Наверное, этот мужчина чем-то заслужил их гнев, но бог швырнул словно мусор младенца – невинного.

Тем не менее последнее, что мне следовало сделать, – это сжать рукоять кинжала из тенекамня, который вполне мог убить бога. Но ужас уступил место жгучей ярости. Я больше не была пустой. Темное бешенство заполнило меня, выплескиваясь через край. Вряд ли я смогу уложить обоих, но уверена, что убью бога прежде, чем опять встречу лицом к лицу с Первозданным Смерти. Я не сомневалась, что сегодня ночью моя жизнь закончится.

И крохотная, глубоко спрятанная часть моей души, которая помнила тот момент, когда мама отвесила мне пощечину, прекратила волноваться, буду ли я жить или умру.

Я вышла из-за дома...

Единственным предостережением было движение воздуха вокруг меня – ветер, пахнувший чем-то чистым и цитрусовым.

Мне зажали рот, и меня пронзил разряд энергии в тот момент, когда меня обхватили, придавив руки к бокам. Потрясение от контакта – разряд, последовавший за касанием, касанием чьей-то кожи к моей, – стоило мне доли секунды, которая была нужна, чтобы разорвать хватку. Я дернулась назад и ударилась о жесткую, как стена, грудь.

– На твоём месте я бы не издавал ни звука.

Глава 2

Предостережение, едва громче шепота, прозвучало в тот момент, когда напавший оторвал меня от земли. Я была потрясена. Он унес меня со двора поразительно легко, словно маленького ребенка. А меня нельзя было назвать маленькой – ни ростом, ни весом. Мужчина к тому же оказался невероятно быстрым. В одно мгновение мы оказались в одном из увитых зеленью переходов.

– Не знаю, что ты там задумала, – снова заговорил он. Тревога прозвенела во мне громко, как колокола, звучащие каждое утро в Солнечном храме. – Но, могу тебя заверить, это закончилось бы для тебя плохо.

Как только он меня отпустит, ему самому будет плохо.

Мое сердце сильно колотилось, я извивалась, пытаюсь освободиться. Он только крепче стиснул мою талию, шагая дальше по туннелю, куда сквозь густые заросли, покрытые сладко пахнущими цветами, просачивались лишь узкие полоски лунного света. Я потянулась к кинжалу, повернув голову и пытаюсь разжать его руку. Но мне ничего не удалось.

Во мне вспыхнуло раздражение, смешанное с паникой. Я не привыкла, чтобы со мной так обращались, за исключением тренировок и боев. Даже когда я училась в «Нефрите». Ощущение его руки на моем рту, его пальцев на щеке и того, как крепко он держал меня – что меня вообще держали, –

было почти таким же ошеломляющим, как и осознание, что я угодила в ловушку.

Я подогнула ноги и ударила, но попала в пустоту. Сделала это еще раз, и еще, размахивая ногами, пока не заболели мышцы живота.

– И что бы ты ни задумала сейчас... – продолжал он, стоя неподвижно – мои попытки вырваться не сдвинули его ни на дюйм. Он говорил почти со скукой. – Это тоже не закончится для тебя ничем хорошим.

Тяжело дыша, я позволила телу обмякнуть и стала думать. Мужчина силен и может с легкостью нести меня. Я не буду отчаянно вырываться, как дикое животное.

«Соображай, Сера. Думай». Я сосредоточилась на ощущении от него, пытаюсь оценить его рост. Прижатая к моей спине грудь была твердой... и холодной. Как и рука на моем рту. Примерно такой бывала моя кожа, когда я выходила из озера. Я пошевелилась и подняла ногу, проводя ступней вверх по его ноге, чтобы найти колено.

– Впрочем... – Он изысканно растягивал слова. Его голос был чувственным, и что-то в нем казалось странным. Едва заметный акцент напомнил о чем-то. – Мне страшно интересно, что это ты пытаешься сделать.

Я прищурилась; моя ярость победила панику. Я нашла изгиб его колена и вскинула ногу, чтобы размахнуться для жестокого...

Он с мрачной усмешкой отступил в сторону, избежав мо-

его удара.

– Нет уж, спасибо.

Приглушенный звук, который я издала в его ладонь, был рожден чистой, незамутненной яростью.

Мрачный смешок раздался снова, на этот раз тише, но я ощутила его каждым дюймом спины и бедер.

– Ты злющее маленькое существо, правда?

Злющее? Маленькое? Существо?

Я не маленькая и не существо, но сейчас я действительно чувствовала все оттенки злости.

– А еще немного неблагодарное, – добавил он.

Его холодное дыхание коснулось моей щеки. Моей щеки. Воздух замер у меня в горле. Во время борьбы капюшон соскользнул назад, почти открыв мое лицо.

– Тебя бы убили прежде, чем ты смогла воплотить свою неразумную идею. Я спас тебе жизнь, а ты пытаешься меня ударить?

Я сжала кулаки и повернула голову. Он вдруг замер, прижавшись ко мне. Его тело излучало напряжение.

– Это все, Мадис? – донеслись снаружи туннеля слова женщины.

– Да, Кресса, – ответил глубокий, исполненный силы голос.

Бог и богиня. Я застыла рядом с моим пленителем.

– Пока что.

Два слова, произнесенные Крессой, сочлились раздраже-

нием.

– Должно быть, мы уже близко, – сказал Мадис.

Спустя мгновение тишины снова заговорила Кресса:

– Тарик, ты знаешь, что с ними делать.

– Разумеется, – отозвался второй мужчина.

– Раз уж мы здесь, можем и поразвлечься, – заметил Мадис.

Поразвлечься? После того, как он убил младенца?

– Как хотите, – вымолвила богиня, и все стихло.

Их трое. Тарик. Мадис. Кресса. Я снова и снова повторяла эти имена, когда вокруг воцарилась тишина. Я не была с ними знакома и понятия не имела, к какому двору они принадлежали, но их имена я не забуду.

Держащий меня мужчина переступил с ноги на ногу, и его дыхание коснулось моей щеки.

– Если я уберу руку, обещаешь не делать глупостей, в том числе не кричать?

Я кивнула, прижавшись затылком к его груди. Крик никогда не был для меня способом решения проблем.

Он медлил.

– Мне кажется, что я об этом пожалею, – сказал он со вздохом, из-за чего я заскрежетала зубами. – Но, наверное, просто добавлю это в растущий список того, о чем жалею.

Он убрал руку от моего рта и опустил на мой подбородок, обхватив его пальцами. Я сделала глубокий вдох, стараясь игнорировать холод, исходящий от него, и стала ждать, когда

он меня отпустит.

Он не отпускал.

– Ты собираешься идти за этими богами, – заявил он через мгновение. – Об этом ты думала?

Хороший вопрос, поскольку смертным запрещено вмешиваться в дела богов. Это считается оскорблением Первозданного, которому они служат. Но у меня был ответ.

– Они убили младенца.

Мгновение он молчал.

– Это не твое дело.

Я напряглась, услышав это.

– Убийство невинного ребенка должно волновать каждого.

– Ты так думаешь, – ответил он, и я нахмурилась. – Но это не так. Ты поняла, кто они, как только их увидела. Ты знала, что тебе следовало сделать.

Я знала, и мне было плевать.

– И ты также считаешь, что мы должны оставить тела там?

– Вряд ли они их оставили.

Когда боги убивали смертных, они оставляли тела, обычно в качестве предостережения. А если они их не оставили, то куда забрали? И зачем? Зачем они это сделали? Мог еще кто-нибудь быть в том доме?

Я подняла голову. Его рука последовала за моим движением.

– Так ты собираешься меня отпустить? – спросила я тихим

ГОЛОСОМ.

– Не знаю. Не уверен, что готов к тому, что ты собираешься сделать.

Я уставилась на темные побеги, нависающие над моей головой.

– Отпусти меня.

– Чтобы ты побежала туда и дала себя убить? – возразил он.

– А вот это не твое дело.

– Ты права. – Он помолчал. – Но ты и ошибаешься. Но поскольку спасение твоей жизни нарушило мои планы на вечер, хочу убедиться, что мои благородные действия стоили того, что я потерял, придя тебе на помощь.

Я не могла поверить собственным ушам.

– Я не просила твоей помощи.

– Но все равно ее получила.

– Отпусти меня и можешь возвращаться к своим важным планам на вечер, в которые, наверное, не входит проявить простую порядочность и забеспокоиться из-за бессмысленных убийств, – возмутилась я.

– Тебе нужно понять пару вещей, – протянул он, и его большой палец скользнул по моей челюсти. Я застыла от такой неожиданной и непривычной для меня ласки. – Ты понятия не имеешь, в чем заключались мои планы на вечер, но да, они были очень важными. И ты не знаешь, что меня беспокоит, а что – нет.

Я поморщилась.

– Спасибо за разъяснение.

– Но в одном ты права, – продолжал он, будто я ничего не говорила. – Во всем моем теле нет ни одной порядочной косточки. Да, у меня нет того, что ты называешь простой порядочностью.

– Ну, это... повод для гордости.

– Да, – согласился он. – Но сейчас я притворюсь порядочным и отпущу тебя. Тем не менее, если ты попытаешься вернуться туда, я тебя поймаю. Ты от меня не убежишь, и вся эта ситуация меня разозлит.

Его странное стремление помешать мне лишиться жизни выглядело как самая настоящая порядочность. Но я не собиралась указывать на это.

– Я чем-нибудь дала понять, что меня волнует, не разозлю ли я тебя? – поинтересовалась я.

– Похоже, нет. Но надеюсь, ты найдешь в себе хотя бы каплю здравого смысла и решишь ею воспользоваться.

Я вздрогнула от гнева.

– Это было грубо.

– Даже если и так, ты понимаешь? – спросил он.

– А если я скажу «нет»? Будешь держать меня здесь всю ночь? – бросила я.

– Поскольку мои планы рухнули, у меня есть немного свободного времени.

– Ты издеваешься? – огрызнулась я.

– Вовсе нет.

Все мое тело ныло от желания врезать ему. И сильно.

– Понимаю.

– Хорошо. Если честно, у меня уже начали уставать руки. Погодите. Он намекает, что я?..

Он отпустил меня. Боги, какой он высокий. Должно быть, от моих ног до земли был целый фут, судя по тому, как жестко я приземлилась. Я оступилась, и он подхватил меня под руки, не давая упасть. Еще одно доказательство порядочности, за которое я нисколько не была благодарна.

Освободившись, я развернулась к нему и потянулась к кинжалу.

– А теперь ты издеваешься. – Мужчина вздохнул и сделал выпад.

Он был быстрым как молния и схватил мое запястье прежде, чем я выдернула клинок. Я ахнула. Одетый во все черное, он казался не более чем плотной тенью. Он притянул меня к груди и резко развернулся вместе со мной. Через пару быстрых ударов сердца я опять оказалась в ловушке, на этот раз между увитой растениями стеной и его телом.

– Проклятье. – Я отклонилась назад, поднимая правую ногу...

– Давай не будем это делать?

Переместившись, он резко придавил бедром мою ногу, схватил меня за запястья и свел их вместе.

Я боролась изо всех сил, а он поднял мне руки над головой

и прижал к стене. На нас дождем посыпались цветы. Я подняла свободную ногу. Мне просто нужно немного места...

– Полагаю, это означает «нет». – Он наклонился вперед и прижался ко мне всем телом.

Я застыла. Воздух застрял в горле. Похоже, ни одна часть моего тела не осталась свободна. Мои ноги. Бедро. Живот. Грудь. Я чувствовала его, его бедра на моем животе, его живот и нижнюю часть груди – на моей груди; чувствовала сквозь одежду его кожу – холодную, как первое прикосновение осени. Мои ощущения смешались. Я заставила себя набрать воздуха в легкие – вдохнула его свежий цитрусовый запах, за которым даже не чувствовался аромат душистого горошка, росшего вокруг. Никто – даже сир Холланд и люди, знающие, кто я, – не приближался ко мне настолько.

Я не видела, когда он переместил свободную руку, но почувствовала, как она проскользнула под мою голову и застыла между моим затылком и стеной.

– Тебе нужно кое-что понять. – Его шепот наполнился мраком. – Хотя я не предлагаю перестать бороться – можешь делать все, что считаешь нужным, – тебе следует знать: ты меня не одолеешь. Никогда.

От категоричности его слов по моим рукам пробежала дрожь. Я запрокинула голову и подняла взгляд... Да он выше меня на добрый фут, а то и больше. Может, даже выше Первозданного Смерти. По шее пробежал тревожный холодок. Большая часть его лица оставалась в тени, и я видела толь-

ко твердую линию челюсти. Потом он чуть наклонил голову, попав в пятно лунного света – и я разглядела его.

Этот мужчина... абсолютно, без сомнений был самым ошеломительным из всех, кого я встречала. А мне доводилось видеть красавцев. Некоторые были из Ласании, другие – из восточных королевств. Некоторые обладали более утонченными чертами, чем тот, кто прижимал меня к стене, но ни у одного они не были так гармоничны, так... чувственны, как у него. Даже в лунном свете было видно, что у него сияющая кожа золотистого оттенка, напоминавшего пшеницу. Высокие и широкие скулы, прямой, как клинок, нос, а губы... полные и широкие. Такой тип лица, который любой художник захочет изваять в камне или запечатлеть угольным карандашом. Но в его чертах таилась холодность. Словно сами Первозданные создали эти линии и грани и забыли добавить человечности.

Я посмотрела ему в глаза.

Серебро.

Его глаза были невероятного, сияющего оттенка – яркие, как сама луна. Прекрасные. Вот все, что мне пришло в голову, а потом... я увидела свет за зрачками, завитки итера.

– Вы бог, – прошептала я.

Он ничего не сказал, но во мне проснулся инстинкт, побуждающий либо подчиниться, либо бежать – немедленно сделать либо одно, либо другое. Инстинкт кричал, что меня даже несколько дюймов не отделяют от одного из самых

опасных в любом мире хищников.

Но я... я не могла осмыслить, как он может выглядеть всего на несколько лет старше меня. Конечно, это не так. Ему могло быть сотни лет. Но кроме той ночи, когда должна была состояться моя свадьба, мне не доводилось находиться так близко к существам из Илизиума. Меня смутил его юный вид.

Тут я осознала, что пыталась ударить бога – причем не один раз. И даже кинжалом.

И он... не сразил меня.

Ничем не навредил. Все, что он сделал, – это помешал навредить самой себе. Ну и да, он удерживал меня. Тем не менее мог сделать что-то гораздо, гораздо хуже.

Может, он из двора Страны теней и отвечает перед Первозданным Смерти? У меня внутри все перевернулось. Понятия не имела, известно ли обо мне кому-нибудь из богов, которые служат Первозданному Смерти. Любые сделки между смертным и богом оставались только между ними двоими, но эта сделка – совершенно иное дело. Вполне возможно, что все боги в Стране теней знали: у Первозданного была супруга, которую он так и не забрал, хотя и заключил договор.

Бог наклонил голову, и густые волны волос упали ему на щеки. Он поймал в плен мой взгляд, и я не могла отвернуться, даже если бы перед нами возник сам Первозданный Смерти. Не могла отвернуться, пока в серебре его глаз вихрились клубы итера.

К горлу подступил ком. От того, что кто-то смотрел на мое лицо так пристально, я испытывала что-то совершенно неральное. Я не привыкла к такому после семнадцати лет под вуалью Избранной. Когда на меня смотрели, у меня возникало ощущение... уязвимости, вот почему я старалась прятать лицо под капюшоном всегда, когда мамы не было рядом. Теперь она предпочитала, чтобы мое лицо оставалось открытым – словно напоминание о моем провале. Как бы это ни было глупо, но меня начало охватывать возбуждение.

Он пробормотал ругательство.

У меня в груди затрепетало. Неужели он понял, кто я? Как такое возможно? Меня так прятали. Моего лица не видели даже Теневые жрецы, хотя и знали, кто я.

– Что?

Он так пристально рассматривал мои черты, что начало покалывать веснушки у меня на носу и щеках. Он на миг закрыл глаза. Мы находились так близко друг к другу, что, когда его ресницы взметнулись вверх, я заметила, какие они густые.

– Все смертные знают, что богам мешать нельзя.

Я с усилием сглотнула, чувствуя, что нарастающее восхищение пропало.

– Знаю. Но...

– Они убили невинного, – перебил он и посмотрел на выход из туннеля. – Но тебе следовало догадаться, что лучше не вмешиваться.

Я беспомощно расслабила руки. Я знала, что возражать богу нельзя. Следует поблагодарить его за помощь – помощь, о которой я не просила, – а потом постараться оказаться от него как можно дальше. Но я этого не сделала. Наверное, утратила контроль над собой. А может, дело было в моем безрассудстве, на которое сир Холланд сетовал при каждом удобном случае. Или я вдруг просто перестала беспокоиться.

– А вам следовало обратить внимание на то, что они убили невинного ребенка, а не на то, что я собиралась сделать, – возмутилась я. – Или вам все равно, потому что вы бог?

Его глаза загорелись ярче. У меня внутри расцвел страх и просочился в кровь. Смертным нельзя перечить богу. Это я тоже знала.

– Эти трое заплатят за то, что сделали. Можешь не сомневаться.

Я похолодела, хотя он и не обвинил меня в неподобающем поведении. Он говорил так, словно обладал достаточной силой и властью. Словно хотел лично проследить за этим.

Он бросил взгляд на выход из туннеля, а затем посмотрел мне в глаза и предупредил:

– Они идут.

Не успела я и слова вымолвить, как он опустил мои руки и разжал хватку. Но воспользоваться свободой я не успела. Он схватил меня за талию, оторвал от земли и, проведя рукой по голому бедру, закинул мою ногу себе на пояс. Меня захлестнула паника. Что за?..

– Обхвати меня второй ногой, – тихо приказал он мне. – Нельзя, чтобы они тебя увидели.

То ли из-за его зловещего тона, то ли из-за неустойчивого положения, в котором оказалась, но я подчинилась. Обхватила его правой ногой и вцепилась в рубашку, подозревая, что он не хочет, чтобы видели и его.

– Если только попробуете что-нибудь... – предупредила я.

Он опустил голову, и я испуганно втянула воздух, почувствовав, как его губы изогнулись в улыбке, касаясь моей щеки. Они казались такими же холодными, как и его касания.

– Что ты сделаешь? – прошептал он. – Опять потянешься к оружию на бедре?

– Да.

– Даже зная, что не успеешь нанести удар?

Я крепче сжала его рубашку.

– Да.

Он негромко рассмеялся, и я ощутила это всем телом.

– Ш-ш.

Он только что шикнул на меня? Я напряглась, как тетива лука. Его переносица легла в изгиб моей щеки, и я замерла по совершенно иной причине. Его губы оказались так близко от моих, что касались уголка рта. Меня закрутил вихрь ощущений – дикая смесь недоверия, гнева и чего-то вроде предвкушения, которое я испытывала, входя в «Нефрит». Я не могла понять. Это не одно и то же. Я не знала этого мужчину. Неважно, сколько смертных с радостью поменялись бы

со мной местами: людей часто тянуло к богам, как ночные розы – к луне. Но такие, как он, опасны. Он хищник, каким бы прекрасным и великодушным ни казался.

Но ко мне редко приближались так близко, касались меня. Дотрагивались. Те, кто это делал, тоже были незнакомцами. Разве что когда они касались меня, то делали это вовсе не со мной. Я оставалась такой же безымянной, какими часто были они, когда я позволяла увести себя в темную нишу или за закрытые двери комнаты, где ничто не длилось долго. Где я носила вуаль, хотя мое лицо оставалось открытым.

Но сейчас я чувствовала себя собой. Больше, чем когда-то за долгие годы.

– Поцелуй меня, – велел он.

Во мне вспыхнуло раздражение. Ненавижу, когда мне приказывают. Если честно, это началось давно. Наверное, это стало одной из причин, почему меня отвергли. Но его требование имело смысл. Показалось бы странным, если бы мы просто стояли вот так и ничего не делали, продолжая сверлить друг друга сердитыми взглядами.

Поэтому я поцеловала его.

Поцеловала бога.

От соприкосновения наших губ у меня внутри все обрвалось, как бывало, когда я слишком близко подходила к краю Утесов Печали. Его губы были холодными, они казались мягкими и одновременно твердыми и соблазнительно отвечали на каждое движение моих. Он совершенно замер, и

двигался только его рот. Рука на моем левом бедре и другая – на боку – оставались неподвижны. Он будто заледенел, и я сама не поняла, почему сделала то, что последовало дальше. Может, виной тому была моя импульсивность. Может, мое раздражение. Или его кажущееся спокойствие. И если быть до конца честной, возможно, это случилось из-за того, что он мог оказаться из Страны теней и служить Первозданному, который лишил меня возможности спасти королевство. Не исключено, что ни одна из этих причин не была верна, но меня это не заботило.

Я поймала его нижнюю губу зубами и прикусила. Не до крови, но он дернулся всем телом, и его спокойствие исчезло.

Он наклонил голову и углубил поцелуй. Теперь его губы больше не казались мягкими. Он раздвинул мои губы яростным толчком языка, а от ощущения его острых зубов на моей нижней губе по мне пробежала волна трепета. Его зубы. Клыки. О боги. Я и забыла об этом. Мои вены заполнил страх, ведь я знала, какие они острые. Знала, что бог может ими сделать. Но когда провела языком по его языку, в мою кровь хлынуло что-то еще – порочный и разрушительный, опьяняющий трепет. Его вкус был древесным и дымным – как виски. Бог издал глубокий горловой звук, от которого у меня заколотилось сердце.

Его ладонь изогнулась на моем бедре, холодные пальцы вжались в кожу, оставляя обжигающий след. Он убрал руку

с моей талии и просунул ее между моим затылком и стеной. По мне пробежала дикая дрожь. Он вцепился в мои волосы, и булавки, удерживающие косу, выпали, но меня это не заботило. Он оттянул мою голову назад и... целовал меня так, будто не мог оставить неисследованным ни один уголок моего рта. Словно ждал этого вечность. Это была глупая и странная мысль, но я целовала его в ответ, совершенно забыв, зачем мы это делаем, и лишь смутно слыша звуки шагов и залиvistый смех нежелательного свидетеля – бога.

Все ли поцелуи богов такие опасно дурманящие, как этот? Здравый смысл тихо взывал ко мне, говоря, что стоит начать беспокоиться. Что, если нас видел Первозданный? Что, если он передумал, но нашел меня целующейся с одним из его богов? Мне следовало заволноваться, но вместо этого я целовала бога еще крепче, не желая думать о проклятом Первозданном. Я позволила себе существовать в настоящем моменте.

Все казалось таким же безумным, как когда я погружалась в озеро, чтобы проверить, как далеко могу зайти, и оставалась под водой, пока легкие не начинали гореть, а сердце – бешено стучать.

Сейчас я чувствовала подобное – необходимость узнать, как далеко могу зайти. Я провела руками по его рубашке, по груди. Кончики его волос коснулись моих пальцев. Я жала шелковистые пряди и притянула его ближе, прижавшись к нижней части его живота. Его рука соскользнула с моего

бедро и обхватила ягодицу. Тонкое нижнее белье не могло стать преградой для его руки.

Он стиснул меня, и я ахнула, а он провел языком по моему, взял зубами мою нижнюю губу и прикусил. Я вскрикнула от удовольствия и боли, пронзивших тело. Он провел языком по моей губе, смягчая жжение от укуса.

А потом наши губы разомкнулись. Он прижался лбом к моему лбу, и несколько секунд не существовало ничего, кроме молчания между нами. Ничего, кроме моего колотящегося сердца и его учащенного дыхания. Он убрал руку обратно на мою талию. Минуло еще мгновение, и он медленно поставил меня на ноги. Я заставила себя разжать пальцы и выпустить его волосы. Мои руки упали на его грудь.

Его сердце под моими ладонями билось так же быстро, как и мое.

Шли секунды. Я открыла глаза. Он оставался на месте, прижавшись лбом к моему и держа руку между стеной и моим затылком.

– Ты, – проговорил он невнятным голосом. – Ты была вполне убедительна.

– И вы тоже, – сказала я, немного задыхаясь.

– Знаю. Я хорошо умею притворяться.

Притворяться? В чем притворяться? Что получил удовольствие? Целуя меня? Я прищурилась и оттолкнула его.

Он шагнул назад и, мягко рассмеявшись, провел рукой, убирая волосы с лица.

Я отошла от стены и взглянула на темную тропинку, но ничего не увидела в просачивающемся сквозь листву лунном свете. Потом поднесла палец к еще пульсирующим губам, отвела его в сторону и уставилась на темное пятно на кончике пальца. Он...

Прокусил до крови.

Я резко подняла голову.

– Вы...

Бог сделал шаг и обхватил мое запястье. Поднял мою руку и, прежде чем я успела предположить, что он собирается делать, взял в рот мой палец и стал сосать. Это движение отозвалось во мне самым постыдным образом – меня затопило горячим влажным жаром.

Боги богов...

Он медленно оторвался от моего пальца и поднял на меня взгляд.

– Прошу прощения. Мне следовало уточнить. Я хорошо притворяюсь, что получаю удовольствие, когда на самом деле это не так, но я не притворялся, когда твой язык был у меня во рту.

Он выпустил мою руку, а я на несколько секунд утратила дар речи.

– Братъ у меня кровь, – услышала я свои слова, – это... неподобающе, когда я даже не знаю вашего имени.

– Это единственная неподобающая вещь из всего, что только что произошло?

– Ну... нет. Произошло много чего неприличного.

Он опять рассмеялся, и его смех звучал насыщенно, как темный шоколад. Я не сводила с него глаз. Может, я ошиблась насчет того, кому он служит, или, по крайней мере, он понятия не имеет, кто я на самом деле. Иначе вряд ли стал бы меня целовать. Я собралась спросить, знает ли он, кто я, но остановилась – нужно быть осторожной на случай, если он не знает.

– Почему вы помешали мне пойти за теми богами? – спросила я, сжимая в кулак пальцы, в том числе тот, который побывал у него во рту.

Он сдвинул брови.

– Нужна еще какая-то причина, кроме той, чтобы не дать человеку погибнуть?

– Обычно я бы ответила, что нет. Но вы бог и сами сказали, что в вас нет ни одной порядочной косточки.

– Одно то, что я не смертный, не означает, что я хожу и убиваю людей или позволяю им оказаться убитыми.

Я бросила взгляд в сторону входа в туннель.

Он опустил подбородок, и его черты заострились в серебристом свете.

– Я – не они, – сказал он негромко и убийственно мягко.

У меня волосы встали дыбом, и я подавила желание отступить назад.

– Значит, мне повезло?

Он окинул меня взглядом.

– Не уверен, насколько тебе повезло.

Я застыла. Проклятье, что это должно означать?

– И, возможно, одна порядочная косточка во мне все же есть, – добавил он, пожав плечами.

Я уставилась на него, и у меня ушло мгновение, чтобы сосредоточиться на главном, и это было не количество порядочных косточек.

– Бог, который прошел мимо... Он не мог вас почувствовать?

Он покачал головой.

– Нет.

Бог, стоящий передо мной, должен быть очень могущественным. Я читала, что только самые сильные могут скрывать свое присутствие от других – как это умеют Первозданные. Складывалось впечатление, что мои прежние подозрения были верны. Он хотел спрятать не только меня, но и самого себя.

Он собирался отвернуться от меня.

– Тебе пора домой.

– А вам? – бросила я, раздраженная тем, как быстро и легко он меня отпускает.

Он метнул на меня недоверчивый взгляд. Смертные не задавали вопросов богам – особенно невежливых. Мои мышцы напряглись, я приготовилась встретить его гнев или проклятие.

Вместо этого его губы медленно растянулись в ухмылке.

Стоя в пятнах лунного света, я обратила внимание, как изгиб его губ смягчил черты лица, сделал почти теплыми.

– Нет.

Он не стал уточнять, и хорошо. Мне ни к чему это знать. Давно пора обратиться от него подальше, пока я не разозлилась сильнее.

Или, хуже того, не совершила еще каких-нибудь импульсивных поступков.

Кроме того, у меня были планы – планы, которые несколько раз поменялись за последнее время.

– Что ж, это было... интересно. – Я обошла его и направилась к выходу, чувствуя, как он сверлит взглядом мою спину. – Доброй ночи.

– Ты идешь домой?

– Нет.

– А куда?

Я не ответила. Бог он или нет, это не его дело, и я не стану задерживаться только затем, чтобы он еще раз попробовал отправить меня домой. Тем не менее... казалось странным уходить от него. Непонятно, почему это представлялось неправильным, в этом не было смысла. Он бог. Я – провалившаяся Дева. Он помешал мне совершить безрассудство. Нам пришлось целоваться, и это оказалось приятно. Ладно, более чем приятно, я даже боялась, что стану сравнивать каждый будущий поцелуй с этим. Но ничего из перечисленного не объясняло отчаянного желания остаться.

Но я ушла.

Я ушла от бога, оставила его в тенистом туннеле и не оглянулась. Ни разу.

Глава 3

Ступив из туннеля под свет фонарей, я накинула капюшон и заставила себя идти, хотя странное ощущение, что я делаю что-то неправильно, не исчезло. Но сейчас в моей голове не осталось места, чтобы размышлять о причинах этого. Я свернула направо и решила, что подумаю об этом позже, когда лягу спать.

Подойдя к углу дома, я сделала глубокий вдох и вдруг поняла, что от меня больше не исходит запах «Белой лошади» и крови, теперь я пахну душистым горошком и свежими цитрусами, как бог. Я подавила стон.

Передо мной открылся двор. Я приготовилась к тому, что тела не убрали, и набросила на себя вуаль пустоты. Теперь ничто не могло меня напугать или навредить.

Но в бледном сиянии луны я увидела, что двор пуст.

Ощущая тревогу, я прошла через открытые ворота и двинулась по мощеной дорожке. Мое внимание привлек участок земли, и я остановилась. Место, где стоял на коленях смертный, было выжжено, словно здесь прошел огонь. Ни крови. Ни одежды. Ничего, кроме обгорелой травы.

– Ты куда?

Я развернулась, услышав голос бога, и моя рука замерла над рукояткой кинжала. Сердце заколотилось.

– Боги, – выдохнула я.

Он накинул капюшон черной туники, и его лицо пряталось в тени. Я не подозревала, что он пошел за мной.

– Прошу прощения. – Он слегка склонил голову. Я обратила внимание на серебряный обруч, сжимающий его бицепс. – За то, что напугал.

Я сузила глаза. В его голосе вовсе не слышалось извинения. Казалось, он насмеялся. Меня раздражал его тон, а еще больше – мягкий толчок в моей груди, за которым последовал прилив тепла.

Может, это все из-за того, что я страшно голодна? В этом гораздо больше смысла.

Бог шагнул вперед, и я снова подумала, какой он высокий. Я чувствовала себя миниатюрной, и мне это не нравилось. Он повернул голову туда, куда смотрела я.

– Такое происходит, когда Кресса использует итер и он касается земли. – Бог наклонился и провел ладонью по траве. Его рука перепачкалась сажей и пеплом. Он посмотрел на открытую дверь дома. – Ты собиралась зайти.

– Да.

– Зачем?

Я скрестила руки на груди.

– Хотела выяснить, зачем они это сделали.

– Я тоже.

Он выпрямился и вытер ладонь о темные штаны.

– Вы не знаете?

Я пристально смотрела на него, начиная кое-что пони-

мать. Этот бог явился сюда не просто так. Скорее всего, он уже находился в переулке до моего прихода или, по крайней мере, где-то поблизости.

– Вы за ними наблюдали, правда?

– Я следовал за ними, – сдержанно произнес он. – До того, как решил помешать тебе погибнуть – за что ты меня до сих пор не поблагодарила.

Я проигнорировала последнюю фразу.

– А зачем вы за ними следовали?

– Я видел, что они отправляются в царство смертных, и хотел посмотреть, что они задумали.

Я не была уверена, что он говорит честно. То, что он решил последовать за ними именно в эту ночь, когда они убили мужчину и ребенка, не казалось обычным совпадением.

Он повернул ко мне голову.

– Полагаю, если я посоветую тебе отправляться домой, ты опять сделаешь все наоборот.

– Полагаю, вам не понравится мой ответ, если вы еще раз посоветуете мне это.

Из-под капюшона донесся приглушенный смех.

– Не знаю. Может, и понравится, – сказал он.

Я приподняла брови, услышав это, а он пошел вперед.

– Мы вполне можем исследовать дом вместе, – предложил он.

Вместе.

Такое обычное слово, но для меня оно прозвучало стран-

но.

Бог уже подошел к ступенькам, ведущим в дом. Удивительно, как он, высокий и крупный, передвигается так тихо. Должно быть, это какая-то божественная магия. Избегая обожженного участка, я быстро подошла к нему.

Мы молча вошли в тихий дом. В маленькой прихожей оказались двери по обе стороны и лестница на второй этаж. Бог свернул налево, где, похоже, находилась гостиная, а я пошла прямо и поднялась по лестнице. Жуткую тишину нарушал лишь скрип половиц под моими ногами. На верху лестницы на узком столике слабо горела газовая лампа. Две двери вели в спальни. В одной стояла узкая кровать, письменный стол и платяной шкаф. Я нашла сложенные штаны и рубашки, по размеру, кажется, подходящие тому мужчине. В маленькой ванной комнате не оказалось ничего примечательного. Я вышла и направилась в спальню в конце коридора. Толкнула дверь. Рядом с аккуратно прибранной кроватью горела лампа. При виде колыбели, стоящей возле кровати, у меня сжалось сердце.

Хотя я все это время думала, что ношу воображаемую вуаль, которая должна защищать меня, она не помогла.

Я медленно вошла в комнату. В колыбели лежало крохотное одеяло. Я пощупала его мягкую ткань. Никогда не думала о детях. Как у Девы у меня никогда не возникало желания в будущем стать матерью. Это никогда не было частью моего предназначения, потому что даже если бы мне удалось влю-

бить в себя Первозданного Смерти, Первозданные не могут иметь детей со смертными.

Но младенцы – невинные существа и полностью зависят от окружающих, в том числе богов. Убийство ребенка непростительно. Мои глаза обожгло. Если бы у меня был ребенок или пострадал кто-нибудь из моих потомков, я бы сожгла оба царства, чтобы добраться до того, кто им навредил, и содрать с него кожу.

«Вдохни». Я задержала дыхание, пока волнение не стихло. Пока не исчезли все чувства. Тогда я медленно выдохнула и отвернулась от колыбели.

Я скользнула взглядом по темно-зеленому дивану. На спинку было наброшено шелковое покрывало цвета слоновой кости. Я подошла к шкафу и открыла дверцы. Внутри аккуратно висели платья и яркие цветные туники. Нижнее белье было сложено на полках вместе с другими вещами, шкаф оказался намного больше, чем в соседней спальне.

Мог ли в доме находиться кто-то еще? Может, мать? Или ее не было здесь?

– Где же?..

– На нижнем этаже.

– Боги, – ахнула я, когда развернулась и увидела бога. Он стоял, сложив руки на широкой груди и прислонившись к дверному косяку. Капюшон все еще закрывал его лицо. – Как вы можете ходить так тихо?

Лучше спросить: давно ли он там стоит?

– Навык, – ответил он.

– Может, вам стоит предупреждать о своем появлении, – огрызнулась я.

– Может.

Я сердито уставилась на него, хотя он не мог видеть моего лица.

– Если ты ищешь хозяйку этих платьев, полагаю, это ее я нашел на нижнем этаже у входа в кухню. То есть, я нашел обожженный участок пола и одну туфлю.

Я повернулась обратно к шкафу.

– Вряд ли мужчина, которого я видела, и женщина жили в одной комнате. – Я показала на шкаф. И у меня возникла идея. – Здесь есть кабинет?

– Кажется да, справа от прихожей.

– Что-нибудь нашли?

Я протиснулась мимо него, заметив, что он опустил руки и тихо следует за мной.

– Только бросил беглый взгляд, – ответил он, когда я дошла до лестницы. – Сначала хотел убедиться, что дом пуст. – Он помолчал. – В отличие от некоторых. И под некоторыми я имею в виду тебя.

Я закатила глаза. Ступеньки стонали под моими ногами. Бог шел следом, достаточно близко, чтобы мою спину покалывало. Он двигался совершенно бесшумно, а вот я топала так, словно с лестницы спускалось стадо коров.

– Что бы ты сделала, если бы обнаружила, что в доме кто-

то есть? – поинтересовался он, когда мы добрались до первого этажа.

– Радовалась бы, что хоть кто-то выжил.

Я вошла в кабинет. В окно проникал лунный свет, освещающая маленькое помещение.

– В самом деле?

Я оглянулась, обходя письменный стол. Бог в стороне проверял полупустой стеллаж, встроенный в стену.

– А вы бы не радовались?

Я посмотрела на стол. На нем ничего не было, за исключением маленькой лампы.

– Я бы решил, что трудно радоваться, когда убит твой ребенок и кто-то, с кем ты жил в одном доме, – ответил он.

Я выдвинула средний ящик. Там не оказалось ничего, кроме перьев и закрытых чернилниц. Я задвинула ящик и перешла к другому.

– Наверное, вы правы. Она бы попала в Долину.

Я упомянула место в Стране теней, где заслужившие после смерти покой проводят вечность в раю.

– Если это туда они ушли, – пробормотал он, беря с полки деревянную коробочку.

У меня подскочило сердце. Не думает же он, что они могли попасть в Бездну, где все одушевленные существа – боги и смертные – расплачиваются за злые дела, совершенные при жизни? Младенец не мог туда попасть. А взрослые? Что ж, они могли натворить достаточно дел, чтобы заработать ужас,

который будет длиться несколько жизненных сроков.

Я подумала о тех лордах Водинских островов. Об ужасе, с которым, скорее всего, столкнусь, когда придет мой час.

Покачав головой, я закрыла ящик и перешла к нижнему. Там лежала толстая конторская книга в кожаном переплете. Я вытащила ее и положила на стол. Быстро развязала шнурок и открыла. Внутри оказались исписанные страницы и несколько отдельно сложенных листов пергамента. То, что я искала, обнаружилось на втором листе.

Я включила лампу и быстро пробежала глазами документ. Это было соглашение на право распоряжаться домом между короной и мисс Гален Казин, дочерью Гермеса и Джунии Казин, и господином Магусом Казин, сыном Гермеса и Джунии Казин.

– Что-то нашла?

Я не удивилась, когда бог неслышно подошел ближе.

– Это документы на имущество. Они были братом и сестрой. Если здесь жили именно они.

Это также означало, что, если мать ребенка Гален Казин, она была не замужем. Среди рабочего класса такое встречалось и не считалось позором. Но чтобы позволить себе дом в Садовом районе, нужно быть знатного рода или же нажить богатство. Здесь не найдешь незамужних матерей.

– Интересно, где же отец.

– А кто говорит, что тот мужчина во дворе не мог быть отцом? Возможно, это не был ее брат. – Бог помолчал. – Или

он мог являться и тем, и другим.

Я скривила губы. Даже если так, это не причина убивать их и младенца. Судя по тому, что я читала о богах и Первозданных, они бы и бровью не повели.

Больше в кабинете не было ничего, что могло указывать на то, почему боги убили этих людей. Хотя я не представляла, что именно мы ищем. Дневник с хрониками злодеяний?

– Ты разочарована.

Я подняла взгляд на бога, который стоял у окна спиной ко мне, обозревая двор.

– Это так очевидно?

– Поиски не оказались бесплодными. Мы узнали, что они, скорее всего, были братом и сестрой, а она – незамужней матерью. У нас есть имена родителей.

– Правда. – Но что это нам говорит? Я закрыла книгу и завязала шнурок. – У меня есть вопрос.

– Да ну?

Я кивнула.

– Этот вопрос может показаться оскорбительным.

Бог скользнул вперед. Именно так он передвигался – его ноги словно бы не касались пола. Он остановился по другую сторону стола.

– Мне кажется, тебя это не остановит.

Я чуть не усмехнулась.

– Почему убийство этих смертных вызвало у вас любопытство? Я не собираюсь намекать, что вам все равно. Хотя

вы и сказали, что лишены порядочности...

– Одна порядочная косточка все-таки есть, – вставил он, и мне послышалась улыбка в его голосе.

– Да, одна есть.

Он долго молчал, и я чувствовала его пристальный взгляд.

– Позволь мне задать тебе тот же вопрос. Почему тебе не все равно? Ты их знала?

Я сложила руки на груди.

– Почему мне не все равно? Помимо того, что они убили младенца?

Он кивнул.

– Я их не знала.

Выдохнув, я оглядела кабинет: книги, которые, похоже, больше никогда не будут читать; безделушки, которые никто не будет ценить.

– Если бог убивает смертного, то из-за какого-то проступка, – начала я.

И в этом была вся сложность с богами. Они решают, что оправдать, а что является преступлением, за что наказывать и каким будет наказание.

– И вам всем нравится... превращать такие вещи в показательный пример.

Он склонил голову.

– Некоторым.

– Как послание людям. Что проступки не остаются тайной, – продолжала я. – Боги не убивают среди ночи, забирая

тело, чтобы не осталось никаких следов. Похоже, они не хотели, чтобы об этом узнали. И это, в общем, не нормально.

– Ты права. – Он шел, ведя пальцем по краю стола, и это беззвучное движение приковало мое внимание. – Вот почему я заинтересовался. Они не впервые убивают таким образом.

Я оторвала взгляд от его руки.

– Не впервые?

Он покачал головой.

– За последний месяц они убили по крайней мере еще четверых. Некоторые тела они забирают и редко оставляют какие-то следы. Но нет ни единой подсказки зачем.

Я напрягла память, пытаюсь вспомнить, не слышала ли о загадочных исчезновениях или странных смертях, но на ум ничего не пришло.

– Теперь у нас семь смертных. – Он провел пальцем по стеклянному абажуру лампы. – Большинство – от двадцати до сорока лет. Две жертвы – женского пола, четыре – мужского. И младенец. Насколько мне известно, они еще никогда не убивали таких малышей. Общего между жертвами лишь то, что все они из Ласании.

Он обхватил цепочку с бусинами – свет со щелчком выключился, и комната оказалась освещена лишь лунным свечением.

– Один из них был... можно сказать... другом.

Я этого не ожидала. Не то чтобы боги не могли иметь дру-

зей среди смертных. Некоторые даже влюблялись в людей. Правда, редко. Большинство просто испытывали вожде-ление, но дружба была вполне возможна.

– Ты удивлена, – заметил он.

Я нахмурилась. Интересно, что мне это дает?

– Наверное, я удивилась, что богов может волновать че-ловеческая смерть, ведь вы в любом случае нас переживете. Знаю, это неправильно, – быстро добавила я. – Убитый друг, который был смертным... все равно остается другом.

– Да.

Должно быть, тяжело терять друзей. У меня их было не много. В общем-то, если подумать, то, не считая Эзры и сира Холланда, я не могла больше никого назвать. Тем не менее я представляла, что потерять друга – все равно что утратить частицу себя. Я почувствовала, что пустота начинает поки-дать меня, а в груди разрастается ноющая боль. Я не пыта-лась вернуть пустоту. Сейчас это ни к чему.

– Мне жаль вашего друга.

В мгновение ока он обогнул стол и остановился всего в нескольких футах от меня. Побуждение отшатнуться воз-никло одновременно с желанием шагнуть вперед. Я осталась на месте, не поддавшись ни одному из этих порывов.

– Мне тоже, – сказал он через мгновение.

Я вгляделась в тени под его капюшоном, не в силах раз-личить ни единой черты.

– Но вы... знали, что они делали. Поэтому вы следили за

ними. Почему вы их не остановили?

– Они пришли сюда раньше меня. – Его пальцы снова опустились на стол, обводя угол. – К тому времени, когда я их нашел, было уже слишком поздно. Я собирался схватить хотя бы одного из них. Знаешь, поболтать. Но, увы, мои планы изменились.

Мое сердце тяжело сжалось, и я подвинулась ближе, чтобы посмотреть на бога.

– Как я уже сказала, я не просила вас вмешиваться. – Я бросила взгляд на его руку, на длинные пальцы, скользящие по гладкой поверхности стола. – Вы сами решили изменить свои планы.

– Пожалуй, да.

Он наклонил голову. Интересно, видно ли ему сейчас мое лицо. По коже пробежал трепет. А если он...

– Если честно, я недоволен этим решением. Если бы позволил тебе продолжать веселье, все наверняка закончилось твоей смертью, зато я сделал бы то, что задумал.

Я не представляла, что на это ответить.

– Как я уже говорила, мне повезло.

– А как я уже говорил... – Он прекратил лениво поглаживать стол и схватился за край так крепко, что побелели костяшки пальцев. Я, насторожившись, расцепила сложенные на груди руки. Мой пульс участился. – Неужели ты правда думаешь, что тебе повезло?

По мне пробежала дрожь. Когда странное ощущение ис-

чезло, я замерла. Между нами повисло молчание, когда он поднял руку и снял капюшон. Пока его лицо было скрыто, я лишь чувствовала его пристальный взгляд. Теперь же мы стояли, смотря друг другу в глаза.

– Знаю, тебе хочется знать, почему боги так поступили, но, когда ты выйдешь из этого дома, лучше обо всем забыть. Это не твое дело.

Его слова задели болезненные струны в моей душе. То немного, чем я могу управлять в этой жизни, принадлежит мне. Я продолжала напряженно удерживать его взгляд.

– Только я могу решать, что меня касается, а что – нет. Что мне делать, а от чего отказаться, – это никого не касается. Даже бога.

– Ты в самом деле так считаешь? – осведомился он подчеркнуто мягким голосом, который действовал мне на нервы.

– Да.

Я медленно поднесла руку к кинжалу. Бог не проявлял ко мне ни малейшей враждебности, но я не хотела рисковать.

– Ты ошибаешься.

Мои пальцы коснулись рукоятки кинжала.

– Может быть, но это не изменит того, что не вам решать, как мне поступать.

– И в этом ты тоже ошибаешься.

Я во всем ошибалась. Никто из смертных не мог превзойти бога. Даже особы королевской крови. Сила короны лишь

видимость. Истинная власть принадлежала Первозданным и их богам. И все Первозданные и боги отвечали перед своим королем. Первозданным Жизни.

Но это не означало, что мне нравилось такое положение дел и то, как хищно бог на меня смотрел.

– Если вы пытаетесь меня запугать, чтобы я подчинилась, лучше прекратите. Это не работает. Я не из пугливых.

– Ты должна многого бояться.

– Я не боюсь ничего, в том числе вас.

Только что он стоял в нескольких футах от меня. В следующий миг – уже возвышался надо мной, обхватив пальцами мой подбородок. Удивление от того, какой он быстрый, померкло перед силой электрического разряда, который прошел по моей коже, когда его рука коснулась меня. Теперь ощущение было сильнее. Более острым.

Его кожа показалась мне очень холодной, когда он наклонил назад мою голову. Его пальцы при этом не сжались крепче, не вдавились в меня. Он просто... коснулся. Холод обжигал, ставя ледяную метку.

– А сейчас? – спросил он. – Боишься?

Хотя он держал меня не крепко, было трудно сглотнуть, а сердце трепыхалось, как пойманная птица.

– Нет, – выдавила я. – Только очень раздражена.

Мгновение он молчал, затем сказал:

– Ты лжешь.

Я лгала. Вроде того. Бог держал меня. Как я могла не бо-

ваться? Но... странно и необъяснимо, однако я не пришла в ужас. Может, из-за гнева. Может, причиной был шок от всего, что я испытала сегодня ночью. Может, тревожное ощущение от его прикосновения или тот факт, что если бы он хотел причинить мне вред, то сделал бы это уже дюжину раз. А может, в глубине души меня не волновали последствия.

– Немного, – призналась я и сделала движение. Быстро и уверенно. Мой кинжал оказался у его горла. – А вы боитесь?

Он замер, переведя взгляд на рукоятку.

– Тенекамень? Уникальное оружие для смертной. Откуда оно у тебя?

Так я ему и сказала правду: его нашел мой предок, когда узнал, что кинжал из тенекамня может сделать с богом, даже Первозданным, когда тот ослабеет. Поэтому я солгала.

– Он принадлежал моему сводному брату.

Бог выгнул темную бровь.

– Я позаимствовала его.

– Позаимствовала?

– На пару лет, – добавила я.

– Похоже, ты его украла.

Я ничего не ответила.

Он уставился на меня.

– Знаешь, почему такие кинжалы редкость в царстве смертных?

– Да, – призналась я, хотя разумнее было притвориться, что мне это неизвестно.

Но перевесило желание показать ему, что я не беспомощная смертная, которую можно запугать.

– Итак, ты знаешь, что этот камень ядовит для смертной плоти?

Разумеется, я знала. Если он соприкоснется с кровью смертного, то будет медленно убивать человека, даже если сама рана неопасна.

– А знаешь ли ты, что случится, если попытаешься использовать этот клинок против меня?

– А вы? – с колотящимся сердцем спросила я.

За его зрачками вспыхнуло белое свечение и стало просачиваться в серебро радужки. Я вспомнила, как взметнулся итер вокруг Первозданного Смерти.

– Знаю. Уверен, что и ты тоже. Но все равно попробуешь. – Он опустил взгляд на кинжал, прижатый к его коже. – Не странно ли, что это навевает воспоминания, как твой язык ощущался у меня во рту?

Мое тело жарко вспыхнуло. Я нахмурилась.

– Да, немного...

Бог двинулся так быстро, что я не успела отреагировать. Он схватил мое запястье и развернул меня. Через миг кинжал был прижат к моему животу. Другая его рука оставалась на моем горле.

– Это нечестно, – выдохнула я.

– А ты, льесса, очень смелая. – Он провел большим пальцем по изгибу моего подбородка. – Но порой кто-то может

оказаться чересчур смелым. – Его слова окутали меня, как сумеречный шелк. – Так, что это граничит с глупостью. Знаешь, что я думаю о глупых смельчаках? Что у них есть причины спешить навстречу смерти вместо того, чтобы благоразумно убежать от нее. А какие у тебя причины? Что заглушает твой страх и толкает к смерти?

Я встрепелась от его вопроса. Пульс участился. Так вот что я делаю? Стремлюсь к смерти? Я чуть не рассмеялась, но подумала... о своей импульсивности. Которая всегда преобладала над сдержанностью и благоразумием.

– Я... не знаю.

– Нет? – вырвалось у него.

– Я отправляюсь бродить, когда нервничаю. А когда мне угрожают или говорят, что делать, я впадаю в гнев, – прошептала я. – Меня не раз предупреждали, что однажды язык доведет меня до беды и что мне следует вести себя осмотрительно.

– Вижу, ты приняла те советы к сведению. Всегда встречать угрозу гневом – не очень мудрое решение.

– Как сейчас?

Бог ничего не сказал, прижимая меня к груди, а его большой палец медленно двигался по моему подбородку. При его силе ему даже не требовался итер. Достаточно было всего лишь резко крутануть рукой.

Я вдруг поняла, что, наверное, его доброжелательность по отношению ко мне закончилась.

У меня пересохло во рту и грудь сжало от страха перед тем, что сейчас последует. Я находилась на волосок от смерти.

– Вы можете с этим покончить.

– С чем именно покончить?

– Убить меня, – произнесла я так, словно мой язык был окутан ватой.

Он чуть-чуть наклонил голову.

– Убить тебя? – Его дыхание овеяло мою щеку.

– Да. – Мою кожу будто стянуло.

Он откинул голову назад.

– Мне даже не приходило и мысли убить тебя.

– Правда?

– Правда.

Я удивилась.

– Почему?

Мгновение он молчал.

– Ты серьезно спрашиваешь, почему я не думал убить тебя?

– Вы бог, – заметила я, не зная, говорит он правду или играет со мной.

– И это веская причина?

– Разве нет? Я угрожала вам. Наставила кинжал.

– При чем не раз, – уточнил он.

– И была невежлива.

– Очень.

– Нельзя так разговаривать или вести себя подобным образом с богом.

– Обычно – да, – согласился он. – В любом случае у меня сегодня нет настроения убивать.

Уставившись в окно, я искала в его словах намек на фальшь.

– Если вы не собираетесь меня убивать, тогда, наверное, следует меня отпустить.

– А ты попробуешь ударить меня кинжалом?

– Я... надеюсь, что нет.

– Надеешься?

– Если вы будете говорить, что мне делать или опять меня схватите, то скорее всего надежда окажется напрасной.

Мы оба тихо засмеялись.

– Ты хотя бы честна.

– Хотя бы.

Я старалась не замечать холода его тела, прижатого к моей спине. Ощущения от него. Оно меня не пугало. Даже не беспокоило, и я начинала гадать, что же со мной не так. Я боролась с желанием расслабиться и прижаться к нему.

Он убрал руку с моего подбородка, и я сразу же развернулась. Он отступил и в мгновение ока очутился по другую сторону стола.

– Будь осторожна, – сказал он, поднимая капюшон и скрывая лицо в темноте. – Я буду присматривать.

Глава 4

Ничего не видя, я сделала медленный и ровный вдох. В мышцах нарастало напряжение.

– Давай, – раздался приказ.

Крутанувшись, я метнула клинок, и через миг раздался глухой стук. Желая увидеть, куда кинжал попал, я потянулась к повязке на глазах, но ощутила холодную сталь на горле. Я застыла.

– Что теперь? – послышался тихий голос.

– Плакать и молить о пощаде? – предположила я.

В ответ негромко рассмеялись.

– Это сработает, только если тебя не собирались убивать.

– Жаль, – пробормотала я.

И начала действовать.

Схватив чью-то руку, сжимавшую клинок, я вывернула ее. Свирепо улыбнулась, услышав резкий вдох. Вдавила пальцы в жилы, попав в нужное место. Рука судорожно дернулась, пальцы рефлекторно разжались, и рукоять короткого меча упала мне в ладонь. Низко пригнувшись, я ударила противника в ногу. Кто-то с кряхтением рухнул на пол.

Наставив меч на распростертое тело, я стянула с глаз повязку.

– Такой ответ сойдет?

Сир Брайлон Холланд лежал на каменном полу западной

башни.

– Вполне.

Я ухмыльнулась и перекинула через плечо толстую косу.

Постанывая, сир Холланд поднялся на ноги. Родившийся по крайней мере на два десятка лет раньше меня, он выглядел гораздо моложе своего возраста, ни одна морщина не пересекала его лицо. Однажды я услышала, как один из гвардейцев спрашивал его, не обращался ли он к какому-нибудь богу за вечной молодостью. Сир Холланд ответил, что его секрет кроется в бутылке виски, выпиваемой каждый вечер перед сном.

Уверена, он бы уже умер, если бы столько пил.

– Но целишься ты плохо. – Он отряхнул черные штаны. Без уродливой сливовой с золотом униформы королевской гвардии он выглядел как обычный гвардеец. Я никогда не видела его в парадном облачении. – Нужно работать над меткостью.

Нахмурившись, я повернулась к манекену у стены. Несчастный видал лучшие дни. Из многочисленных колотых ран торчали вата и солома. Полотняную рубашку за долгие годы заменяли много раз. Эту я стащила из комнаты Тавиуса, и теперь она висела ключьями на деревянных плечах. Голова, сделанная из мешка, набитого соломой и тряпками, печально завалилась набок.

В узкое окошко лился солнечный свет, поблескивая на рукоятке стального кинжала, торчащего из груди манекена.

– Разве я промахнулась? – возмутилась я, вытирая вспотевший лоб.

Лето... постепенно становилось невыносимым. На прошлой неделе в Перекрестке Крофта в маленькой квартире нашли пожилую пару, скончавшуюся от теплового удара. Они стали не первыми, и я боялась, что будут не последними.

– Ты же сказал целиться в грудь. Я попала в грудь.

– Я сказал целиться в сердце. Разве сердце обычно находится справа, Сера?

Я поджала губы.

– Ты правда думаешь, что человек может выжить после удара кинжалом в любую часть груди? Я скажу, что нет, не выживет.

Взгляд, которым он меня удостоил, можно было назвать скептическим. Как ни прискорбно, к этому выражению лица я уже привыкла. Сир Холланд забрал у меня меч, подошел к манекену и выдернул кинжал.

– После такой раны не выздоравливают, но смерть не будет ни быстрой, ни достойной и не сделает тебе чести.

– Почему я должна заботиться, чтобы дать достойную смерть противнику, который пытался меня убить?

Вопрос казался мне очень уместным.

– По нескольким причинам, Сера. Мне нужно их перечислять?

– Нет.

– Очень плохо. Люблю слушать себя, когда что-то перечисляю, – ответил он, и я застонала. – Ты, моя дорогая, живешь опасной жизнью.

– Не по своему выбору, – буркнула я себе под нос.

Он саркастически вскинул бровь.

– Тебя не защищают, как принцессу Эмерию.

Он пересек комнату, подошел к противоположной стене, где лежало оружие, и пристроил меч рядом с другим, более длинным и тяжелым.

– К тебе не приставлены королевские гвардейцы, чтобы охранять твои покои или присматривать за тобой, когда ты пускаешься во все тяжкие в столице.

– Я не пускаюсь во все тяжкие.

Взгляд, которым он наградил меня на этот раз, говорил, что ему лучше знать.

– Хотя лишь немногие знают, кто ты, – продолжал он, будто я ничего не говорила, – это не значит, что до некоторых не доходили слухи о твоём существовании. Есть люди, которые поняли, что ты не прислужница, в тебе течет кровь Мирелей. Достаточно, чтобы это дошло до тех, кто считает, будто может использовать тебя для достижения собственных целей.

Я стиснула зубы. За последние три года меня дважды пытались похитить, узнав, что я на самом деле принцесса. У них ничего не получилось, но их кровь была не на моих руках.

А Тавиуса, который, как я подозревала, стоял за теми слу-

хами.

– И не только это. Корона Водинских островов узнает о судьбе своих лордов – это лишь вопрос времени. Они попытаются взять нас в осаду. – Сир Холланд повернулся ко мне. – Ты станешь лишь еще одним телом, которое они разрубят, чтобы добраться до короны.

Я и так еще одно тело. Которое в основном игнорируют. Но тем не менее...

– И есть наследник, – невозмутимо продолжал он, – который все еще очень рассержен тем, что случилось на прошлой неделе в конюшне.

– Ну да, а я все еще очень расстроена тем, что он хлестал ту лошадь, не признавая собственной глупости и неловкости, – возразила я. – Каждый раз, когда я его вижу, хочется врезать ему снова.

– Хотя он безобразно обращался с животным, ударить в глаз наследника Ласании и угрожать отхлестать кнутом – не самое мудрое решение.

– Зато самое приятное, – усмехнулась я.

Он проигнорировал мое замечание.

– Принц уже должен был взойти на трон. Это, скорее всего, уже случилось бы, если бы принцесса Кейли не захворала и не вернулась в Айрелон. – Сир Холланд оглянулся, его глаза цвета гикори пристально смотрели на меня. Я быстро стерла с лица ухмылку. – К чему, уверен, ты не имеешь никакого отношения.

– Принцесса Кейли сильно заболела, и ей пришлось вернуться домой, чтобы вылечиться. Тавиус мог выбрать другую невесту. Однако он слишком ленив, чтобы взойти на трон и принять ответственность, а не вести себя как пьяная и развратная свинья. Поэтому он откладывает женитьбу насколько это возможно.

– И болезнь принцессы Кейли никак не связана с твоим снабдьем, от которого у нее расстроился желудок и побледнела кожа?

Я хранила абсолютно непроницаемое выражение лица.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Лгунья из тебя никакая.

«Ложь», – эхом прозвучал в голове призрачный голос. Я отчаянно его игнорировала. Как и все последние две недели после ночи в том доме.

– Откуда ты вообще об этом узнал?

– Мне известно больше, чем ты думаешь, Сера.

У меня скрутило живот. Не имел ли он в виду, что я действительно пускаюсь во все тяжкие в столице? А именно – когда посещаю Люкс? Боги, надеюсь, что нет. Сир Холланд не был для меня фигурой отца, но при мысли, что ему известно, где я бываю, меня немного затошнило.

Даже думать об этом не могла, поэтому выбросила эти мысли из головы.

– Я способна справиться с Тавиусом.

– С трудом, – ответил он, и я напряглась. – И только пото-

му, что ты быстрее. В один прекрасный день ему повезет. Ты окажешься недостаточно быстрой. – Сир Холланд смягчился. – Не хочу быть грубым, но пока ты отсюда не исчезнешь, он будет оставаться угрозой для тебя.

Я знала, он не собирался грубить. Сир Холланд никогда таким не был. Он просто излагал факты. Но покинуть Ласанию я могу только одним путем, и только после смерти. Я тяжело вздохнула.

– Какое все это имеет отношение к быстрой смерти или смерти с достоинством?

– Ну, помимо того, что умирающий все еще может держать оружие, врагов редко выбирают по собственному желанию. Враги обычно появляются из-за решений других людей или из-за ситуаций, которыми трудно управлять. Кому, как не тебе, это понимать.

Он говорил не о лордах Водинских островов, а о тех людях, которые впадают в отчаяние, когда ситуация выходит из-под контроля, и начинают совершать то, о чем и помыслить не могли. О тех, кто превращается в чей-то кошмар, потому что это единственный способ выжить.

Моя шея покраснела от стыда, и я неловко переступила с ноги на ногу.

Сир Холланд посмотрел мне в лицо.

– Сера, что с тобой происходит? Последние пару дней ты сама не своя. Что-то не так?

– Что может быть не так?..

Я осеклась. Очень многое не так, начиная с того, почему сир Холланд по-прежнему ежедневно меня тренирует. Ведь не затем, чтобы подготовиться, если мне придется защищать себя или если королева решит, что мои умения можно использовать в своих целях.

Сир Холланд вел себя так, словно выживание Ласании все еще зависело от меня, что Первозданный Смерти придет за мной. Мне не хватало духу передать ему слова Первозданного. Наверное... ему хотелось верить, что надежда есть, ведь распространению Гнили ничто не могло помешать. Единственный известный нам способ с ней справиться – убить Первозданного.

Гниль разрасталась. За последний месяц прошло несколько дождей, но очень слабых. А перед тем грозы принесли град, который побил овощи. Люди беспокоились, что урожай зерна будет вполовину меньше, чем в прошлом году.

Долго ли продержится Ласания?

А еще были убитые сестра и брат Казин. Тот маленький ребенок. И никаких ответов, почему это случилось.

Я ходила в их квартал на следующий день и расспрашивала о семье Казин. Узнала, что их родители умерли в прошлом году. О брате с сестрой и их родителях никто и слова плохого не сказал. О Гален отзывались как о благопристойной и скромной, она часто гуляла по утрам в садах с ребенком. Никто не знал, кто его отец. Соседи считали, что это какой-нибудь шалопай, который бросил ее, узнав о бере-

менности. Магуса называли легкомысленным, но порядочным и дружелюбным. Выяснилось, что он служил гвардейцем в Карсодонии. Он был невысокого ранга – не королевским гвардейцем и не королевским рыцарем, но защитником города. Интересно, не встречала ли я его раньше? Не проходила ли мимо него в коридорах Вэйфейр? Он был одним из тысяч, именем без лица. Также я знала, что были убиты еще четверо смертных.

«Я буду присматривать».

По шее пробежал холодок. А еще был он. Бог, имени которого я не знала. У меня ушла почти неделя, чтобы в полной мере осознать, что я угрожала богу. И целовала. Получала удовольствие от его поцелуя. Но чего я не могла понять, так это почему все казалось таким правильным, когда я была рядом с ним. Это ощущение по-прежнему не имело смысла, но я не могла не думать: не присматривает ли он за мной, когда я хожу по улицам Карсодонии? И как бы ни было идиотски глупо, безрассудно и тревожно... предвкушала, что наши пути снова пересекутся. Я хотела знать, почему он меня поцеловал. Были другие способы остаться незамеченными – для начала просто убежать от тех богов.

Я посмотрела на закрытую дверь.

– Не знаю. Настроение странное.

Сир Холланд подошел ко мне и отдал кинжал.

– Уверена, что это все?

Я кивнула.

– Я тебе не верю.

– Сир Холланд...

– Не верю, – настаивал он. – Знаешь, почему мы по-прежнему тренируемся каждый день?

Я крепче сжала кинжал. Слова, что я хотела сказать, вспадали во мне.

– Честно? Я не знаю, почему мы это делаем.

Он вскинул брови.

– Сера, это был риторический вопрос.

– А не должен быть, – бросила я. – Так какой в этом смысл?

Он изумленно уставился на меня.

– Смысл? Жизни...

– ...всех в Ласании зависят от того, покончу ли я с Гнилью, – перебила я. – Знаю. Я живу с этим с самого рождения. И вспоминаю об этом каждый раз, когда Гниль перекидывается с одной фермы на другую. А еще когда нет дождей, когда солнце продолжает выжигать урожай, когда думаю, что принесет зима. Я никогда не забываю обо всех этих жизнях. – Я сделала резкий вдох, но не стала задерживать дыхание, как он меня учил. Для воздуха не осталось места. – Я думаю об этом всякий раз, когда захватывают наш корабль или приходят слухи об очередной осаде. Все мои мысли, когда пытаюсь уснуть, или поесть, или делаю еще что-то, – о том, что я была Девой, а Первозданный Смерти счел меня недостойной.

– Не думай, что ты недостойна. На тебе нет проклятия. Ты несешь искру жизни. Несешь надежду. Возможность будущего. Ты не знаешь, что думает Первозданный Смерти.

– А как он может этого не думать?

Сир Холланд покачал головой.

– То, что происходит с Гнилью, – не твоя вина.

Я чуть не рассмеялась абсурдности его утверждения. Некоторые считают, что Первозданные рассердились и Гниль – свидетельство их гнева. Поэтому верующие заполнили храмы, а вину возлагают на всё, от неудачных браков до поддельных икон. Они близки к истине, даже не понимая того. Другие вваливают вину на корону. Обвиняют короля с королевой в том, что они не подготовились к ухудшению погодных условий и почвы. И они тоже правы. Корона сложила все яйца в одну корзину, и эта корзина – я. Лишь недавно корона начала запасать продукты, которые можно засушить или законсервировать, и распорядилась высаживать более неприхотливые растения. Король с королевой пробуют заключать союзы, и хотя ни одна попытка не закончилась так плачевно, как с Водинскими островами, никто не хочет связываться с королевством, которое не может прокормить свое население.

Я по пальцам одной руки могла сосчитать, сколько людей знает, что Ласания обречена. Срок соглашения, заключенного королем Родериком, заканчивался. Я не только была обещана Первозданному, само мое рождение означало, что

срок сделки подошел к концу. И даже если бы Первозданный Смерти забрал меня, Ласания продолжала бы катиться к гибели.

Я провела пальцем по лезвию. Бога можно убить, если разрушить тенекамнем мозг или сердце. Или парализовать, если оставить клинок в теле. Но Первозданные – другое дело. Если поразить тенекамнем их мозг или сердце, это лишь ранит, но не убьет. Они ослабеют, но не настолько, чтобы стать по-настоящему уязвимыми для тенекамня.

Но их можно убить.

Любовью.

«Заставь его влюбиться, стань его слабостью и покончи с ним».

Вот к чему я готовилась всю свою жизнь. Я научилась искусно владеть кинжалом, мечом, луком и могла защититься в рукопашной схватке. Мне рассказали, как себя вести, чтобы понравиться Первозданному, когда он меня заберет, а куртизанки из «Нефрита» учили, что самое опасное оружие – не то, которое творит насилие. Я была готова, чтобы заставить его влюбиться в меня. Стать его слабостью и убить.

Это был единственный способ спасти Ласанию.

Любые сделки, заключенные между богом или Первозданным и смертным, после смерти бога или Первозданного, ответившего на призыв, закрываются в пользу человека. В нашем случае это означало, что все, что делало Ласанию сильной две сотни лет назад, вернется и сохранится до конца

времен. Это моя семья выяснила за то время, что прошло до моего рождения.

Но Первозданный меня не забрал, поэтому эти знания оставались бесполезными. Я... все испортила. Он посмотрел на меня и, возможно, увидел это во мне. То, что я старалась скрыть.

Я вспомнила, что сказала моя старая няня Одетта, когда я спросила ее: «Как ты думаешь, мама гордится, что ее дочь – Дева?»

Няня схватила мой подбородок скрюченными холодными пальцами и сказала: «Дитя, Судьбы знают, что тебя осенили жизнь и смерть и создали то, чего не должно быть. Как может она испытывать что-то, кроме страха?»

Мне не стоило задавать тот вопрос, но я была ребенком, и... просто хотела знать, гордится ли мама.

И не следовало спрашивать у Одетты. Да благословят ее боги, но она тупа, как нож, который не точили годами, и с причудами. Всегда такой была. Но она обращалась со мной так же, как с другими.

Ее слова не имели ни малейшего смысла, но порой я думала, не говорила ли она о моем даре? Не ощутил ли его Первозданный Смерти? И важно ли сейчас это вообще?

Я провалилась.

– Как это может быть не моя вина? – возмутилась я и, развернувшись к манекену, метнула кинжал.

Клинок ударил в грудь, прямо туда, где должно находить-

ся сердце.

Сир Холланд уставился на манекен.

– Видишь? Ты же знаешь, где сердце. Так почему не попала раньше?

Я повернулась к нему.

– У меня глаза были завязаны.

– И что?

– И что? Зачем я вообще тренируюсь вслепую? Или ожидается, что я в ближайшее время ослепну?

– Надеюсь, что нет, – сухо ответил он. – Это упражнение помогает обострить другие чувства. Ты это знаешь, как и все остальное, что положено?

– Что бы это ни было, уверена, ты мне скажешь.

Я сердито перебросила косу через плечо.

– Это не твоя вина, – повторил он.

От этих слов ком подкатил к горлу. С такой же мягкостью он говорил со мной, когда мне было семь и я плакала, пока не разболелась голова, потому что все уехали в загородное поместье, а мне пришлось остаться. Такое же сочувствие он проявил, когда в одиннадцать лет я подвернула ногу, неудачно на нее приземлившись; и когда в пятнадцать не сумела отразить его удар, который чуть не вспорол мне живот. Он успокоил меня, когда я переживала, впервые отправляясь к куртизанкам в «Нефрит» незадолго до моего семнадцатилетия. Я не хотела туда идти. Сир Холланд и моя сводная сестра Эзра – единственные, кто не обращался со мной так, буд-

то я была не живым человеком, а средством, которое не работало.

Я тяжело сглотнула.

– Ага, нужно, чтобы кто-нибудь сказал это королеве.

– Твоя мать... – Сир Холланд провел рукой по коротко остриженным волосам. – Она суровая женщина. Мы с ней во многом не соглашаемся, когда речь идет о тебе. Думаю, ты это знаешь. Но история повторяется, и королева видит невзгоды, которые терпит народ.

– Так, может, ей стоит призвать бога и попросить прекратить невзгоды?

– Ты же это не всерьез?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но потом передумала и вздохнула. Ну конечно не всерьез. Редко кому хватало отчаяния или глупости, чтобы отправиться в один из храмов. Но такое случалось. Я слышала истории.

Орлано, повар в замке, однажды рассказывал, что в детстве жил по соседству с человеком, который призвал бога и сказал, что хочет получить руку дочери богатого землевладельца, отвергающего его брачные предложения.

Бог в точности исполнил желание просителя.

Преподнес ему руку девушки.

Внутри у меня все сжалось, когда я шла к манекену. Что это за бог, если он способен на такое?

Что за бог убивает младенцев?

– Ты считаешь себя недостойной? – тихо спросил сир Хол-

ланд.

Потрясенная вопросом, я уставилась перед собой, не видя мешка, заменяющего голову манекена.

– Первозданный Смерти, отвечая на просьбу Родерика, попросил взамен супругу. Он явился и ушел без меня – без того, о чем просил. И с тех пор не возвращался. – Я посмотрела на рыцаря. – А ты что думаешь?

– Может, он решил, что ты не готова.

– Не готова к чему? Как именно он определяет, что супруга готова?

Он покачал головой.

– Может, хотел, чтобы ты повзрослела. Не все считают девушек в семнадцать или восемнадцать лет достаточно зрелыми и готовыми к браку...

– А в девятнадцать? Двадцать? К девятнадцати большинство уже состоят в браке или помолвлены.

– Тавиус не женат. И принцесса Эзмерия не замужем. И я не женат, – указал сир Холланд.

– Тавиус не женат, потому что принцесса Кейли захворала, и ты же знаешь, он слишком ленив, чтобы взойти на трон. Поэтому будет откладывать женитьбу как можно дольше. А у Эзры другие планы. Ты же... – Я нахмурилась. – А ты почему не женат?

Сир Холланд пожал плечами.

– Мне просто не хотелось. – Мгновение он смотрел на меня. – Думаю, он придет за тобой. Вот почему я все еще тебя

тренирую. Я не теряю надежды, принцесса.

Я издала короткий смешок.

– Не называй меня так.

– Как?

– Принцессой. Я не принцесса.

– Правда? – Он скрестил на груди руки, как делал всегда, когда не пытался пнуть меня под зад или ранить острым колющим предметом. – Тогда кто же ты?

Кто же я?

Я посмотрела на свои руки. Хороший вопрос. Пусть я и королевской крови, но это признавали лишь трижды за всю мою жизнь. И определенно со мной не обращались соответствующим образом. Вся моя жизнь была сосредоточена на том, что я стану...

– Убийца?

– Воин, – поправил он.

– Приманка?

Выражение его лица было таким же мягким, как кусок черствого хлеба, который я стащила утром на кухне.

– Ты не приманка. Ты ловушка.

Я стала всего лишь оружием из плоти и крови.

Кем еще я могу быть? Что лежит под поверхностью? Я размышляла над этим, играя повязкой, которая висела на моей шее. У меня нет времени на хобби и развлечения. Нет других навыков, кроме умения держать кинжал или лук и следовать этикету. У меня нет задушевных друзей – я не счи-

тала ими даже Эзру и сира Холланда. Когда я росла, ко мне допускали только няньку. Камеристку прогнали из опасений, что она будет дурно на меня влиять. Не то чтобы я нуждалась в постоянной компании. Но иметь друзей было бы неплохо. Все, что у меня имелось, помимо предназначения, – это мое озеро, и я не знала, считается ли оно, поскольку это... всего лишь озеро.

Я с усилием выдохнула. Я не любила об этом думать – ни о чем из этого. Если честно, я вообще не любила думать. Потому что когда думала, чувствовала себя настоящим человеком. Не могла остановить мысли и заикливалась на воспоминании, что испытала облегчение, когда Первозданный отверг меня. Я тонула в чувствах стыда и эгоизма. В такие дни мне приходилось принимать снотворное, которое целители изготавливали для мамы. Однажды, когда сир Холланд занимался делами королевской гвардии, а Эзра навещала подругу за городом, я проспала почти два дня. Никто обо мне даже не спросил. А проснувшись, я смотрела на флакон, думая, как было бы легко выпить его весь. Ладони вспотели, как всякий раз, когда это вспоминала, и я вытерла их о бедра. Не любила думать также о том дне, когда флакон стал подобием призрака, блуждающего по Темным Вязам, отказываясь уйти в Страну теней.

– Давай, – сказал сир Холланд, выдергивая меня из размышлений. – Надень повязку и продолжай, пока не поразишь цель.

Я со вздохом натянула ткань на глаза, а сир Холланд завязал так, чтобы повязка не сдвинулась. Я позволила миру погрузиться в темноту – что еще мне делать? Где я должна быть?

Сир Холланд повернул меня к манекену, и я почувствовала, как мужчина отошел. Крепче сжимая кинжал, я думала о том, что он сказал. Воин. Может, он и прав, но ко мне подходит еще одно определение.

Мученица.

Независимо от того, придет ли за мной Первозданный и справлюсь ли я, если он придет, конечный результат будет тем же.

Я не выживу.

* * *

Закончив тренировку с сиром Холландом, я, мучаясь от головной боли, осторожно спускалась по узкой лестнице, где попадались скользкие ступеньки. Солнце пыталось пробить темноту. Этот коридор был самым сумрачным в восточном крыле замка Вэйфейр. Я шла к последней маленькой комнате в конце тихого коридора. Дверь была приоткрыта, и я нажала на нее.

На столе возле узкой кровати мерцала свеча, бросая мягкий свет на маленькое тело, лежащее на матрасе. Я на цыпочках направилась к табурету у кровати, поморщившись,

когда под ногами закрипели доски. Но человек на кровати не шелохнулся.

В последнее время Одетта много спала, ее сон был все крепче. Она уже была старой, когда я пришла в этот мир, а теперь... ее срок близился к концу. Скоро она покинет царство мертвых и отправится в Страну теней, где проведет вечность в Долине.

Мое сердце сжалось, когда мой взгляд упал на седые волосы, все еще невероятно густые, и переместился к скрюченным, покрытым пятнами рукам, лежащим поверх одеяла – слишком толстого для такого дня, когда в окно дует теплый ветер, шевеля лопасти потолочного вентилятора. Я поправила край одеяла.

Узнав, что Первозданный не забрал меня, Одетта посмотрела на меня слезящимися глазами и сказала: «Смерть не хочет иметь ничего общего с жизнью. Нечему тут удивляться».

Я тогда не вполне поняла, что она имела в виду. До сих пор это было неясно. Но ее ответ не удивлял. Одетта никогда меня не баловала. Никогда не проявляла особой любви, но была мне матерью в большей степени, чем настоящая. И скоро ее не станет. Даже теперь она была так неподвижна.

Слишком неподвижна.

Я смотрела на ее впалую грудь, и у меня перехватило дыхание. Я не замечала никакого движения. Мое сердце заколотилось. Кожа старушки была бледной, но вряд ли это восковой налет смерти.

– Одетта? – Мой голос прозвучал резко.

Ответа не последовало. Я встала и повторила ее имя. Во мне разгоралась паника. Неужели... она умерла?

Я не готова.

Я потянулась к ее руке, но остановилась прежде, чем коснулась ее. Прерывисто вдохнула. Я не готова к тому, чтобы она ушла. Не сегодня. Не завтра. К моей руке прилил жар, а пальцы зависли в нескольких дюймах от ее...

– Нет, – прохрипела Одетта. – Не смей.

Я перевела взгляд на ее лицо. Глаза были слегка приоткрыты, и я заметила, как потускнела их когда-то яркая голубизна.

– Я ничего не делала.

– Может, я стою одной ногой в Долине, но еще не выжила из ума. – Она дышала слабо. – И не ослепла.

Я взглянула на свою руку, которая зависла в нескольких дюймах от ее кожи, и отдернула, прижав к сердцу, продолжающему гулко биться.

– Одетта, наверное, тебе померещилось.

С ее губ сорвался сухой, надтреснутый смех.

– Серафена, – сказала она, и я вздрогнула. Полным именем меня называла только она. – Посмотри на меня.

Зажав руки между коленями, я взглянула на нее. Я не застала времена, когда на ее лице не было глубоких морщин.

– Что?

– Не прикидывайся простушкой, девочка. Я знаю, что ты

собиралась сделать, – просипела она. Я хотела отрицать, но она меня остановила. – Что я тебе говорила? Все эти годы? Ты разве забыла? Что я тебе говорила?

Чувствуя себя маленьким ребенком, я неловко поерзала на краю табуретки.

– Больше никогда этого не делать.

– И как ты думаешь, что случится, если ты это сделаешь? Когда ты была ребенком, тебе повезло. Но больше такого не будет. Ты навлечешь на себя гнев Первозданного.

Я кивнула, хотя мне везло не раз с тех пор, когда в детстве я воскресила Баттерса. Ни разу мой... дар не привлек внимания Первозданного Смерти. И я...

Не знала, что собиралась сделать.

Дрожа, подняла руки и посмотрела на них. Сейчас они казались нормальными. Как и всё во мне. Я прерывисто выдохнула.

– Я думала, что ты умерла...

– И умру, Серафена. Скоро.

Я посмотрела ей в глаза. Это игра моего воображения или она кажется под одеялом еще меньше? Более исхудавшей?

– Я прожила достаточно долго. Я готова.

Я прикусила задрожавшую губу и кивнула.

Пусть эти глаза потускнели, но в них все еще есть сила удерживать мой взгляд.

– Знаю. – Я сцепила руки и крепко прижала к коленям.

Она пристально смотрела на меня, полуприкрыв глаза.

– Ты пришла еще зачем-то, кроме как потревожить меня?

– Хотела тебя проведать.

Это была правда, но существовала еще одна причина. Вопрос, который некоторое время не давал мне покоя.

– И я хотела кое о чем спросить, если ты не против.

– Мне нечем заняться, кроме как лежать и ждать, когда ты уйдешь, – проворчала она.

Я слегка улыбнулась, но улыбка быстро померкла, а внутри у меня все напряглось.

– Когда-то давно ты кое-что сказала, и я хочу знать, что ты имела в виду. – Я взволнованно вдохнула. – Ты сказала, что меня осенили смерть и жизнь. Что это значит? Быть осененной и тем и другим?

Одетта издала хриплый смешок.

– Спустя столько лет ты пришла спросить?

Я кивнула.

– Есть причина, почему ты сейчас спрашиваешь?

– Вообще-то нет. – Я пожала плечами. – Просто я всегда над этим размышляла.

– И решила спросить, пока я не сыграла в ящик?

Я нахмурилась.

– Нет...

Ее белые кустистые брови поползли на лоб. Я вздохнула.

– Ладно. Наверное.

Она рассмеялась хрипло, но ее глаза ярко вспыхнули.

– Не люблю тебя разочаровывать, дитя, но я не могу от-

ветить на этот вопрос. Это провозгласили Судьбы при твоём рождении. Только Судьбы могут сказать тебе, что это значит.

Глава 5

На следующее утро, подавляя зевоту, я вошла в освещенную свечами комнату, воспользовавшись дверью для слуг. Вяло переставляя ноги, пересекла тихую гостиную королевы. Я плохо спала ночью – до утра мучаясь из-за досадной головной боли и попыток разобраться в туманном ответе Одетты.

Я не знала, почему так стараюсь понять, что имела в виду моя няня. Не впервые она говорила загадками. И, если честно, мне казалось, что она все приукрашивает. Например, что Судьбы – Арей – провозгласили, будто меня при рождении осенили жизнь и смерть. Откуда Одетте об этом знать? Именно, неоткуда.

Качая головой, я прошла мимо плюшевых кушеток цвета слоновой кости. Толстый ковер заглушал звук моих шагов. Я добралась до конца длинной узкой комнаты на втором этаже, где горели два канделябра. Не припомню, чтобы когда-нибудь в них не зажигали свечи.

В этой тихой, наполненной ароматами роз комнате висел портрет короля Ламонта Миреля. Я подняла голову и принялась неторопливо рассматривать изображение, зная, что у мамы сейчас второй завтрак и я могу спокойно здесь находиться.

Мой отец.

Сердце в груди сжалось. Возможно, от горя, хотя я не была уверена, что могу горевать по человеку, которого никогда не видела.

Он погиб вскоре после моего рождения – бросился с восточной башни замка Вэйфейр. Никто никогда не говорил почему. Об этом вообще не говорили. Но я часто думала, не мое ли рождение – напоминание, что сделал его предок, – подтолкнуло его к такому шагу.

Я сглотнула, вглядываясь в портрет, написанный так искусно, что казалось, словно отец стоит передо мной – в белых со сливовым одеждах, с короной из золотых листьев на волосах цвета насыщенного красного вина.

Его волосы падали на плечи свободными волнами, тогда как мои... это масса небрежных кудрей и спутанных прядей, доходивших до бедер. У нас одинаковая форма бровей, выгнутых так, что придавали мне вопросительный или осуждающий вид. У нас похожий изгиб губ, но на портрете уголки его рта приподняты в легкой улыбке, тогда как я, если верить неоднократным замечаниям королевы, выгляжу хмурой. У него несколько веснушек на переносице, а у меня все лицо в крошечных крапинках, словно кто-то опустил кисть в коричневую краску и махнул ею на меня. Глаза у отца такие же травянисто-зеленые, что и мои, но меня всегда поражало, как они нарисованы.

В его глазах не было ни света, ни блеска жизни или веселья, которое бы соответствовало изгибу рта. В них таился

страх человека, которого преследуют. Я не представляла, как художнику удалось выразить эти эмоции, но они ясно читались.

Смотреть в глаза отца было тяжело.

Трудно было вообще смотреть на него. У него более мужские и жесткие черты, чем у меня, но между нами так много сходства, что задолго до своего провала я гадала, не было ли это одной из причин, почему мама не могла долго смотреть на меня. Я знала, что она его любила. И по-прежнему любит, хотя нашла место в своем сердце и для нежных чувств к королю Эрнальду. Вот почему свечи никогда не гасили. Вот почему король Эрнальд никогда не заходил в эту гостиную, а мама, когда ее настигали жестокие головные боли, скрывалась здесь, а не в покоях, которые делила с мужем. Вот почему она проводила долгие часы наедине с портретом Ламонта.

Я часто думала, были ли они сердечной парой – если вообще существуют такие отношения, о которых пишут стихи и слагают песни. Две половинки целого. Говорят, что прикосновения таких людей полны энергии и их души узнают друг друга. Говорят, что они даже могут являться друг другу во снах, и утрата одного становится для другого непоправимой.

Если сердечная пара – не просто легенда, тогда, наверное, мои мать с отцом были такой парой.

В груди ощущалась тяжесть, гнетущая и холодная. Иногда я гадала, не винит ли мама меня в его смерти. Может, если бы у них родился сын, отец был бы до сих пор жив? Но его нет,

и мне плевать, во что верят жрецы Первозданного Жизни и что утверждают. Он должен быть в Долине и обрести покой, которого не мог найти при жизни.

В глубине холода загорелась жаркая искра гнева. Это была еще одна причина, почему так тяжело на него смотреть. Я не хотела сердиться, потому что это неправильно, но отец покинул меня прежде, чем у меня появилась возможность его узнать.

Внезапно дверь в гостиную скрипнула, и у меня упало сердце. Я развернулась, зная, что не успею убежать через дверь для слуг. Надежда, что это может быть одна из леди моей мамы, исчезла, как только я услышала ее голос. Во мне взметнулась буря эмоций. Страх перед тем, как она отреагирует, обнаружив меня здесь. Надежда, что она не выразит недовольства моим приходом. Горечь, предостерегающая, что глупо питать такую надежду. Я оказалась в ловушке, когда в комнату ворвалась королева Ласании в струящихся сиреневых юбках, сверкая драгоценностями. Позади нее шли леди Кала и портниха с платьем в руках.

Я была не в силах отвести взгляд от мамы. Мы не виделись с того вечера, когда лорды Водинских островов отвергли предложение союза. Мне показалось, она изменилась. Морщинки в уголках глаз стали глубже. Она похудела – так казалось из-за платья или у нее пропал аппетит? Если она больна...

– Большое спасибо, что закончили платье...

Мама резко остановилась. Украшенный драгоценными камнями желтый гребень в волосах блеснул в свете лампы. Ее взгляд упал на меня. Она слегка расширила глаза, а затем прищурилась. Я расправила плечи и приготовилась.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила она.

Я открыла рот, но способность говорить начисто меня покинула. Мама пошла вперед, оставив леди Калу и портниху у двери.

Она остановилась в нескольких футах от меня. Ее грудь резко вздымалась, губы напряженно сжались. Она отвернулась от меня и сказала портнихе:

– Прошу прощения, Андреа.

Андреа. Кажется, я ее узнала. Ее фамилия Джоанис. Она держала магазин одежды в Стоунхилле, который посещали многие знатные люди.

– Знаю, ваше время очень ценится, – продолжала королева, – но я не предполагала, что здесь окажется моя прислужница.

Прислужница.

Леди Кала уставилась в пол, а портниха покачала головой.

– Все хорошо, ваша милость. Я пока все подготавливаю.

Я перевела взгляд с мамы на портниху. Под глазами Андреа залегли темные круги, каштановые волосы выбились из аккуратного пучка на затылке. Готова поспорить – она провела много долгих ночей, дошивая пенное великолепие из кремового шелка и жемчуга, которое несла в руках. Когда я

подумала, сколько монет должно стоить это платье, у меня задергался уголок рта. Услуги Андреа обходились недешево. А тем временем голодали тысячи людей.

Но маме понадобилось новое платье, на деньги за которое можно несколько месяцев, если не дольше, кормить десятки семей или целый сиротский приют.

– Не знаю, зачем ты сюда пришла, – проговорила королева вполголоса, приближаясь ко мне в своей жуткой бесшумной манере, пока я наблюдала, как швея вешает платье на крючок на стене. – Но, если честно, меня это сейчас не заботит.

Я посмотрела на нее, не пытаясь найти проблеск тепла на ее лице. Та короткая вспышка надежды давно угасла.

– Я не ожидала, что вы зайдете.

– А мне почему-то кажется, что это ложь и ты пришла лишь затем, чтобы мешать.

Морщинки в уголках ее глаз стали заметнее. Королева тоже наблюдала за Андреа – портниха рылась в сумке, которую принесла с собой.

– И вообще, портниха наверняка сейчас удивляется, что делает в моих личных покоях прислужница, одетая как конюх. Ты накличешь неудачу.

Я воззрилась на нее, одновременно недоумевая и забавляясь.

– Если бы у меня была способность что-то накликать, это точно было бы что-то другое.

– Да, пожалуй, ты права, – произнесла она ледяным тоном,

которым кроме меня ни к кому не обращалась. – Ты бы использовала этот дар, чтобы причинять более серьезный вред.

Намек задел болезненную струну, и я вспыхнула. Нет сомнений – ее пугало то, кем я стала. Я не могла ее винить. Осознание, что ее первенец убивает людей, должно быть, не давало покоя. Хотя это часто делалось по ее же приказу.

Я твердила себе, что не нужно отвечать. В этом нет никакого смысла. Но я редко следовала голосу разума.

– Я способна только на то, чего от меня ожидают.

– И тем не менее ты подвела в том, чего от тебя ожидали, – тихо возразила она. – В то время как наш народ продолжает голодать и умирать.

Мой затылок покалывало. Я заставила себя понизить голос.

– Вы печетесь о народе?

Королева несколько секунд молча наблюдала за портнихой.

– Я только о народе и думаю.

У меня вырвался негромкий смешок. Королева перевела взгляд на меня, но вряд ли меня видела.

– Что смешного? – спросила она.

– Ты, – прошептала я, и у нее дернулся правый глаз. – Если тебя беспокоит, что народ голодает, тогда почему бы не взять монеты, потраченные на очередное платье, и не отдать тем, кто нуждается?

Она застыла.

– Мне бы не понадобилось поддерживать видимость благополучия и тратить деньги на очередное платье, если бы ты не провалилась, исполняя свой долг. Не было бы Гнили. Не было бы голода.

Ее слова падали на меня, как острые булавки, торчащие из клубка, который Андреа положила на ближайший столик.

– А вместо этого королевства, которые когда-то умоляли о союзе с Ласанией, называют меня королевой-попрошайкой. – Мама устремила на меня взгляд. – Так что, пожалуйста, слоняйся в каком-нибудь другом месте этого огромного замка.

– Может, я должна отправиться в лес и блуждать там вместе с призраками, – вымолвила я.

Королева Каллиф сжала губы так, что они побелели.

– Если хочешь.

Безразличие ее тона и абсолютное пренебрежение подействовали сильнее, чем если бы она отвесила мне пощечину. Глаза защипало от гнева, который укоренился глубоко внутри и был причиной, почему я перестала сдерживать себя. Я не всегда была такой. Лучшую часть жизни я провела, делая то, что мне говорили, и редко отказывалась исполнить просьбу или приказ. Я была тихоней, бесшумно бродила по коридорам Вэйфейр, занятая тем, чтобы привлечь внимание и, возможно, снискать расположение королевы. Но три года назад это прекратилось. Я перестала держать язык за зубами. Перестала стараться. Мне было все равно.

Может, это и есть ответ на вопрос, который задал тот проклятый бог. Почему я с такой готовностью устремляюсь к смерти.

– Знаешь, если умолять о союзе – для тебя такое унижение, ты всегда можешь сделать то же, что и Золотой король, – заметила я, стараясь говорить чуть громче. – Тогда ты сможешь и дальше стоять в стороне, пока другие разбираются с проблемами, какими бы они ни оказались.

Она перевела взгляд на меня.

– В один прекрасный день язык доведет тебя до беды.

– Разве это тебя не обрадует? – с вызовом ответила я, сознавая, что леди Кала и портниха вежливо стараются нас игнорировать.

Взгляд королевы пронзил меня холодом.

– Убирайся, – приказала она. – Сейчас же.

Переполненная гневом и тяжелым чувством, которое не хотела признавать, я опустилась в преувеличенно изысканном реверансе. Мама уставилась на меня, раздувая ноздри.

– Как прикажете, ваша милость. – Я выпрямилась и пересекла комнату.

– Закрой за собой дверь, чтобы больше нам не мешали посторонние, – бросила королева Каллиф.

Зажмурившись, я притворила дверь, постаравшись не хлопнуть – для этого подвига я напрягла всю силу воли. Я напомнила себе, что скоро ее слова не смогут меня достать. В коридоре я сделала долгий глубокий вдох и задержала дыха-

ние. Пока легкие не начали гореть, а глаза – слезиться. Пока под веками не вспыхнули белые искры. Тогда я выдохнула. Только это помешало мне схватить дверную ручку и хлопнуть дверью снова и снова.

Лишь убедившись, что могу доверять себе, я открыла глаза. Напротив покоев мамы стояли два королевских гвардейца.

Боги... какой нелепый у них вид в этой униформе. Они как напыщенные павлины.

Оба смотрели прямо перед собой с невозмутимым выражением, хотя я несколько секунд стояла перед ними, закрыв глаза и задержав дыхание. Полагаю, это не шло ни в какое сравнение со всеми моими странностями, которые им довелось повидать.

Я пошла по коридору, потирая левое плечо, где чесалось родимое пятно в виде полумесяца. Глаза щипало, а в горле горело. Должно быть, из-за множества светильников в коридоре. С моей матерью это никак не было связано. Она не могла так сильно подействовать на меня. Даже когда куталась в свое недовольство мной как в толстую накидку.

* * *

Душистый вечерний ветер трепал подол моего сюрко, вздымая его выше колен. Я шла по многолюдным Первозданным садам, которые занимали несколько акров вокруг внеш-

ней стены. Затем пересекла замковый мост, по которому ехали несколько украшенных драгоценностями карет, направляясь в Вэйфейр или из него, а внизу плескалась вода. Подняв капюшон, я обогнула узкий район, известный как Ист-фолл, где находились одна из Королевских Цитаделей и казармы, в которых жили и тренировались гвардейцы. Другая Королевская Цитадель, побольше, стояла на окраине Карсодонии и обозревала Ивовые равнины. Там тренировалась основная часть войск Ласании.

Бесцельно шагая по Люкс мимо туннелей из вьющихся побегов, я повернула голову направо, не желая смотреть в ту сторону, но зная, что не смогу удержаться.

Теневой храм стоял за толстой каменной стеной у подножия Утесов Печали. Сколько бы раз я ни проходила мимо, я не могла не восхищаться величественной красотой перекрученных шпилей, которые возносились почти так же высоко, как и утесы; красотой стройных башенок и гладких непроницаемо-черных стен, возведенных из отполированного те-некамня. Казалось, храм манил звезды с небес и заключал их в обсидиановый камень. Храм сиял, словно в нем расставили сотни зажженных свечей.

Не в силах сдержать трепет, я отвернулась и заставила себя идти дальше. Я старалась не подходить к Теневому храму. Четыре посещения за прошедшие три года – более чем достаточно. Последнее, что мне сегодня нужно, – это раздумывать о том, что заставило Первозданного Смерти переду-

мать.

После посещения Одетты меня переполняла нервная энергия. Представив, что проведу долгую ночь, наблюдая, как ползают тени по потолку, я решила выбраться из Вэйфейр.

Я не хотела быть одна, но не хотела и компании.

Потому я отправилась бродить, как делала по ночам, когда нервное возбуждение не давало заснуть, – а таких ночей в последние месяцы становилось все больше. Пахло дождем. Было еще довольно рано, из освещенных свечами дворов доносился гул голосов и звяканье бокалов. Тротуары заполняли люди в платьях и рубашках, слишком теплых для жаркой погоды. Я шла, не смешиваясь с прохожими, оставаясь незаметной – призраком среди живых. По крайней мере, так мне казалось. Я перешла второй, менее величественный мост, соединяющий берега реки Най. Появился легкий туман, увлажнив мою кожу. Я вступила в расположенный на холме район Стоунхилл. Туман немного смягчил жару, но я надеялась, что густые тучи, надвигающиеся с моря, несут ливень.

На вершине Стоунхилл стоял храм Фаноса, Первозданного Неба, Моря, Земли и Ветра. Очертания толстых колонн казались размытыми под морозящим дождем. Я вдруг поняла, что направляюсь именно сюда.

Мне здесь нравилось. Не так высоко, как на Утесах Печали, но со ступеней храма видно всю столицу.

Люди сновали туда-сюда по улочкам и склонам холмов, хотя большинство лавок уже закрылись на ночь. Я смотрела на освещенные факелами номера домов, узкие одноэтажные строения с занавешенными павильонами на крышах...

Жар без предупреждения затопил грудь и прилил к коже. Я замедлила шаги на крутом склоне. Покалывающее тепло покатилося по рукам. Я резко втянула воздух, а сердце заколотилось о ребра.

Это ощущение...

Я знала, что оно означает, на что я реагирую.

Смерть.

Недавняя смерть.

Делая медленные вдохи, я заставила легкие работать, развернулась и стала снова подниматься по склону. Прогнала тепло, подавив, но оно все равно тревожило меня. Я будто утратила контроль. Мой... дар вынуждал идти, хотя я знала, что ничего не сделаю, когда найду источник. Но все равно шла.

Я увидела его менее чем за квартал впереди.

Бога с длинными волосами цвета ночного неба. Он шел по противоположной стороне улицы. Его обнаженные руки казались серебристыми в лунном свете.

Мадис.

Так его звали.

Отступив в узкий переулок, я прижалась к штукатурке, еще хранящей солнечное тепло. Взялась за рукоятку кинжа-

ла, спрятанного в складках сюрко. Прикусив изнутри щеку, я наблюдала за богом, а перед глазами стоял маленький ребенок, которого он швырнул как мусор.

Мадис прошел под фонарем и остановился, когда поблизости залаяла собака. Он обернулся к противоположной стороне улицы и склонил набок голову. Собака перестала лаять, но похоже... бог услышал что-то другое. Я начала вытаскивать кинжал.

«Что ты делаешь?»

Голос, зашептавший у меня в голове, был смесью моего и голоса серебристого бога. Я могла ударить Мадиса. Без сомнений. Но что потом? Конечно, смертный, убивший бога, не уйдет незамеченным. Ярость, вызванная тем, что он сделал с ребенком, толкала меня вперед, заставляя не думать о последствиях.

«Что заглушает твой страх и толкает к смерти?»

Слова серебристого бога настойчиво звучали во мне, и я замешкалась. Мадис быстрыми шагами направился в темный переулок между домами. Я выругалась вполголоса и оттолкнулась от стены. Рукоятка кинжала врезалась в ладонь. Я последовала за богом. Дойдя до тротуара, остановилась и бросила взгляд в том направлении, откуда он пришел, думая о покалывающем тепле, которое теперь пропало.

У меня появилось неприятное предчувствие, что это ощущение было связано с богом.

Пробормотав ругательство, я заглянула в темный пере-

улок.

И пошла дальше, остановившись в конце улицы. Повернув за угол здания, снова ощутила слабое тепло. Никакого двора. Входная дверь выходила прямо на тротуар. Приземистый оштукатуренный дом, из решетчатых окон лился мягкий, мерцающий свет свечей. На крыше павильон с задернутым белым пологом, создающим уединение.

Газовая лампа освещала номер дома и вывеску: «Ателье Джоанис».

Я похолодела. Это не могла быть портниха, которая принесла маме платье из воздушного шелка и жемчуга. Слишком сильное совпадение – я случайно забрела сюда, бог Мадис причинил ей вред.

Не успев себя остановить, я повернула ручку двери. Не заперто. Я подавила желание распахнуть ее, хотя тогда мне стало бы лучше. Вместо этого спокойно открыла ее.

Как только я вошла в маленькую прихожую, в нос ударил запах горелой плоти. Мой желудок сжался. Я прошла в мастерскую мимо растений в горшках. В тени лежали рулоны тканей и стояли одетые манекены. Крепко сжимая кинжал, я прокралась в узкий темный коридор, где обнаружилась еще одна приоткрытая дверь. Планировка таких домов была мне знакома. Комнаты располагаются одна за другой, кухня обычно находится в задней части дома, подальше от жилых покоев. Спальни в середине, а гостиные в передней части, где я видела в окнах свет свечей.

Я тихо приоткрыла дверь, отделяющую рабочие помещения от остального дома, и обвела взглядом пустые кресла со светлой обивкой, кушетку и зажженную газовую лампу на чайном столике, которую не заметила с улицы. Красная жидкость из перевернутого бокала заливала дубовый столик и полуоткрытую книгу. Из-под кушетки выглядывала тонкая бледная ступня. Я резко вдохнула и прошла дальше. Здесь стоял другой запах. Более свежий. Знакомый, но я не могла его определить. Я обошла кушетку.

Милостивые боги!

На спине лежало то, что осталось от мисс Андреа Джонис. Ее руки покоились на бледно-сиреневом корсаже, словно кто-то сложил их там. Одна нога подогнута, колено прижато к ножке чайного столика. На руках, шее и щеках вздулись темные вены. Рот открыт, будто она кричала, и плоть... опалена и обуглена. Как и пол вокруг...

И у нее не было глаз.

Выжжены, и кожа вокруг обгорела странным узором, напоминающим... крылья.

Единственным предупреждением стало легкое движение воздуха позади меня. Инстинкт взял верх, крича, что если в доме есть кто-то еще и приближается ко мне так тихо, то это не сулит ничего хорошего. Я повернулась, замахнувшись...

Мое запястье сжала холодная рука, а я изогнулась, делая резкий выпад правой рукой с кинжалом. Клинок встретил сопротивление, и тенекамень, острый и смертоносный,

пронзил кожу и погрузился глубоко в грудь в ту секунду, когда меня пронзил разряд энергии и я поняла, кто меня схватил.

Кого я только что ударила кинжалом.

В сердце.

О боги.

Я подняла взгляд от рукоятки кинжала, торчащей из груди, облаченной в черное, к глазам...

Расширенным серебристым глазам, в которых клубились вихри итера.

Глазам бога.

Глава 6

Мое сердце запнулось, а затем ускорилося. Воздух застрял в горле. Я смотрела, как он медленно опускает взгляд на свою грудь – на глубоко всаженный кинжал. Я оцепенела от шока, не чувствуя его руки, все еще обхватывающей мое левое запястье. Я не чувствовала ничего, кроме абсолютного ужаса.

Тенекамень может убить бога, если ударить в сердце, а я промахнулась всего на долю дюйма – если вообще промахнулась. В глубине души я знала, что он выживет, но, наверное, это очень больно.

Бурлящий серебром взгляд устремился на меня. Итер выплеснулся в радужку. Я знала, что он меня убьет. Иначе и быть не могло. Мне сдавило грудь, а он выпустил мое запястье и медленно сделал шаг назад, освобождаясь от кинжала. Клинок был покрыт кровью – темной и мерцающей в свете лампы, не похожей на кровь смертных. Я уставилась на кинжал и, приготовившись, отошла на несколько шагов назад.

– Ты опять вошла в дом, не позаботившись проверить, в самом ли деле ты здесь одна, – сказал бог, и я поймала его взгляд. Итер бурлил в его глазах. – Это невероятное безрассудство. Не делай так больше.

Я приоткрыла губы.

– Я... только что ударила вас в грудь, и это все, что вы можете сказать?

– Нет. Я как раз к этому и веду. – Он склонил голову набок, и темные волосы упали на щеку. – Ты ударила меня.

– Да.

Я сделала еще шаг назад. В горле так пересохло, что было не сглотнуть.

– В грудь, – добавил он. Его туника была разорвана спереди, но на ней не виднелось пятен крови. Ничего. Если бы не кровь на клинке, я бы не поверила, что действительно сделала это. – Почти в сердце.

У меня задрожали руки.

– Похоже, на вас это слабо подействовало.

Что ужасало.

– Это больно, – прорычал он, поднимая голову. – Очень.

– Мне жаль.

Он опустил подбородок.

– Тебе не жаль.

Мне на самом деле было жаль. Вроде того.

– Вы меня схватили.

– Ты бьешь кинжалом всех, кто тебя хватает?

– Да! – воскликнула я. – Особенно когда я в доме с трупом и кто-то хватает меня сзади без предупреждения!

– Я не готов говорить о том, почему ты вообще оказалась в одном доме с трупом, – заявил он, и я нахмурилась. – Но, во-первых, в твоём голосе нет сожаления.

– Было... есть... Но мне бы не пришлось вас бить, если бы вы меня не схватили.

– Ты серьезно винишь меня? – В его голосе звенело недоверие.

– Вы схватили меня, – повторила я. – Без предупреждения...

– Может, стоило посмотреть, прежде чем бить? Или тебе такое никогда не приходит в голову?

– А вам когда-нибудь приходило в голову объявить о своем присутствии, чтобы не получить удар кинжалом? – огрызулась я.

Бог двигался быстро. У меня не было шанса что-то предпринять. Внезапно он оказался передо мной, схватил кинжал за лезвие и выдернул у меня из руки. Секунду спустя на его пальцах потрескивали серебристо-белые искры. Свет вспыхнул и запульсировал, поглощая клинок и рукоятку. Тенекмень и железная рукоятка крошились в его кулаке.

Я разинула рот.

Бог разжал руку, и лампа осветила посыпавшийся на пол пепел – все, что осталось от моего оружия.

– Вы уничтожили мой кинжал! – воскликнула я.

– Да, – передразнил он меня.

Опешив, я замерла. Даже думать не могла, сколько лет моя семья хранила этот кинжал, пока я не появилась на свет.

– Как вы посмели?!

– Как я посмел? Может, я не хочу, чтобы меня ударили

им еще раз?

– Вам было бы не о чем беспокоиться, если бы просто сказали «привет», – крикнула я.

– А если я нечаянно тебя напугаю? – возразил он. – Ты, скорее всего, ударишь меня даже тогда.

Я сжала кулаки.

– Вот теперь я правда хочу ударить еще раз.

– Чем? – Он опустил подбородок, и в его глазах поднялась буря. – Голыми руками? Мне уже хочется, чтобы ты попробовала.

Его поддразнивающий тон заставил меня резко втянуть воздух. Бог забавлялся. Он уничтожил мой любимый кинжал. И я забыла о сдержанности.

– Может, мне в руки попадет другой клинок из тенекамня. И вместо того, чтобы бить в сердце, не лучше ли целиться в горло? Может ли бог выжить без головы? Мне не терпится выяснить.

Он выгнул бровь.

– Ты что, серьезно?

Я широко улыбнулась – той же улыбкой, которую недавно продемонстрировала маме.

– Возможно.

На его лице промелькнуло изумление, от которого расширились его бурлящие итером глаза.

– Ты в самом деле осмеливаешься мне угрожать? Даже сейчас?

– Это не угроза. Это обещание.

Он подался назад. Я поняла, что позволила вспыльчивости взять надо мной верх, совершенно забыв, кто он.

По комнате прокатилась волна энергии, охватив меня. Ощущение было обжигающе ледяным и оставило мурашки. Картины на стене затряслись.

Я с трудом заставляла себя дышать, но замерла вместо того, чтобы поддаться инстинкту и бежать без оглядки – из дома, от этого существа с непостижимой мощью. Меня трясло, но я вскинула подбородок.

– Это должно меня впечатлить?

Бог замер, лишь свет яростно пульсировал. Мои мышцы словно сковало. Может, мама была права со своим пророчеством насчет моего языка?

Бог рассмеялся, негромко и угрожающе. Я не видела, как он поднял руку, но почувствовала, как его холодный палец прижался к моей щеке. Сердце замерло, и я попыталась приготовиться к боли от итера, который выжжет меня изнутри, как произошло с братом и сестрой Казин и бедной женщиной, которая лежала здесь на полу.

Но боли не последовало.

Я почувствовала лишь грубые подушечки его пальцев, которыми он провел по моей щеке, остановившись в уголке губ.

– Что тебя пугает по-настоящему, льесса? – спросил он, и мне показалось... что в его голосе звучит одобрение. – Если

я – не пугаю?

Льесса. Уже второй раз он меня так называл, и мне захотелось узнать, что означает это слово. Но теперь был не самый подходящий момент об этом спрашивать.

– Я... боюсь, – призналась я, потому что... а кто бы не боялся?

Серебристый свет в его глазах погас.

– Только на поверхностном уровне. Это не тот страх, который определяет смертных, меняет их суть и заставляет делать выбор.

Он провел большим пальцем по моему подбородку, задев губу. Его прикосновение обожгло как ледяная метка, пробудив во мне тревожные предчувствия и... что-то более сильное. Такое же очевидное, как и ощущение правильности, которое я испытала в нашу прошлую встречу. Видимо, со мной что-то неладно. Потому что это не имело смысла.

– Ты можешь чувствовать ужас, но ты не напугана. Между тем и другим огромная разница.

– Откуда... вы знаете?

Он обхватил пальцами мой подбородок, и мое сердце заколотилось – из-за его прикосновения или оттого, что это прикосновение было таким ласковым. Он провел рукой по моей шее. Почувствовал ли он, как бьется мой пульс?

– Вы бог мыслей и эмоций?

Он издал хриплый, грубый смешок, и его пальцы скользнули под мой капюшон, под косу, лежащую на шее.

– У тебя, – произнес он, медленно поглаживая мою шею. Было что-то особенное в том, как он это сказал. – У тебя неприятности.

Я прикусила изнутри щеку. По мне пробежала волна трепета, угнездившись в самых неприличных местах и заставив меня задаться вопросом, насколько же я безумна.

У меня складывалось впечатление, что очень.

Вихрь дрожи, прошедший сквозь меня, – абсолютное безумие. Бог теперь даже не походил на смертного.

– Не так чтобы очень, – прошептала я.

– Ложь.

Я всмотрелась в резко очерченные черты его лица.

– Вы... на меня не сердитесь?

– Я определенно возмущен.

Я подумала о десятке других определений, чтобы описать собственную ярость, если бы кто-нибудь ударил меня в сердце.

– Как я сказал, было больно. На мгновение.

Только на мгновение?

– Мне кажется, дальше ты собираешься спросить, уверен ли я, что не буду тебя убивать, – продолжал он, и я бы солгала, если заявила, что не думала об этом. – Не скажу, что это не приходило мне в голову, когда я ощутил, как клинок пронзает мою кожу.

Его большой палец неторопливо погладил место, где бился мой пульс.

– Что же вас остановило?

– Многое. – Он слегка склонил голову, и я ощутила холодное дыхание на своем подбородке. – Хотя я ловлю себя на том, что сомневаюсь в собственном здравомыслии, учитывая последовавшие угрозы.

Я промолчала, в кои-то веки прислушавшись к инстинкту самосохранения.

– Ну надо же. – Уголки его губ приподнялись. – Я ожидал, что ты начнешь возражать.

– Стараюсь прислушиваться к здравому смыслу и оставаться спокойной.

– И как, работает?

– Если честно, не очень.

Бог негромко рассмеялся и убрал руку.

– Что ты здесь делаешь?

От резкой перемены в его тоне я на минуту растерялась и чуть не соскользнула по стене. Он повернулся к телу Андреа. Что я здесь делала? Я перевела взгляд на лежащую женщину. Ах да, убийство. Боги!

– Я гуляла... – Я сложила руки на поясе, зная, что не могу сказать ему всей правды. – Увидела, что тот бог вышел отсюда, и подумала, что нужно зайти проверить.

– Ты видела, как он выходил, но не видела, как вошел я?

Проклятье.

– Нет.

Он оглянулся на меня.

– С чего ты решила, что нужно проверить дом?

Я застыла.

– А почему нет? Разве человек не должен забеспокоиться, когда видит, как бог-убийца покидает жилище смертного?

Он поднял бровь.

– А разве смертные не должны беспокоиться о своей безопасности?

Я закрыла рот.

Бог отвернулся, и теперь, когда он не сверлил меня пронзительным взглядом, я смогла его рассмотреть. Он был одет как в прошлый раз: темные штаны, черная туника с капюшоном. Боги, он еще выше, чем я помнила. Я заметила кожаные ремни, проходящие через его грудь и верхнюю часть спины, сзади к ним крепился меч. Рукоять была наклонена вбок, чтобы легче вытаскивать. Не помню, чтобы он носил меч в нашу прошлую встречу.

Зачем богу меч, если у него есть сила итера на кончиках пальцев?

Я переступила с ноги на ногу.

– Она убита так же, как и Казин, правда? Вот почему вы здесь.

– Меня предупредили, что один из них вошел в царство смертных, – сказал он, обходя тело Джоанис.

Значит, кто-то знал, что он выслеживает богов-убийц.

– Я пришел сразу, как только смог. Мадис на этот раз поленился. Оставил ее здесь. Я пытался выяснить, кто она, но

тут появилась ты, вошла в дом и не позаботилась проверить остальные комнаты.

Я прищурилась.

– Вы хотите сказать, что не позаботились дать знать о своем присутствии?

Он снова оглянулся на меня.

– Неужели ты думаешь, что кто-то враждебно настроенный дал бы знать о своем присутствии?

– Нет, я думаю, что так поступил бы тот, кто не настроен враждебно. А других бы ждал удар в грудь. – Уголки моих губ опустились. – Если бы у меня был кинжал.

– У тебя бы он был, если бы ты не колола им налево и направо.

У меня правда был еще один. В сапоге. Не из тенекамня, а тонкий стальной. Однако речь шла не об этом.

– Я не колю им налево и направо. – Обычно. – Теперь вы должны мне кинжал из тенекамня.

– Разве?

– Конечно, – кивнула я.

– Кстати, где твой сводный брат достал такое оружие?

Я не сразу вспомнила, что тогда врала ему.

– Ему подарили на день рождения. Не знаю кто и почему. Мой сводный брат никогда не интересовался оружием.

– Ты же знаешь, что смертным запрещено иметь кинжалы из тенекамня.

Я знала, но только пожала плечами.

Он приподнял уголок губ и отвернулся.

– Ты забыла, что видела в доме Казин, как я просил?

Я напряглась.

– Не помню, чтобы вы просили. Скорее требовали. Но нет.

Я не забыла.

– Знаю.

– Вы следили?

Глаза, полные расплавленного серебра, встретились с моими.

– Возможно.

– Это... жутко.

Он приподнял широкое плечо.

– Я же сказал, что буду присматривать. Я решил, это необходимо. Чтобы убедиться, что ты больше ни во что не вляпалась.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы вы присматривали за мной.

– А я и не сказал, что нуждаешься.

Наклонив голову, он внимательно смотрел на меня.

– Тогда о чем вы говорите?

– Я хотел проследить, – сказал он, и в его голосе прозвучало удивление от того, в чем он признался.

Я открыла рот и закрыла. Как... я должна на это реагировать?

– Что ты выяснила? – спросил он чуть погодя.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы собраться с мыслями.

– Если вы следили, то должны знать.

Он усмехнулся.

– Полагаю, ты узнала, что об этих смертных никто не говорил ничего плохого.

– Другими словами, вам известно, что я почти ничего не выяснила. Были ли еще смерти? Кроме этой?

Он покачал головой.

– Ты ее знала?

– Я... видела ее. Она портниха. Андреа Джоанис. – Я чуть-чуть подвинулась вперед. – Она очень талантлива. И очень востребована. То есть была. – Я немного смутилась. – Я ее недавно встречала.

Его взгляд стал острее.

– Встречала?

Я кивнула, глядя на тело.

– Да. Всего на несколько минут. Она принесла моей матери платье. – Я подумала, что эта подробность не важна. – Странное совпадение, правда?

– Правда, – пробормотал он.

Когда я подняла голову, он смотрел на меня так пристально, словно видел все, что я не сказала.

– Вы нашли что-то, что указывало бы, зачем Мадис это сделал?

Бог покачал головой.

– Ничего.

– Но вы считаете, она умерла по той же причине, что и

все остальные?

– Да.

Он провел рукой, убирая волосы с лица.

Я начала говорить, но остановилась.

– Почему мне кажется, что ты хочешь что-то спросить?

Я нахмурилась.

– Вы бог. Как вы можете не знать, что задумали другие боги?

– Одно то, что ты являешься богом, не означает, что тебе ведомо грядущее, дела других богов или причины их поступков, – ответил он. – Это недоступно даже Первозданным.

– Я не совсем это имела в виду. А поскольку вы достаточно...

– Продолжай.

Я бросила на него невозмутимый взгляд.

– Поскольку вы достаточно могущественны, разве вы не можете потребовать у них ответа?

– Это так не работает. – Он подался вперед. – Есть вещи, которые боги и Первозданные могут делать, а есть то, что не могут.

Во мне вспыхнуло любопытство.

– Вы говорите, что даже Первозданные не могут делать все, что им вздумается?

– Этого я не сказал. – Он наклонил голову. – Первозданные могут делать что захотят.

Я всплеснула руками.

– Если это не самое противоречивое утверждение, какое я слышала за всю свою жизнь, то не знаю, что это.

– Я говорю, что Первозданные или боги могут делать что им угодно. Но каждое действие производит следствие, даже если и не очевидное.

Что ж, это туманное объяснение имело смысл. Я посмотрела на портниху. Мне кое-что пришло в голову. Когда смертный умирал, считалось, что тело нужно сжечь, чтобы душа могла уйти в Страну теней. Не уверена, что случившееся с братом и сестрой Казин могло считаться погребальным сожжением.

– Те, кто умирают как Казин... их души попадают в Страну теней?

Бог долго молчал.

– Нет. Они... просто перестают существовать.

– О боги. – Я прижала ладонь ко рту.

Он поднял взгляд на меня.

– Это жестокая участь, даже страшнее, чем попасть в Бездну. Там ты по крайней мере существуешь.

– Я... даже осознать не могу, каково это – просто перестать быть. – Меня передернуло. Надеюсь, он этого не заметил. – Это...

– Это только для самых отъявленных негодяев, – закончил он за меня.

Я кивнула, рассматривая гостиную. Ярко-голубые и бледно-розовые диванные подушки, каменные статуэтки мор-

ских созданий, по слухам, обитающих на побережье Илизиума, и маленькие безделушки, которые были частью жизни Андреа Джоанис. Кусочки того, кем она являлась и кем больше никогда не будет.

Я прочистила горло, отчаянно ища другую тему для размышлений.

– К какому двору вы принадлежите?

Он поднял бровь.

– Я хотела спросить, вы из Страны теней?

Бог мгновение изучал меня, затем кивнул. Я напряглась, хотя не удивилась. Он продолжал смотреть на меня.

– Ты хочешь спросить еще что-то.

Так и было. Я хотела спросить, известно ли ему, кто я. Не потому ли наши пути уже дважды пересекаются таким странным образом. Возможно, он не знал о сделке, но ему могло быть известно, что я являюсь будущей супругой Первозданного, которому он служит. Но если он об этом не знал, это будет рискованный вопрос. Бог мог рассказать Первозданному, что у меня был кинжал из тенекамня и я не боялась им пользоваться.

Поэтому я остановилась на том, что всегда вызывало у меня любопытство – о чем я спросила бы самого Первозданного, если бы появилась возможность. Раз он из Страны теней, то мог это знать.

– Все души ждет суд после смерти?

– На это не хватает времени, – ответил он. – Когда человек

умирает и вступает в Страну теней, он опять обретает физическое тело. Большинство проходят через Столпы Асфodelей, которые ведут туда, куда должны уходить души. Для надежности там стоят стражи.

– Вы сказали – большинство. А остальные?

– Некоторые особые случаи рассматриваются отдельно. – Он сверлил меня взглядом. – Случаи тех, кого нужно увидеть, чтобы определить их судьбу.

– Как? – Я подошла к нему ближе.

– Душа после смерти обнажена. Лишена плоти, которая скрывает ее деяния, – объяснил он. – После смерти можно прочесть, достойна ли душа.

– А... сейчас это возможно? Я хочу сказать, когда человек жив.

Он покачал головой.

– Некоторые могут что-то знать, только взглянув на мертвого или другого бога, но ядро души для них не открыто.

Я остановилась, ощутив слабый цитрусовый аромат.

– Что знать?

На его губах заиграла легкая усмешка.

– Такая любопытная, – пробормотал он, окидывая взглядом мое лицо и слегка задержавшись на губах.

По моим венам растеклось тепло, это было странно, раз теперь я точно знала, какому двору он служит. Но он смотрел на меня так, словно его очаровала форма моих губ.

Как будто хотел снова попробовать их вкус.

Меня захлестнула волна предвкушения. Я знала, что, если он это сделает, я его не остановлю. Это будет неудачное решение с моей стороны. Может, и с его – тоже. Но я часто принимала плохие решения.

Бог отвел взгляд. Не знаю, ощутила я разочарование или облегчение. Он прикусил нижнюю губу. Показались кончики клыков. Определенно, я почувствовала разочарование.

Вдруг самый центр моей груди, там, где часто возникало тепло в ответ на смерть, сдавило странное ощущение. Тяжесть накрыла меня, как удушающее колючее одеяло. Я сделала неглубокий вдох и нахмурилась, внезапно ощутив запах сирени. Гнилой сирени. Он напомнил мне что-то, что я не могла определить. В тот момент я, не желая этого, повернулась к телу Андреа.

Погодите.

Я шагнула ближе.

– Вы двигали ее ноги?

– Зачем бы мне это делать?

В меня просочилась тревога.

– Когда я вошла, одна ее нога была согнута в колене и прижималась к столу. Сейчас обе выпрямлены.

– Я ее не двигал.

Я перевела взгляд на лицо портнихи. Обожженная кожа на щеках и лбу, казалось, немного потускнела.

– Может, ты...

Хриплый вдох и хруст расширяющихся легких заставили

бога замолчать. Я бросила взгляд на грудь портнихи в тот момент, когда ее корсаж приподнялся. Я застыла, не веря в происходящее.

– Что за?.. – вымолвил бог.

Андреа Джоанис села, ее рот раскрылся еще шире, опаленные губы раздвинулись, открывая четыре длинных зуба – два на верхней челюсти и два на нижней. Клыки.

– ...хрень? – договорил бог.

– Это не... нормально, правда? – прошептала я.

– Что именно? Клыки или то, что она мертва и все равно садится?

Голова Андреа наклонилась к богу. Она словно смотрела на него глазами, которых больше не было.

– Не думаю, что она мертва, – сказала я. – Не теперь.

– Нет, – прорычал бог, отчего у меня по коже побежали мурашки. – Она по-прежнему мертва.

– Вы уверены?.. – Я подавила вскрик, когда голова портнихи повернулась ко мне. – Кажется, она пялится на меня. Не уверена. У нее же нет глаз.

Я инстинктивно потянулась к бедру, но там было пусто. Я повернулась к богу.

– Мне бы хотелось, чтобы мой кинжал...

От Андреа послышалось шипение – такой звук смертный издать не способен. Шипение нарастало, превращаясь в пронзительное рычание, от которого у меня волосы встали дыбом.

Андреа перекадилась на ноги таким быстрым движением, что я отшатнулась. Скрючив пальцы, она ринулась вперед...

Бог был так же невероятно быстр. Он встал передо мной и выхватил короткий меч. Клинок блеснул в свете свечей как отполированный оникс. Тенекамень. Он шагнул вперед, впечатывая сапог ей в живот. Портниха упала на чайный столик.

Она оказалась на полу, быстро встала на корточки и, вскочив, опять бросилась на нас. Я потянулась к клинку в сапоге, но бог встретил ее атаку и всадил меч из тенекамня глубоко ей в грудь.

Тело портнихи судорожно дернулось. Она попыталась схватить бога. По ее рукам побежали тонкие, как паутина, трещины, поднялись выше, распространились по горлу и щекам.

Выдернув меч, бог отступил в сторону, не сводя глаз с портнихи. Трещины углубились. А потом ее ноги подкосились, и она, тяжело рухнув на пол, сложилась как тряпичная кукла.

Я стояла, разинув рот. Ее тело опало, словно было всего лишь высохшей оболочкой.

– Что... я только что видела?

– Понятия не имею.

Бог осторожно шагнул вперед и слегка пнул ступню Андреа. Кожа и кости превратились в золу и быстро рассыпались.

Несколько мгновений спустя от портнихи не осталось ни-

чего, кроме платья и кучки пепла.

Я заморгала.

– Это было... необычно.

Бог взглянул на меня.

– Да, необычно.

– И вы понятия не имеете, что сейчас произошло? Никогда не встречали такого?

Его глаза встретились с моими.

– Я никогда о таком не слышал.

Полагаю, как бог из Страны теней он бы знал о смертных, которые возвращаются после смерти.

– Как вы думаете, что с ней было не так? Я хотела сказать, почему она напала на нас?

– Не знаю. – Он убрал меч в ножны. – Но вряд ли Мадис просто убил ее. Он что-то сделал. Понятия не имею что. – Он сжал челюсти. – Я бы на твоём месте не стал рассказывать о том, что ты тут видела.

Я кивнула. Будто мне поверят, если расскажу.

– Я должен идти. – Он посмотрел на покрытое пеплом платье, лежащее на полу, потом на меня. – Ты тоже, льесса.

Мне не хотелось оставаться в этом доме больше ни на секунду, но в моей голове роились сотни вопросов. Я решилась задать самый несущественный из них.

– Что означает «льесса»?

Бог не отвечал, казалось, целую вечность.

– Для разных людей это слово может иметь разные значе-

ния. – В его глазах засветился итер, разливаясь в серебре. –
Но все они подразумевают нечто прекрасное и могущественное.

Глава 7

На следующий день я снова находилась в восточной башне с повязкой на глазах.

Сжав железный клинок, я дышала глубоко и размеренно, стараясь не думать, как прошлой ночью бог уничтожил мой кинжал. К счастью, я никогда не тренировалась с тем клинком. Даже думать не хотелось, как отреагирует сир Холланд, узнав, что я потеряла такое оружие.

А прежде ударила им в грудь бога.

Вряд ли сир Холланд воспримет это спокойно.

Обдумывая случившееся, понимала, почему бог уничтожил клинок. Я его ударила. Но все равно я злилась. Кинжалу было больше ста лет, и если есть хотя бы слабая надежда, что я исполню свой долг – если у меня вообще появится шанс, – мне понадобится клинок из тенекамня.

А еще я старалась не думать о том, что видела – что случилось с Андреа. Меня всю ночь не оставляли воспоминания о ней – как она садится и вскакивает на ноги, словно дикое животное. Понятия не имела, что с ней сделали, но надеялась, что бог разберется.

«Нечто прекрасное и могущественное».

Его слова привели меня в замешательство. Особенно если учесть, что он назвал меня словом, которое означает нечто прекрасное и могущественное, после того как я его ударила.

Это казалось даже более необъяснимым, чем то, что случилось с портнихой.

Льесса. Не верилось, что спросила об этом вместо того, что узнать о сотне более важных вещей. Например, как его зовут.

– Давай, – приказал сир Холланд.

Я крутанулась и метнула клинок, резко вдохнув, когда тот с глухим стуком попал в грудь манекена. Тренировка продолжалась, пока я не почувствовала, что больше не могу молчать о том, что видела вчера.

Бросив клинок в очередной раз, я стянула с глаз повязку.

– Могу я кое-что спросить?

– Конечно, – ответил сир Холланд, направляясь к манекену.

– Ты когда-нибудь слышал о?.. – Мне пришлось подумать, как задать вопрос и при этом не выдать лишнего. – О мертвых, которые возвращаются к жизни?

Сир Холланд остановился и развернулся.

– Не ожидал такого вопроса.

– Знаю.

Я теребила подол хлопковой рубашки.

Он нахмурился.

– С чего ты вообще об этом спрашиваешь?

Я приняла безразличный вид.

– Просто слышала, как кто-то в городе говорил об этом. Будто один смертный вернулся к жизни с клыками, как у бо-

га, но... не совсем такими. У восставшего были клыки и на верхней, и на нижней челюсти.

Сир Холланд вскинул брови.

– Никогда не слышал ни о чем подобном. Если тот человек говорил правду, это... похоже, что-то противоестественное.

– Ага, – пробормотала я.

Он пристально смотрел на меня.

– Где ты такое слышала?

Не успела я сочинить правдоподобную ложь, как в дверь башни постучали. Сир Холланд вытащил клинок из манекена и, направившись к двери, оглянулся на меня. Я пожала плечами.

– Кто там? – окликнул он, убирая клинок за спину.

– Это я, – раздался приглушенный голос. – Эзра. Я ищу Серу.

Возникла пауза. Сир Холланд прижался лбом к двери.

– Я знаю, что она здесь. И знаю, вы знаете, что я знаю, что она здесь.

Я растянула губы в усмешке, которая быстро угасла. Я могла придумать только одну причину, зачем Эзре искать меня в башне. Я взглянула на колотые раны в груди манекена и вспомнила все *ужасные* поступки, которые совершила за последние три года.

Сир Холланд бросил на меня хмурый взгляд.

– Тебе не следовало говорить ей, где ты тренируешься. – Он разрезал клинком воздух. – За ней могли проследить.

– Это случилось нечаянно, – сказала я, гадая, кто в замке еще не знал правду обо мне и мог проследить за Эзрой.

– Действительно? – сомневался сир Холланд.

– Просто чтобы вы знали: я вас слышу, – раздался из-за двери приглушенный голос Эзры. – И Сера говорит правду. Однажды утром я пошла за ней. И так как не лишена наблюдательности, то обнаружила, что именно здесь она проводит большую часть своего времени.

– Можно подумать, ты не поняла, что за тобой следят, – проворчал сир Холланд.

Я повела плечом. Разумеется, я знала, что она идет за мной. Но поскольку даже после моего провала Эзра продолжала относиться ко мне с добротой, я не пыталась сбить ее со следа. И она прекрасно знала, что я тренируюсь. Сир Холланд просто драматизировал.

– За мной не следили, – заявила Эзра из-за двери. – Но если буду и дальше стоять тут, разговаривая с дверью, привлеку внимание.

– Пожалуйста,пусти ее, – сказала я. – Она не пришла бы без веской причины.

– Как будто у меня есть выбор. – Сир Холланд отпер замок и открыл дверь.

Принцесса Эмерия стояла на верху узкой лестницы. Ее светло-каштановые волосы были убраны в пучок на затылке. Хотя в башне царила духота и снаружи, скорее всего, было не лучше, Эзра надела короткий черный жилет в тонкую по-

лоску поверх кремового платья из легкого хлопка. Казалось, жара и влажность на нее не действовали.

– Спасибо. Рада вас видеть, сир Холланд.

Она с улыбкой кивнула раздраженному рыцарю. Чертами лица она походила на Тавиуса, но в ее карих глазах горела пронизательность, а в очертаниях подбородка угадывалась твердость, которой не хватало ее брату.

Сир Холланд пронзил ее бесстрастным взглядом.

– Рад вас видеть, ваша милость.

– Что тебе нужно? – спросила я, забирая у сира Холланда железный клинок и пряча в ножны.

– Многое, – ответила она. – Хотелось бы шоколадную булочку из тех, которые печет Орлано, когда он в хорошем настроении. С холодным чаем. Хорошую книгу, где не описываются какие-нибудь страдания. Почему библиотекари в Атенеуме думают, что нам всем интересны книги, которые вгоняют в депрессию? – спросила она, покачиваясь на каблуках.

Сир Холланд почесал лоб.

– Еще мне нужно, чтобы закончилась эта засуха... О, и мир между королевствами. – Эзра широко улыбнулась и бросила озорной взгляд на сира Холланда. – Но сейчас Леди Милосердия просят твоей помощи, Сера.

Сир Холланд опустил руку и хмуро посмотрел на меня.

– Что этим леди из приюта от тебя понадобилось?

– Ее умение незаметно забирать излишки еды с кухни, –

спокойно ответила Эзра. – После недавнего прибавления осиротевших детей их кладовые почти опустели.

Я застыла на мгновение. На лице сира Холланда отразилось подозрение. Умение, которое упомянула Эзра, нередко приходилась очень кстати. Я частенько брала остатки еды с кухни и относила к Утесам Печали, в старую крепость, переделанную под самый большой в Карсодонии сиротский приют. Но как бы он ни был велик, он уже переполнен детьми, родители которых либо умерли, либо бросили их, не имея возможности или желания о них заботиться. Но Эзра никогда раньше не приходила ко мне с такой просьбой. Я повернулась к сирю Холланду.

– Встретимся завтра утром?

Он кивнул. Я не стала задерживаться, чтобы не дать ему времени на вопросы.

– Доброго дня, сир Холланд, – произнесла Эзра, отходя в сторону, чтобы освободить выход.

Мы спустились на третий этаж, где находилась моя спальня и ряд пустых комнат. В солнечных лучах, просачивающихся через бойницы в стенах башни, танцевали пылинки. Мы молчали, пока не вышли в узкий коридор. Эзра повернулась ко мне и заговорила, не повышая голоса, хотя тут нас вряд ли могли подслушать.

– Наверное, тебе нужно переодеться. – Она окинула взглядом мою свободную тунику. – Во что-то более... соблазнительное, для места, куда мы отправимся.

Я склонила набок голову.

– Так в чем же я должна тебе помочь?

– Ну...

Эзра опустила подбородок. Она стояла близко, но не слишком. Я сделала вид, будто не замечаю, как она старается не прикоснуться ко мне.

– Я получила письмо от леди Сандерс по поводу ребенка – девочки по имени Элли. Она только что поступила под опеку леди Сандерс благодаря одной из куртизанок «Нефрита».

Я нахмурилась.

– Что девочка делала с куртизанками?

Хозяйка «Нефрита» согласилась обсуждать со мной приемы соблазнения только потому, что считала меня гораздо старше шестнадцати лет. Но даже тогда, находясь под вуалью, скрывающей мои черты, я видела, что она полна подозрений, хотя некоторые в этом возрасте уже выходили замуж.

– Они же не...

– Нет. Одна из работающих с ними женщин нашла бедняжку на улице. У девочки был подбит глаз, тело в синяках, а еще она была истощена от голода. Элли лечится, – быстро добавила Эзра. – Леди Сандерс говорит, что ее мать умерла много лет назад, а отец потерял источник средств к существованию. Она полагает, что отец девочки когда-то работал на ферме, которую захватила Гниль.

– Мне жаль это слышать, – проговорила я.

– Отца мне не слишком жаль. Похоже, он предпочитал

тратить деньги на выпивку, а не на еду, еще задолго до того, как потерял работу на ферме. – Эзра поджала губы. – У леди Сандерс сложилось впечатление, что смерть матери не была естественной, а ей способствовали тяжелые кулаки отца.

– Прелестно, – проворчала я.

– Стало еще хуже, – сказала она, хотя я не знала, как это возможно. – В какой-то момент отец занялся продажей интимных моментов...

– Секс-торговлей? – прояснила я.

– Да, можно и так сказать, когда человек с готовностью обменивает время, проведенное с интимными частями своего тела, на монеты, защиту, кров или... еще что-то. Но он из тех, кто заставляет других.

Да, она права. Стало еще хуже.

– Это еще одна причина, почему куртизанки из «Нефри-та» не питали добрых чувств к этому человеку, – продолжила Эзра. – Как ты знаешь, они не в восторге, когда этим занимаются нелегально.

Нет, не в восторге, когда кого-то силой вовлекают в ремесло, которым они занимаются добровольно.

– У девочки, которую отдали леди Сандерс, есть младший брат, он по-прежнему живет с отцом. Мальчик находится в очень трудном положении. Он вынужден заниматься всеми видами воровства, чтобы стаканы отца не пустовали. Леди Сандерс опасается, как бы его не вовлекли в другие отвратительные дела в обмен на пищу и кровь – как и дочь.

Я резко вздохнула, встревожившись, но Эзра, к сожалению, не сообщила мне ничего удивительного. И я, и Эзра видели такое и раньше. Невзгоды могут пробуждать в людях, которые пытаются выжить, самое худшее, и заставляют совершать поступки, о которых прежде не помышляли. Но есть и такие, в ком всегда таилась темнота; те, кто были хищниками задолго до того, как столкнулись с превратностями судьбы.

– Леди Сандерс интересуется, не может ли моя подруга с определенными талантами... – Эзра многозначительно взглянула на мой клинок в ножнах, – ...помочь вызволить ребенка.

Другими словами, с умениями, которые сир Холланд годами оттачивал для совершенно иных целей.

– А зачем мне нужно переодеться во что-то более соблазнительное?

– Для отца. Его зовут Нор. Леди Сандерс полагает, что это уменьшительное от Норберта.

– Норберт? – повторила я, моргая. – Ладно.

– Как бы там ни было, Нор ведет свои дела в Перекрестке Крофта.

Перекресток Крофта был кварталом, который река Най отделяла от Садового района.

Дома у воды стояли вплотную друг к другу, места между ними почти не оставалось. Тамошние склады, кабаки, игорные притоны и прочие заведения и сравнить нельзя с теми,

что были в Садовом районе. Большинство жителей Перекрестка Крофта – хорошие люди, которые просто пытались выжить. Но были здесь и люди вроде Нора, которые несли в Перекресток Крофта заразу с такой же легкостью, как Гниль, растекающаяся по земле.

– С тех пор, как упустил дочь, он с сына глаз не спускает, – продолжала Эзра. – Единственный способ проникнуть в дом – если он по твоему виду решит, что ты ищешь работу определенного рода.

– Чудесно, – пробормотала я.

– Я бы сделала это сама, но...

– Нет. Нет, ты этого не сделаешь.

Эзра отличается выдающимся умом, но она не умеет защищать себя. Помимо этого, она принцесса, даже если нередко занимается делами, которые никто не считал бы обычными для принцессы.

– Дай мне пару минут.

Эзра кивнула, и я направилась в свою спальню.

– Да, и надень что-то такое, что не боишься испачкать... кровью.

Я остановилась и оглянулась через плечо.

– Я в любой одежде не перепачкаюсь кровью. Я просто заберу ребенка. Вот и все.

Она слабо улыбнулась и подняла брови.

– Конечно. Так и будет.

Глава 8

Черный экипаж начал подскакивать на неровной мостовой. Так я поняла, что мы въехали в Перекресток Крофта.

Сидящая напротив меня Эзра, нахмурившись, оглянулась на место кучера, которое занимала закутанная в плащ, неузнаваемая леди Марисоль Фабер. Я представляла, как ей душно в эту проклятую жару.

Мне определенно было жарко. Помахивая рукой перед лицом, я мечтала расстегнуть и снять легкую накидку с капюшоном. К шее прилипли прядки волос.

Понятия не имела, как давно Марисоль помогала Эзре в ее стремлении защитить самых нуждающихся жителей Карсодонии. Они дружили с тех пор, как отец Эзры женился на моей матери и моя сводная сестра переехала сюда. Но я начала участвовать в их предприятиях всего три года назад. Я узнала, чем Эзра занимается, когда увидела ее возле старой крепости. Я притащила туда бушель картофеля, который Орлано отдал в мое полное распоряжение. Заметив друг друга, мы сделали вид, что незнакомы. Позже, в тот же вечер, я подождала возвращения Эзры с прогулки по садам. Тогда я узнала, почему она проводит столько времени за пределами Вэйфейр.

Я окинула сводную сестру изучающим взглядом. На ее лице не было ни капельки пота. Невероятно.

– Неужели тебе не жарко? – спросила я.

Эзра оторвалась от окна.

– Вполне комфортно. – Она сдвинула брови и опустила взгляд. – Твое платье... в нем не должно быть жарко.

Мне не требовалось смотреть на себя, чтобы понять, куда она уставилась. На изящные белые кружева низко вырезанного и очень тесного лифа. Если моя грудь останется в платье на время всего приключения, это будет чудом.

– Кажется, его когда-то носила леди Кала. – Это объясняло, почему подол доходит лишь до икр и были видны мои сапоги. – Выбора особого не было.

– Ах да. Могу представить.

Она наморщила переносицу и опять посмотрела в окно. Повисла тишина.

– Тебе нужны платья? – спросила она, переводя взгляд на меня. – У меня наверняка найдутся несколько более удобных.

Я застыла, чувствуя, что начинают гореть щеки.

– Нет, не нужны.

– Уверена? – Она наклонилась вперед. – Мои платья не расползутся по швам у тебя на груди.

– У меня есть другие платья – красивее этого. – И я почти не солгала. – Это – единственное, которое мне показалось соблазнительным.

Эзра откинулась назад.

– Думаю, соблазнительность ограничена временем, кото-

рое у тебя есть до того, как твоя грудь вывалится из него.

Я фыркнула.

Она улыбнулась, но улыбка быстро пропала. От выражения ее лица мне стало более неловко, чем от предложения поделить платья. Это была не жалость, а печаль, будто она хотела что-то сказать, но не могла подобрать слов. А слова она находила всегда, причем в изобилии, но никогда не произносила ругательств. У меня на языке вертелся вопрос. Я хотела спросить, верит она еще, что Первозданный Смерти придет за мной, но остановилась. Ее ответ меня не утешит – ведь я знала правду.

Вместо этого я спросила:

– Как тебе удалось выбраться не замеченной королевскими гвардейцами?

Уголки ее губ приподнялись.

– У меня есть способы.

Только я собралась спросить об этих способах, как экипаж сбавил скорость. Я выглянула в окно. По улицам спешили люди, направляясь в небольшие лавки и в темные извилистые переулки, выющиеся под расшатанными металлическими лестницами, между узкими зданиями в несколько этажей. Многие дома выцвели до грязно-желтого и тускло-коричневого цвета и стояли вплотную друг к другу. Владельцы умудрялись разделить эти дома, где не было электричества, а порой и водопровода, на двадцать, а то и больше тесных комнатушек. Безответственно позволять людям жить в этих

так называемых квартирах, но иначе целые семьи оказались бы на улице. Однако существовало решение.

– Земли, испорченные Гнилью... Их ведь можно застроить? – спросила я. Эзра кивнула. – Не понимаю, почему на тех фермах нельзя построить новые дома. Пусть небольшие, но там по крайней мере не придется рисковать жизнью, поднимаясь по лестницам, которые могут в любой момент обрушиться у тебя под ногами.

– Но что делать фермерам, когда с Гнилью будет покончено? – возразила Эзра.

Что ж, можно считать, я все-таки свой вопрос задала. Если она верила, что Гниль исчезнет, значит, еще питала надежду, что я смогу исполнить свой долг.

– А если нет? – поинтересовалась я.

Эзра поняла, что я имею в виду.

– Отец Мари решительно настроен отыскать причину. Мы с тобой знаем, что он ее не найдет, но он очень умен. Если кто-то сможет найти способ справиться с Гнилью, это будет лорд Фабер.

Я надеялась, она права, и дело было не только в том, что мне хотелось немного смягчить ощущение своей вины.

– А разве фермеры не могут стать домовладельцами? И получать доход, сдавая в аренду дома?

– Могут. – Она наморщила нос. – Но где достать строительные материалы для этих домов?

Да, это слабая сторона моей идеи. Залежи камня в Рай-

ских Пиках, из которых строили большинство зданий, покупались и разрабатывались дельцами и землевладельцами. Камень стоил денег, как и труд, который нужно затратить на строительство домов. За это должна платить корона, но королевская казна не была так богата, как когда-то, поскольку приходилось покупать все больше продуктов и товаров у других королевств.

И тем не менее в казне хватило денег на новое платье королевы.

– В доме Нора красные ставни на окнах. Кажется, он справа, – сказала Эзра, и экипаж резко остановился. – Его квартира находится на первом этаже – занимает весь этаж. Его контора прямо там.

Я кивнула и взялась за ручку двери.

– А как зовут его сына?

Эзра вытащила из рукава свернутое в трубочку письмо и развернула его.

– Его зовут... Нейт. – Она подняла на меня взгляд. – Гораздо лучше, чем Нор.

– Согласна.

Я подняла капюшон. Вряд ли в предстоящих событиях будет много участников, но мои светлые волосы были слишком заметными, а я предпочитала остаться неузнанной на случай, если... в общем, если все закончится скверно.

– Ждите здесь.

– Конечно. – Эзра помолчала. – Будь осторожна.

– Непременно.

Я приоткрыла дверь, впустив в экипаж уличный шум, и выскользнула наружу. Стараясь не думать, в какую жидкость я наступила – с неба она пролиться никак не могла, – я обошла экипаж и остановилась.

– Марисоль? – прошептала я.

Голова в капюшоне повернулась ко мне. Леди знала, кто я, но, как и Эзра, не изменила отношения ко мне. Нас ничто не объединяло, но она не проявляла жестокости и не вела себя так, будто я ее пугаю.

– Убедись, чтобы она оставалась в экипаже.

Она посмотрела на людную улицу.

– Я отъеду, чтобы помешать ей совершить какую-нибудь глупость.

– Прекрасно.

Я ступила на потрескавшийся тротуар и смешалась с толпой.

Зная, что лучше не дышать глубоко и не задерживаться на одном месте, я подождала, пока экипаж отъедет, и повернула направо, обойдя по широкой дуге голубей, которые резвились в грязи. Я шла среди мужчин и женщин, возвращавшихся с работы или идущих на работу. Некоторые, как и я, носили накидки, чтобы прикрыть лица от солнца или оставаться неузнанными. За такими я следила. Другие выходили из пабов, их блузы и туники были перепачканы пивом и еще невесть чем. Уличные торговцы расхваливали свой то-

вар: сомнительных устриц, плоские маффины и вишни на палочках. Я держалась спокойно, не обращая внимания на долгие взгляды и непристойные комментарии пьяных мужчин, которые стояли у стен домов.

Перекресток Крофта – одно из немногих мест в Карсодонии, откуда не были видны ни Солнечный храм – иногда называемый Храмом Жизни, – ни Теневой храм. Можно подумать, что на этот район власть храмов не распространялась и никто из Первозданных не управлял здесь жизнью и смертью.

Женский голос перекрыл шум толпы:

– Короне плевать, что мы теряем работу, дома, близких и будущее! Они ложатся спать сытыми, а мы голодаем! Мы умираем, а они ничего не делают с Гнилью!

Я поискала, откуда доносится голос. Впереди, там, где экипаж Эзры растворился в море похожих экипажей и фургонов, находился перекресток. В его центре стоял один из самых маленьких храмов Карсодонии – храм Киллы, богини возрождения. Это было приземистое сооружение из белого известняка и гранита. Вокруг колоннады бегали босые дети. Подойдя ближе, я увидела на широких ступенях храма женщину в белом. Она кричала собравшейся перед ней кучке людей.

– Времена Золотого короля миновали, и конец возрождения близок! – провозгласила она. Ей ответили кивками и возгласами согласия. – Мы это знаем. Корона это знает!

Она осмотрела толпу и подняла голову, взглядываясь в улицу – теперь она смотрела прямо на меня. Я остановилась, дыхание сперло.

– На троне больше нет Мирелей, – продолжала она, и я похолодела, уставившись на эту темноволосую женщину. – Нет сейчас и больше никогда не будет.

Кто-то задел мое плечо и выругался себе под нос. Вздвигнув, я оторвала взгляд от женщины и заставила себя идти дальше. Женщина обратилась к собравшейся толпе и теперь говорила о богах, которые не должны и дальше оставлять без внимания тяготы смертных. Она не могла увидеть меня на тротуаре и узнать, кто я, – даже не будь на мне капюшона.

Тем не менее меня не отпускала тревога. Я старалась выбросить из головы мысли об этой женщине, идя по переулку, где хозяйки развешивали белье на веревках, протянутых между двумя домами. В квартале от храма Киллы я заметила высокое здание, которое когда-то было цвета слоновой кости, а стало грязно-серым. Окна закрывали красные ставни. Только теперь я смогла забыть женщину на ступенях храма.

Я ускорила шаг и обошла старика, который ковылял, тяжело опираясь на деревянную трость. Увидев на сводчатом крыльце мужчину, я замедлила шаги. Что-то подсказало мне, что это и есть Нор. Может, то, как он прислонился к грязному камню, изогнув уголок губ в самодовольной ухмылке и глядя на прохожих. Или пивная кружка в большой покрасневшей руке с разбитыми костяшками пальцев.

А может, ярко-голубая незаправленная рубаша, из-под которой виднелась волосатая грудь.

Или светловолосая женщина рядом с ним. Не низкий вырез ее черного корсета, туго облегающего под грудью, не разрез на юбке, который открывал подвязку на бедре, похожую на кровавое кольцо. А опухшая нижняя губа и подбитый глаз, плохо замаскированный косметикой.

Женщина перевела взгляд на меня. Ее глаза были пустыми, но она застыла, когда я приблизилась.

– Прошу прощения? – окликнула я.

Нор медленно повернул голову в мою сторону, поднося кружку ко рту. Его темные зачесанные назад волосы открывали лицо, которое когда-то могло быть красивым. Но теперь кожа побагровела, черты заострились. Он окинул меня воспаленным взглядом, хотя под накидкой и капюшоном мало что мог увидеть.

– Ага?

– Я ищу человека по имени Нор.

Вживаясь в роль, я старалась говорить негромко, мягко и неуверенно.

Он снова отпил из кружки. Жидкость заблестела на губах и щетине на подбородке.

– А зачем ты ищешь этого человека?

Он самодовольно хихикнул, словно сказал что-то остроумное.

Я бросила взгляд на женщину. Та нервно дернулась, уста-

вившись на улицу.

– Мне... сказали, что он может помочь найти работу.

– Сказали? Ну-ну. – Он опустил кружку и прищурился. – Кто тебе это сказал, девочка?

– Мужчина в пабе, вон там. – Я оглянулась через плечо и, шагнув на крыльцо, сняла капюшон. – Я спросила, не нанимает ли он на работу или не знает того, кто нанимает. Он сказал, что можно обратиться к вам.

Нор негромко присвистнул, рассматривал мое лицо.

– Нанимаю, девонька, но я ищу милашек вроде тебя не для того, чтобы подметать полы или подавать выпивку. Правда, девонька Молли?

Женщина кивнула.

– Правда.

Он резко повернул к ней голову.

– Правда, а дальше?

И без того бледная Молли побелела еще больше.

– Правда, сэр.

– Ага, вот хорошая девонька.

Нор ущипнул ее. Она взвизгнула, он рассмеялся, а в моей крови запел гнев.

– Знаю. – Я поиграла пуговицей накидки. От этого движения накидка распахнулась, открыв верхнюю часть моего платья. – Я знаю, что это за работа. – Я провела пальцами по кружевам. – Я надеялась, что мы можем поговорить наедине и прийти к соглашению.

– Соглашение? – Нор переключил внимание на меня, его темные глаза загорелись. – Да будут боги к тебе добры, девонька.

Он проследил за моими пальцами, скользящими по округлостям над кружевом, словно они вели его к очередной полнотой кружке.

– Как и сказал, я нанимаю, но нанимаю не любую девоньку.

Я сильно в этом сомневалась.

Он оттолкнулся бедрами от стены и провел рукой по жирным волосам.

– Надо убедиться, что ты достойна того, чтобы тебя нанять.

– Ну конечно. – Я улыбнулась ему.

– Тогда пусть боги будут добры ко мне, – пробормотал он, облизнув нижнюю губу. Когда он повернулся, в мешочке на его бедре звякнули монеты. – Тогда идем в мой личный кабинет, чтобы прийти к соглашению.

Молли повернулась, ее бесформенные губы приоткрылись, словно она хотела что-то сказать. Безучастные глаза встретились с моими, и она слегка покачала головой. Я лишь улыбнулась ей и вошла в нишу. Она закрыла рот, поморщилась и опять уставилась на улицу, а Нор открыл дверь мясистой рукой.

Без сомнений, эта же рука оставила синяки на лице Молли.

Нор придержал для меня дверь и с поклоном вытянул руку. Жидкость выплеснулась из кружки на липкий дощатый пол. Я вошла внутрь. В освещенной свечами комнате воняло потом и тяжелой сладкой гарью «Белой лошади». Я быстро огляделась, скользнув взглядом по кушеткам, обитым темной тканью. На кофейном столике между пустыми чашками лежало несколько курительных трубок, а почти вся поверхность была усыпана белым порошком. Как ни удивительно, здесь стоял письменный стол. На углу примостилась газовая лампа, бросая отблески на листки пергамента... и еще чашки.

Дверь за мной закрылась. Тихо щелкнул замок. Я оторвала взгляд от стола.

– Малец! – рявкнул Нор. – Я знаю, что ты здесь.

Мальчик поднялся из-за стола. Он походил на духа из Темных Вязов – молчаливый и бледный. Он был совсем маленьким – не старше пяти или шести лет. Темные волосы падали на впалые щеки. Единственным цветным пятном выделялся фиолетовый синяк на челюсти. Вытаращенные глаза были почти так же пусты, как и глаза Молли.

Я вцепилась пальцами в кружева, порвав их.

– Вот ты где. – Нор прошел мимо меня и поставил кружку на пергамент. – Убирайся отсюда и займись чем-нибудь. У меня дела.

Мальчик обежал вокруг стола и направился к двери, даже не глянув в мою сторону. Если он выйдет из дома...

– Не туда, малец. Ты же знаешь. – Нор щелкнул пальцами и показал на узкий темный коридор. – Ступай в кровать, пока там есть пустая, и не выскакивай, как в прошлый раз.

Малыш развернулся на впечатляющей скорости и исчез в коридоре. Дверь закрылась. Я надеялась, что ребенок будет сидеть там, хотя не стану его винить, если сбежит. Значит, у меня не так много времени, чтобы до него добраться.

– Проклятые дети, – проворчал Нор. – У тебя дети есть?

– Нет.

– Ты не думай, у меня двое. То есть было.

Он рассмеялся и, судя по звуку, протащил по полу стул.

– Было? – спросила я.

– Ага, моя девчонка смылась и, наверное, попала в беду. Скорее всего, из-за своего проклятого языка. Она так и не научилась правильно им пользоваться. Как и ее мать. – Он опять издал хриплый смешок. – Сколько тебе лет?

Я повернулась к Нору, перекидывая накидку на плечи.

– Это имеет значение?

Он устремил взгляд на самую соблазнительную часть моего платья.

– Не-а, девонька. Не имеет. – Нор сел на стул и вытянул ноги. – Ты выглядишь свеженькой. Бьюсь об заклад, была игрушкой какого-нибудь лорда. Ты ему надоела?

– Была. – Я опустила подбородок и застенчиво улыбнулась. – Но его жена...

Он хихикнул.

– Здесь ты можешь не переживать насчет жен. – Пожирая меня взглядом, он опустил руку ниже пояса. – Ты такая хорошенькая.

Я стояла неподвижно, больше не играя роль. Я стала ничем. Никем. Не чем-то прекрасным и могущественным. Это было как надеть вуаль, пока он изрыгал пошлости. Я потеряла себя. Стала существом, в котором воспитывали покорность и уступчивость. Созданием, которое должно было понравиться Первозданному Смерти, в которое он может влюбиться. Служанка. Жена. Теплое, мягкое тело. Убийца. И это отвратительное подобие мужчины смотрело на меня так, словно он мог вылепить из меня одну из своих девонек.

– Не нервничай. – Нор похлопал по колену. – Я заключаю самые лучшие соглашения, когда у меня на коленях сидит хорошенькая девонька.

– Я не нервничаю.

Я в самом деле не нервничала. Не чувствовала абсолютно ничего, кроме отвращения и гнева, да и они были не настолько глубоки, чтобы заставить мое сердце биться сильнее. Думаю, я испытывала эти эмоции только потому, что нужно было что-то чувствовать, зная, чем все закончится.

Я подошла к нему, сделав для себя заметку почистить после подошвы сапог, села к нему на колени и медленно привалилась к нему.

– Проклятье. – Он сильно стиснул мое бедро.

Я дернулась – не от неудобства, а от контакта. Ничего по-

хожего на те долгие ночи, когда я искала спасения от одиночества. Ничего похожего на прикосновения того бога.

– Ты не нервничаешь.

– Нет.

– Думаю, я тоже, девонька.

Нор поднял другую руку, откинувшись на спинку стула. Разбитые костяшки задели мою щеку, а потом он схватил мою косу, свернутую в узел, и дернул назад. Кожу головы обожгло дикой болью. Я закрыла глаза, не сопротивляясь.

– А теперь, девонька...

Если он назовет меня девонькой еще раз...

– Покажи мне, почему я должен позволить тебе дать мне это. – Его горячее дыхание обжигало мою шею. – Вместо того, чтобы просто взять это у тебя и оставить тебя себе, пока не надоешь мне. Тогда я позволю тебе заработать немного монет. Может, просто сделаю это в любом случае, так что лучше, чтобы ты произвела на меня впечатление.

Я открыла глаза и положила руку ему на плечо. Сражаясь с болью от туго натянутых волос, опустила подбородок, пока не встретила взгляд его темных слезящихся глаз. Его лицо покраснело еще больше от похоти или гнева. Вряд ли он мог определить разницу между этими двумя чувствами.

– Я произведу на тебя впечатление.

– Уверенная, да? – Он опять облизнул губы. – Мне это нравится, девонька.

Я улыбнулась.

Вытянувшись так, чтобы он мог сосредоточиться только на том соблазнительном участке, я подвинула бедра вперед и подняла правую ногу. Не думая о том звуке, который он издал, о том, что чувствовала под собой, и о его запахе, я потянулась свободной рукой к голенищу сапога. Достаточно было просто вырубить его и не создавать трудностей. Я в полной мере сознавала, что сама позволила довести дело до этого момента. Могла обезвредить его, как только узнала, где ребенок, но не сделала этого, и это о многом говорило. Наверное, это должно меня беспокоить. Я обхватила пальцами рукоятку тонкого стального клинка, незаметно вжавшегося в мою ладонь. Этот мужчина – эксплуататор и насильник. Держу пари, даже хуже, и леди Сандерс не ошиблась в своих предположениях о судьбе его жены. Этот человек, потянувшийся к пуговицам на штанах, был не лучше богов, которые убили тех смертных. Я вытащила клинок из сапога.

– Так ты будешь приступать к делу? – спросил Нор, и я почувствовала, как его влажный язык скользнул по моему горлу – о чем я точно вспоминать не буду. – Или я должен показать тебе, как это делается?

Я засомневалась, что собираюсь переживать о своих действиях.

Я отклонилась назад, и он выпустил мои волосы.

– Я готова приступить к делу.

Его маслянистый взгляд был прикован к округлостям моей груди.

– Так приступай.

И я приступила.

Я широко замахнулась и заметила, как он потрясенно вытаращил глаза. Заточенный край лезвия разрезал его горло, а я отскочила от брызнувшей горячей крови. Я была быстра, но все же почувствовала, что капли попали мне на грудь.

Проклятье.

Нор вскочил на ноги, спотыкаясь и схватившись за горло. Кровь залила его руки и потекла между пальцев. Он открыл рот, но смог издать лишь булькающий звук. Холодные, полные паники глаза вперились в меня. Он шагнул вперед и вытянул залитую кровью руку. Я отошла в сторону. Миг спустя его тело с глухим стуком рухнуло на грязный пол, зазвенели монеты.

Не забывая о разрастающейся луже крови, я подобрала юбки и присела на корточки. Тело Нора судорожно дергалось. Я вытерла клинок о его рубашку и убрала обратно в сапог.

– Может, Первозданный Смерти будет милостив к твоей душе. – Я начала подниматься, но остановилась. Схватила мешочек с монетами, висящий у него на левом бедре, и сдержнула. – А вот за это спасибо.

Выпрямившись, я несколько секунд смотрела на него, прогоняя тепло, подступившее к рукам, – инстинктивную реакцию на смерть. Смотрела на неподвижное тело, заглушая мысли, что могу это исправить.

Не буду.

Не буду, даже если смогу себе это позволить.

Отвернувшись, я обошла письменный стол и вступила в коридор. Здесь было только две комнаты. Дверь слева открыта. Комната оказалась заставлена койками с грязным постельным бельем. Я повернулась к другой двери и тихо позвала:

– Нейт? Ты здесь?

Ответа не последовало, но я услышала тихое шлепанье ног по полу.

– Я пришла, чтобы отвести тебя к сестре. – Я застегнула накидку. – Элли возле Утесов с хорошей леди, которая о ней заботится.

Через мгновение тишину нарушил тонкий голосок:

– Элли – это не полное ее имя. Это ее короткое имя. А какое полное?

Проклятье.

Я покачала головой, отчасти довольная, что малыш не так уж доверчив. Элли. От какого имени оно может быть уменьшительным? Элизабет? Этель? Елена?

– Элеанора? – предположила я, зажмурившись.

Наступило долгое молчание. А затем:

– С Элли правда все хорошо?

Я открыла один глаз. Наверное, боги ко мне добры.

– Да. С ней все хорошо. И я хочу забрать тебя к ней, но нам нужно уходить.

– А что... насчет папы?

Прикусив губу, я оглянулась на комнату, где его папа истекал кровью, и опять повернулась к двери.

– Твой папа... решил вздремнуть.

Вздремнуть? Я поежилась.

– Он рассердится, когда проснется и не найдет меня, – прошептал Нейт за дверью. – Засветит мне еще один фингал, а то и хуже.

Ну, он больше никому не сможет засветить фингал.

– Он за тобой не придет. Обещаю. Леди Милосердия убедегут тебя от него. Как оберегают твою сестру.

За дверью не было слышно никаких звуков, и я начала опасаться, что придется ее выбить. Не хотелось травмировать ребенка еще сильнее, но... Я отошла назад.

Дверь приоткрылась, и появилось худенькое личико.

– Я хочу увидеть сестру.

Меня охватило облегчение. Я улыбнулась малышу – настоящей улыбкой, а не той, которой меня учили. Протянула ему руку.

– Тогда идем к сестре.

Покусывая губу, он переводил взгляд с моей руки на лицо и обратно. Приняв решение, мальчик взял меня за руку. Меня покорило от прикосновения теплой кожи, но я заставила себя терпеть и сжала его ладонь.

Я вывела его из коридора и прошла через переднюю комнату, не позволяя смотреть в сторону письменного стола. Мы

вышли на крыльцо.

Молли по-прежнему стояла там, играя завязками корсета. Она повернулась и, подняв брови, перевела взгляд с мальчика на меня.

Я отдала ей мешочек с монетами.

– Я бы не стала задерживаться возле этой двери, – прошептала я. Нейт тянул меня за руку. – Поняла?

Молли бросила взгляд на закрытую дверь за моей спиной.

– Я... поняла.

Ее тонкие пальцы обхватили мешочек.

– Хорошо.

Я вышла из ниши на яркое солнце и даже не оглянулась.

Ни разу, уводя мальчика прочь.

– Вижу, я была права, – заметила Эзра, когда я заняла место напротив нее после того, как усадила мальчика рядом с Марисоль.

– Насчет чего?

Эзра ткнула пальцем мне в грудь. Я опустила взгляд и увидела темные брызги.

– Ты его убила?

Разгладив юбки, я скрестила ноги в щиколотках.

– По-моему, он поскользнулся и упал на мой клинок.

– Он упал на твой клинок горлом?

– Правда, странно?

– В самом деле странно. – Эзра склонила голову набок и уставилась на меня. – Рядом с тобой такое часто случается.

– К сожалению. – Я смотрела на сводную сестру. – Мужчины, которые неосторожно размахивают кулаками, должны внимательнее смотреть, куда ступают.

На лице Эзры появилась слабая улыбка.

– Знаешь, ты меня чуточку пугаешь.

Я повернулась к окну. Мы ехали по залитой солнцем улице.

– Знаю.

Глава 9

Сквозь густые ветви вязов пробивались пятна солнечного света. Я шла по лесу к озеру. То, что я сделала с Нормом, омрачало каждый мой шаг. Я не чувствовала ничего, только немного...

Что-то, что мне не нравилось.

Что-то, о чем я не хотела думать.

Я представила улыбку на лице Нейта, когда он увидел сестру, ждущую его в приюте на Утесах Печали. Улыбку, которая заразила радостью остальных. Я старалась вытеснить из воспоминаний вытарашенные, потрясенные глаза его отца. Думала, с какой радостью мальчишка бросился к сестре. По пути в приют я смотрела из окна экипажа, не мучая себя мыслями об отсутствии раскаяния. Во всяком случае, старалась.

Когда я проходила мимо пахнущих мускусом полевых цветов, густо разросшихся под вязами, мой желудок опять резко скрутило. «Что с тобой не так?» – повторяла я снова и снова. Ведь что-то не так, верно? Ладони взмокли. Я осторожно перебралась через упавшие ветки и острые камни, скрытые под листвой – скрытые так же, как и шлейф смерти, который я оставляю за собой.

«Нечто прекрасное и могущественное».

Я не чувствовала себя ни тем, ни другим.

После той ночи, когда я провалилась, за мной приходили двое смертных, узнавших, кто я, и пожелавших использовать в своих целях. Потом еще трое, включая Нора, нашли смерть на острие моего клинка. Они не были хорошими людьми. Но такими же недостойными, как и я. Убийцами. Насильниками. Рано или поздно их все равно настигла бы смерть. Пятеро умерли от моей руки по приказу мамы, и это не считая лордов Водинских островов. Четырнадцать. Я забрала четырнадцать жизней.

«Что с тобой не так?»

Я прерывисто выдохнула. Сюда, в самую чащу леса, солнечный свет почти не проникал, и здесь сохранялась прохлада, но моя кожа казалась такой же липкой, как дощатый пол в том кабинете. Липкой от пота и крови. Возникло искушение снять накидку и платье. Почему бы и нет. В этот лес никто не ходит. Все боятся Темных Вязов – даже сир Холланд. Но я не стала раздеваться, потому что гулять по лесу в нижнем белье или нагишом странно даже для меня...

Внезапный шорох в кустах заставил меня остановиться. Звук доносился сзади. Я развернулась, всматриваясь в деревья. В Темных Вязах бродят не только духи. Тут обитают медведи и огромные пещерные коты. И крысы, которые вырастают до страшных размеров, и дикие кабаны, и...

Из листвы вырвалось что-то. Я споткнулась и отшатнулась назад, к стволу вяза. За деревьями промелькнул красно-коричневый мех. Сердце оборвалось, на миг я не могла пове-

ритель в то, что вижу.

Волка кийу.

Это был самый крупный вид волков во всех королевствах. Я часто слышала в лесу, а порой и в замке, их вой, но вблизи видела лишь однажды – когда была маленькой. Белого волка.

Мои мышцы одеревенели. Я не смела издать ни звука, даже дышать глубоко. Волки кийу были известны своей свирепостью, они красивы так же, как и дики, и не особенно дружелюбны. Если подойти к ним слишком близко, можно жестоко поплатиться, и я молилась, чтобы он меня не увидел. Чтобы оказался не голоден. Я даже не могла дотянуться до клинка. Волка мне не убить. Крысу размером с дикого кабана? Запросто. Этих я могу бить и днем, и ночью.

Волк перескочил через покрытый мхом валун, из-под мощных лап полетела рыхлая земля и мелкие камешки. Он сделал несколько прыжков рядом с тем местом, где я стояла, похоже, не заметив меня. Я не шевелилась, когда он прыгнул опять. Волк споткнулся, и у меня перехватило дыхание. Его лапы подогнулись, и он с глухим стуком упал на бок.

И тут я увидела, почему он упал.

Мое сердце сжалось от этого зрелища. Из его груди, поднимающейся и опадающей в неровном дыхании, торчала стрела. Его мех не был красновато-коричневым. Это кровь. Много крови.

Волк попытался подняться, но повалился на землю. Я посмотрела в ту сторону, откуда он появился. Вэйфейр. Долж-

но быть, зверь слишком близко подошел к краю леса, и его заметил кто-то из лучников, карауливших на внешних стенах. К печали, тяжело сжимающей грудь, добавился гнев. Зачем лучникам стрелять в волка, когда они находятся в полной безопасности? Даже если волк кого-то преследовал, я не видела необходимости его убивать. Они могли пустить стрелу в землю рядом со зверем или напугать его шумом. Незачем было стрелять в него.

Я перевела взгляд на волка. «Пожалуйста, пусть все будет хорошо. Пожалуйста, пусть все будет хорошо». Я повторяла эти слова, хотя знала, что ничего не хорошо. Тем не менее детская надежда жила во мне.

Волк прекратил попытки подняться, его дыхание становилось натужным и неровным. Я отошла от дерева и поморщилась, когда под ногой хрустнула ветка. Но волк почти не пошевелился или вовсе ничего не заметил. Он едва дышал.

Я подбиралась ближе. Наверняка на меня нашло временное помрачение рассудка. Волк ранен, но даже умирающее животное может броситься и нанести рану. А волк точно умирал. Белки глаз резко обозначились. Его карие глаза не следили за моими движениями. Грудь не шевелилась. Кийу застыл.

Это была тревожная неподвижность.

Так же не шевелилась грудь того человека, когда я срывала с него мешочки с монетами. Так же неподвижна грудь Одетты каждый раз, когда я ее навещаю.

Я подалась вперед, не сводя глаз со зверя. Из открытой пасти капала кровь. Мне на глаза навернулись слезы. Я давно не плакала. С той ночи, когда потерпела провал. Но я питала слабость к животным... ну, за исключением крыс. Животные не судят. Их не заботит, достойны ли они. Они не используют других и не причиняют им боль. Они просто живут и ожидают, что их либо оставят в покое, либо будут любить. Вот и все.

Я опустила на колени перед волком, еще не осознав, что делаю, и протянула руку. Задержалась, не касаясь шерсти, и сделала прерывистый вдох. В голове зазвучали слова мамы, сказанные давным-давно. «Не делай так больше. Ты поняла? Никогда так больше не делай». Я огляделась и никого не увидела в темном лесу. Я была одна. В этом лесу я всегда одна.

С колотящимся сердцем я схватила древко стрелы. Никто не узнает. Руки стали теплыми, как и в тот момент, когда сердце Нора стукнуло в последний раз, но теперь не стала игнорировать или прогонять это ощущение. Я приветствовала его. Звала.

– Прости, – прошептала я, выдергивая стрелу.

От раздавшегося при этом звука и запаха железа у меня все перевернулось внутри.

Волк никак не отреагировал, его кровь едва сочилась – верный признак, что сердце больше не билось. Я не стала мешкать ни мгновения.

Я сделала то же, что и в шесть лет, когда поняла, что Бат-

терс, наш старый амбарный кот, умер. Сделала то, что проделывала лишь пару раз с тех пор, как узнала о своих способностях.

Я погрузила руки в пропитанный кровью мех. В центре груди загудело, пьянящая волна затопила вены и распространилась по коже. Жар хлынул по рукам – словно я слишком близко подошла к открытому огню, – и скользнул между пальцев.

Я пожелала, чтобы волк жил.

Именно это я сделала с Баттерсом, взяв кота на руки. Это же делала еще несколько раз. Любая рана, забравшая жизнь, просто исчезала. Невероятно, но таков мой дар. Он позволял чувствовать недавнюю смерть – как это было с Андреа.

А еще возвращал мертвых к жизни, но не так, как это было с портнихой, – хвала за это Первозданным и богам.

Мое сердце ударило один раз, другой, третий. Внезапно грудь кийу поднялась под моей рукой. Я отшатнулась и села на землю.

Пульсирующий жар в руках угас, а волк поднялся на лапы, дико вращая глазами, пока не увидел меня. Я застыла, держа обе руки в воздухе. Зверь уставился на меня, прижав уши, а потом на нетвердых лапах шагнул ко мне.

«Пожалуйста, не откуси мне руку. Пожалуйста, не откуси мне руку». Рука нужна мне для очень многого – есть, одеваться, держать оружие...

Наострив уши, волк обнюхал ту руку, на которой не было

его крови. Меня пронзил страх. О боги, если он ее откусит, мне некого винить, кроме...

Волк лизнул мою ладонь, развернулся и побежал прочь. Он быстро исчез в сгущающихся тенях между вязов. Я целую минуту не шевелилась.

– Не за что, – прошептала я и от облегчения осела на землю.

С участвовавшим сердцебиением я посмотрела на свои руки. Кровь на ладони казалась темной. Я как могла вытерла ее холодной травой.

Я никогда не применяла дар на животных, чью смерть не видела, и никогда – на смертных, хотя подошла близко к тому, чтобы сделать это с Одеттой. Если бы она умерла...

Я бы нарушила свои правила.

Я считала, что у всех живых существ есть душа. Но животные – это одно, а смертные – совершенно иное. Вернуть смертного – невысказанно. Вроде черты, которую нельзя пересекать, и это слишком большая власть – выбирать, вмешиваться или нет. И я не хотела такой власти и такого выбора.

Никто не знал, откуда у меня этот дар и зачем. Я еще до рождения была предназначена для смерти. Не было смысла в способности, которая связывала меня с Первозданным Жизни – Колисом. Неужели он узнал о сделке и наделил меня даром? Не это ли имела в виду Одетта, уверяя, будто, по словам Арей, меня осенили и жизнь, и смерть? Все же Колис – король богов. Должно быть, от него сложно что-то скрыть.

Я опять посмотрела на ладони. Когда мы с Эзрой вошли в амбар, я не знала, что Тавиус увязался за нами. Увидев, что я сделала, он выскочил и наткнулся на королеву, которая испугалась, что применение такого дара разгневет Первозданного Смерти.

Может, она была права.

Возможно, именно поэтому Первозданный Смерти решил, что ему больше не нужна супруга. Я же способна воровать у него души.

Похоже, причин так много...

Я вспомнила, как после случая с Баттерсом сир Холланд усадил меня и объяснил, что я не сделала ничего плохого, вернув кота к жизни. Что бояться нечего. Он помог мне понять, почему я должна быть осторожна.

«То, что ты умеешь, – это дар, удивительный дар, часть тебя самой, – говорил он, опустившись на колени, чтобы наши глаза находились на одном уровне. – Но он может стать для тебя опасным, если люди узнают, что ты, вероятно, можешь вернуть их близких. Если ты будешь решать, кого возвращать к жизни, а кого – нет, это может прогневить богов и Первозданных. Это дар от короля богов, который нужно держать при себе и использовать только тогда, когда ты будешь готова стать тем, кем тебе предназначено быть. А до тех пор ты не Первозданная. Будешь действовать как они – и Первозданные решат, что ты одна из них».

Сир Холланд единственный назвал это даром.

И в его словах был смысл. В том, что он сказал про потенциальную угрозу. Люди пойдут на все, чтобы вернуть своих близких. Кто знает, сколько просителей приходят в Солнечные храмы, умоляя именно об этом? Но эти просьбы никогда не исполнялись.

Но то, что я должна использовать дар только когда буду готова стать тем, кем мне предназначено быть, вообще лишено смысла. Я решила, что он говорил о времени, когда я исполню свой долг. В общем, я ничего не знала.

Закрыв глаза, опустила руки на колени. Грудь затопило опьяняющее тепло. Я уже чувствовала его раньше, когда применяла дар. Хотя нечасто это делала. Всего пару раз: на бродячей собаке, сбитой экипажем, и раненом кролике. Но не на таких крупных животных, как волк кийу.

Тепло, хлынувшее в мою кровь, в этот раз было сильнее, и я решила, что это как-то связано с размерами волка. Ощущение, как от глотка виски, который расцветает теплом в груди, а потом стекает в живот. Напряжение в плечах и шее ослабло.

Странно знать, что всего за несколько часов я забрала одну жизнь и вернула другую.

Мои мысли перенеслись к тому младенцу. Если бы у меня была возможность, попыталась бы я применить дар? Нарушила бы свои правила?

Да.

Нарушила.

Я не знала, сколько тут просидела, на лес уже опустилась ночь. Из размышлений меня вырвал далекий заунывный вой призрака. По коже побежали мурашки. Я вгляделась в густые тени между деревьями. К счастью, звук раздался не со стороны озера. Я встала. Пока духи меня не трогают, они меня не волнуют. Я зашагала прочь, надеясь, что волк больше не подойдет к стене. Вероятность того, что в следующий раз окажусь поблизости, очень мала.

Углубляясь в лес, вытащила из волос шпильки и расплела косу, позволив тяжелым прядям упасть на плечи и спину. Наконец между стволами тонких вязов блеснула поверхность озера. Ночью чистая вода словно ловила звезды и отражала их свет.

Осторожно пробираясь через покрытые мхом булыжники, я миновала вязы и тихо вздохнула, когда трава под ногами сменилась глиной и передо мной раскинулось озеро.

Его питали ручьи, зарождающиеся где-то в Райских Пиках. Слева от меня, всего в дюжине футов, вода мощным потоком срывалась с утеса. Но дальше, где для меня было слишком глубоко, вода казалась совершенно неподвижной. Меня всегда завораживала мрачная мирная красота этого леса и озера. Я чувствовала себя дома здесь, слушая свист ветра между деревьев и плеск водопада.

Не могла этого объяснить. Я понимала, нелепо чувствовать себя как дома на берегу озера, но мне было здесь уютнее, чем в стенах Вэйфейр или на улицах Карсодонии.

Яркий лунный свет заливал озеро и усеивающие берег глыбы известняка. Высыпав шпильки на камень, я вытащила из сапога клинок и положила рядом. Потом быстро сняла перепачканное кровью платье, и оно упало на землю. Избавилась от нижней рубашки и нижнего белья, стянула сапоги. Интересно, могу ли я незаметно пробраться в свои комнаты в одной лишь нижней рубашке? При мысли, чтобы снова надеть это липкое платье, провонявшее гарью «Белой лошади», я наморщила нос. Но вряд ли удастся избежать внимания королевских гвардейцев, стоящих на входах, особенно после того, что сегодня произошло. Король с королевой наверняка узнают о моем скандальном возвращении. Я слегка улыбнулась, представив ужас на лице мамы.

Одно это стоило того, чтобы рискнуть.

Мои длинные волосы коснулись талии и упали на грудь, когда я положила нижнюю рубашку рядом со шпильками и кинжалом. Мне давно требовалось подрезать волосы. Больно распутывать пряди, стоит только подуть ветру.

Убрав с лица волосы, пошла к воде. Я точно знала, где среди камней находятся земляные ступеньки, и предвкушение наполнило меня пьянящим трепетом.

В лунном свете я отыскала ступеньки. Первое соприкосновение с холодной водой всегда действовало как шок, встряхивая тело. Однажды в особенно жаркий день я повела себя как полная идиотка, какой частенько бываю, и просто прыгнула в озеро. Я тогда чуть не утонула, когда свело лег-

кие и все тело.

Больше так не поступлю.

Прикусив губу, я медленно пробиралась по плоскому дну блестящего водоема. Вода мерно плескала по моим икрам и расходилась от меня маленькими волнами ряби, которые уносило слабое течение. У меня перехватило дыхание, когда вода достигла бедер, а потом еще раз – когда поцеловала более деликатную кожу. Медленно переведя дух, я продолжала идти, пока тело с каждым шагом привыкало к температуре. К тому времени, когда вода защекотала соски моих грудей, напряжение начало покидать мышцы.

Набрав побольше воздуха, я нырнула. Холодная вода омыла разгоряченное лицо и подняла пряди волос. Крепко зажмурившись, потерла руки, а потом лицо и наконец выскочила на поверхность. Опять окунулась и задержалась подольше, чтобы вода смыла неприятный запах и пот. Вынырнула, только когда легкие начали гореть. Убрав прилипшие к щекам волосы, я осторожно побрела дальше.

Здесь вода доходила мне чуть выше пояса, но словно из ниоткуда попадались ямы, которые казались бездонными, так что я шла осторожно. Я не боялась воды, но плавать не умела и не знала, какой глубины озеро на середине или вблизи водопада. Мне очень хотелось это исследовать, но стоило отойти лишь на десять футов – и вода поднималась выше моей головы.

Я со вздохом запрокинула голову и позволила глазам за-

крыться. Может, из-за плеска воды или уединенности озера, но здесь во мне всегда воцарялась блаженная пустота. Я не думала ни о том, что сделала, ни о маме. Не думала о Гнили и сколько еще голодных появится из-за нее. Не думала, что у меня был шанс ее остановить, но я провалилась. Не думала о человеке, с чьей жизнью я сегодня покончила, и о тех, что были до него. О том, что случилось с сестрой и братом Казин и Андреа Джоанис. Не строила предположений, что будет, когда Тавиус взойдет на престол. Не вспоминала о проклятом боге с серебряными глазами и холодной кожей, от прикосновения к которой становилось тепло в груди.

Я просто существовала в холодной воде: ни здесь, ни там, нигде, и это казалось... избавлением. Свободой. Убаюканная и, наверное, чуть-чуть зачарованная, я внезапно ощутила странное покалывание.

Я резко открыла глаза. По коже побежали мурашки. Я погрузилась в воду по плечи и потянулась к кинжалу, но пальцы коснулись голой кожи.

Проклятье.

Я оставила его на камне, и это было очень неудачно, потому что я поняла, что это за ощущение. Вполне узнаваемое, даже если это трудно объяснить. У меня участился пульс.

Я не одна.

За мной наблюдали.

Глава 10

Я не понимала врожденного чутья, предупреждавшего, что я не одна, но знала, что ему следует доверять.

Оставаясь в воде, я осмотрела темные берега и быстро оглянулась. Ничего не увидела, но это еще не означало, что здесь никого не было. Лунный свет не проникал в густые тени, окутывающие значительную часть берега, деревья и утесы.

Сюда никто никогда не приходил, но ощущение не исчезало, сжимая мои голые плечи. Я знала, что это не игра моего воображения. Здесь кто-то есть, наблюдает за мной, но как долго? Последние пару минут? Или с того момента, как я разделась и медленно вошла в озеро, обнаженная, как в день своего рождения? Гнев нахлынул на меня так яростно, что я удивилась, как не закипела вода вокруг.

Кто-то пересилил страх перед лесом и пошел за мной. Мой инстинкт предупредил, что это нехороший знак.

Мышцы напряглись.

– Я знаю, что ты здесь! – крикнула я. – Покажись.

Ответом был лишь плеск воды. Я не слышала ни переклички ночных птиц, ни неумолчного гудения насекомых. Не слышала с тех пор, как вошла в лес. Я похолодела, к горлу подступил ком.

– Сейчас же покажись!

Тишина.

Мой взгляд скользнул по водопаду, белому в лунном свете, и остановился. За водопадом притаилась тяжелая тень, которая казалась чужой здесь.

Высокая фигура двинулась вперед, проходя сквозь воду. У меня оборвалось сердце, как бывало, когда я пускала лошадь в галоп.

Из водопада донесся глубокий, ровный голос.

– Ну раз уж ты так мило просишь.

Этот голос...

Фигура четко обозначилась в лунном свете. Широкие плечи разбили воду, и он встал перед водопадом.

Я прекратила дышать. Кажется, мое сердце перестало биться.

Бог.

В нем ничто не казалось реальным. Он стоял, а позади него вода падала на камни. Я потрясенно уставилась на него, и по мне побежали мурашки.

– Это я, – сказал он. – Что теперь?

Его вопрос вывел меня из ошеломленного состояния.

– Что вы здесь делаете?

Он вошел в озеро, потревожив воду. Его мокрые волосы были убраны назад. На резко очерченные линии груди падали брызги. Я быстро перевела взгляд на его лицо. Он, похоже, изучал меня.

– А на что похоже? – спросил он.

Его невозмутимый ответ задел во мне безрассудную струну. Неважно, что притворный поцелуй в туннеле превратился в настоящий, или что он не бросился на меня, когда я ударила его в грудь кинжалом – что многих на его месте разъярило бы. Неважно, что он могущественный бог, который после нашей первой встречи постоянно прокрадывался в мои мысли. Он наблюдал за мной, когда я находилась в самом уязвимом положении.

– Похоже на то, что вас тут быть не должно.

Он слегка наклонил голову, и по твердой линии его челюсти скользнул темный локон.

– И почему же мне нельзя здесь быть?

– Потому что это частная собственность.

Почему мне кажется, что мы это уже поняли?

– Неужели? – В его голос прокралось веселье. – Не знал, что есть земли, где богам ходить воспрещено.

– Полагаю, есть много территорий, которые недоступны никому, в том числе богам.

– А если я скажу тебе, что нет?

У меня упало сердце.

– Мне было бы очень неприятно это слышать.

Он негромко рассмеялся.

– Такая бесстрашная.

Здравый смысл напоминал, что я должна испытывать некоторый страх, но я чувствовала только гнев.

– Вы так и не ответили, что здесь делаете.

– Пожалуй, да, не ответил. – Он поднял руку – ту, на которую был надет серебряный обруч, и убрал прядь волос, упавшую на лицо. – Я был поблизости, а поскольку очень жарко, решил поплавать и охладиться.

Гнев не оставил места ни страху, ни здравомыслию.

– И поохотиться на девушек?

– Поохотиться на девушек? – В его тоне прозвучала легкая недоверчивость. – И на каких девушек я сегодня охочусь?

– На ту, что стоит перед вами.

– На голую девушку, которая стоит передо мной?

– Спасибо за лишнее напоминание. Но да, за которой вы последовали в озеро.

– Последовал?

– Это что, эхо?

– Прошу прощения...

– В вашем тоне нет и намека на извинение, – огрызнулась я.

Он мягко, едва слышно усмехнулся.

– Я перефразирую. Не знаю, как последовал за тобой в это озеро, охотясь на тебя, когда пришел сюда первым. Поверь...

– Да ни за что.

На луну набежало облачко, и на лицо бога упала тень. Он опустил подбородок.

– Поверь, я не ожидал, что ты сюда придешь.

Где-то в глубине, где еще существовал здравый смысл, я понимала, что он говорит правду. Я пробывала под водой недо-

статочно долго, чтобы бог разделся и незаметно для меня прошел за водопад. Должно быть, он явился сюда первым. Но если честно, мне было все равно.

Это мое озеро.

– Я занимался своими делами. Урвал несколько минут, чтобы насладиться прекрасным вечером.

– В озере, которое вам не принадлежит, – проворчала я.

И мне плевать, что для бога нет недоступных мест.

– Я плавал под водой и выплыл за водопадом. Кстати, тут очень красиво, – продолжал он без малейшего раскаяния. – Можешь хоть на миг представить мое удивление, когда из темноты вдруг выходит юная и очень требовательная смертная и начинает раздеваться? Что я должен был делать?

Мое лицо вспыхнуло.

– Не смотреть на меня?

– Я не смотрел. – Он помолчал. – По крайней мере, у меня не было намерений.

– Не было намерений? – недоверчиво переспросила я. – Как будто это делает все приличнее.

На его лицо вернулась полуулыбка.

– В твоём замечании есть смысл, но поскольку все случилось неумышленно, то позволительней, чем если бы было умышленно.

– Нет. – Я покачала головой. – Ничуть.

– Впрочем... – При этом он так высоко выгнул брови, что впечатлил бы этим даже мою маму. – Я был потрясен, так

как не ожидал этого.

– Потрясены или нет, вы могли объявить о себе. – Не верилось, что мне нужно это объяснять. – Не знаю, как у вас в Илизиуме, но здесь поступить так было бы вежливо и честно.

– Правда, но все произошло так быстро. С того момента, как ты появилась и, к сожалению, очень ненадолго показала много неупоминаемых мест, и до того, как решила искупаться. Считанные секунды. Но я рад, что мы сошлись на том, что мои действия не так неприличны. Я буду сегодня спать лучше.

– Что? Мы не сошлись. Я...

Погодите. «К сожалению, очень ненадолго показала неупоминаемые места»? Я прищурилась.

– Вы все равно могли что-нибудь сказать, чтобы я не стояла тут...

– Как богиня, сотканная из серебра и лунных лучей, поднявшаяся из глубин самого темного озера? – закончил он.

Я остановилась. Как... богиня? Сотканная из серебра и лунных лучей? Это звучало... Я не знала, как это звучит и почему у меня внутри все оборвалось. Его слова были нелепы, потому что он знаком с настоящими богинями.

– Я подумывал объявить о своем присутствии, просто чтобы ты знала, особенно после прошлой ночи. Судьбы знают, я не хочу, чтобы меня опять ударили кинжалом.

А я так хотела ударить его кинжалом еще раз.

– Но потом подумал, что это лишь приведет к ненужному

конфузу для обеих сторон, – продолжил он, выдерживая меня из ступора. – Я решил, что будет разумнее предоставить тебя самой себе и оставить в неведении. Эта неловкая, хотя и очень интересная встреча так бы и не состоялась. Я не думал, что ты обнаружишь мое присутствие.

– Каковы бы ни были ваши намерения, вам следовало что-нибудь сказать. – Я начала вставать, но вспомнила, что это не лучшая идея. – Не хочу обидеть тем, что собираюсь сказать...

– Уверен, ты не собираешься оскорблять меня, – промурлыкал он. – Так же, как не собиралась оскорбить, когда ударила кинжалом.

Я проигнорировала усмешку в его голосе и напоминание о том, что сделала.

– Но вам следует уйти.

– Ну вот видишь, ты такая требовательная. А между тем игнорируешь то, что я от тебя требую. – Он откинул голову назад, и лунный луч поцеловал его щеки. – Огромная разница.

У меня участился пульс.

– Что? Смертная, которая не пресмыкается перед вами, умоляя о милости?

– Некоторые умоляют о чуть большем, чем милость. – В его голосе звучала дымная, темная ласка. И этот голос пробуждал то странное ощущение тепла и узнавания. – Но ты не из тех, кто пресмыкается. И вряд ли из тех, кто умоляет.

– Нет, – подтвердила я.

– Как жаль.

– Может, для вас.

– Может, – согласился он и двинулся вперед.

– Что вы делаете? – напряглась я.

Он остановился достаточно близко от меня.

– Поскольку ты так любезно потребовала, чтобы я ушел, мне придется идти.

У меня заныли челюсти от того, как крепко я их стиснула.

– А разве вы не можете идти в сторону любого другого берега?

– Боюсь, в тех местах слишком глубоко. И один из берегов обрывистый.

Я уставилась на него.

– Вы бог. Разве вы не можете сделать что-нибудь... божественное? – выпалила я. – Например, выбраться из озера усилием воли?

– Выбраться из озера усилием воли? – медленно повторил он, и на его лице опять появилась полуулыбка. – Это так не работает.

Луна выбралась из-за облаков и залила его жемчужным светом.

– Так мне остаться или уйти?

Я сердито взглянула на него.

– Уйти.

– Как пожелаете, моя леди.

Он слегка склонил голову и продолжил пробираться вперед.

Я присмотрелась к нему. Вода опустилась ниже его груди, открыв тугие мышцы живота. Я знала, что должна вернуться. Продолжать пялиться – значит, самой вести себя неприлично. Но его тело... такое интересное, и мне было любопытно, потому что...

Ладно, у меня не нашлось бы веской причины пялиться.

Мне было известно, как он силен, поэтому для меня не стало сюрпризом, как эта сила выражена в его теле. Несмотря на холод воды, по моей коже неумолимо расплзлось тепло по мере того, как становились видны... толстые линии у его боков, глубокая чернота в углублениях, идущих вниз к его...

– О боги! – вскрикнула я. – Стойте!

Он задержался за одно дыхание до того, как вода открыла слишком много.

– Да? – осведомился он.

– Вы голый, – сообщила я.

Минуло мгновение тишины.

– Ты это только сейчас поняла?

– Нет!

– Тогда ты должна понять, что я буду голым, пока не заберу свою одежду, которую ты, видимо, не заметила, торопясь раздеться.

Дыхание обожгло мне легкие.

– Если тебе неудобно, можешь закрыть глаза или держать

их подальше от моих неупоминаемых мест. – Он помолчал. – Или предпочтешь, чтобы я остался?

– Я не хочу, чтобы вы оставались.

– Почему мне кажется, что это ложь?

– Это не ложь.

– Еще одна ложь.

Я поежилась от чарующих нот в его голосе и, когда он пошел дальше, смогла держать глаза на его лице. Вроде того. Мой взгляд опять опустился, но только до тех странных черных линий. Бог подошел достаточно близко, чтобы я разглядела, как они выются по его боку. Они были не сплошные: вдоль линий тянулись мелкие отметины и фигуры. Продолжаются ли они и на спине? Во мне вспыхнуло любопытство. Что это за узоры?

Не спрашивай. Держи рот на замке. Не спрашивай. Не...

– Это чернила? – выпалила я, ненавидя себя за то, что спросила и продолжала говорить: – Из тех, что накалывают на коже иглками?

Он остановился.

– Да... что-то вроде того.

Я не знала, отличается ли процесс татуировки у богов и Первозданных.

– Это больно?

– Только пока делается.

Я подняла взгляд. Его губы чуть-чуть изогнулись – легчайший намек на улыбку. Но, как и прежде, это произвело

изумительный эффект, согрел его холодные черты.

– Ты знакома с татуировками?

Я кивнула.

– Видела у некоторых моряков. В основном на спинах и руках.

Прядь волос упала ему на щеку.

– Ты видела голые спины многих моряков?

Не многих, но это не его дело.

– А если и видела?

– Вот как? – Легкая улыбка застыла. – Это делает все гораздо... интереснее.

Я напряглась, почти ощущая боль.

– Не понимаю как.

– Я могу объяснить.

– Нет необходимости.

– Уверена?

– Да.

– У меня есть время.

– А у меня нет. Так что уходите, – повторила я.

Мое раздражение из-за него, прошедшего дня, того, что он здесь, в моем озере, и это место больше никогда не будет прежним, вырвалось на поверхность.

– Но не приближайтесь ко мне. Иначе вам не понравится то, что будет.

Бог неподвижно застыл – я даже не была уверена, что он дышит. И вода... рябь вокруг него прекратилась. У меня

остановилось сердце.

– Не понравится? – негромко переспросил он.

Волоски на всем моем теле встали дыбом.

– Нет.

– И что ты сделаешь, моя леди? – Он склонил набок голову, и лунный свет поцеловал его скулу. – У тебя нет кинжала из тенекамня, чтобы угрожать мне.

– Мне не нужен кинжал, – сказала я тонким голосом. – И я не леди.

Он выпрямился.

– Да, полагаю, не нужен, поскольку ты сидишь в озере голая, с незнакомым мужчиной, чью губу ты прикусила при встрече. При этом ты еще и повидала голые спины многих моряков. Я только стараюсь быть вежливым.

Я скривила губы, выслушав это скрытое оскорбление. Следовало оставить его без ответа. Держать рот на замке, но я не стала. Последние три года изменили меня, и моя неспособность сдерживаться росла и расцветала, превратившись в неизлечимую болезнь. Такую, которая провоцирует опасное безрассудство.

– Потому что я – принцесса, которая сидит голая в озере с незнакомым мужчиной и которая повидала голые спины многих мужчин, – заявила я, сказав то, что говорить запрещалось. – А вы с каждым мгновением приближаетесь к тому, чтобы потерять возможность когда-нибудь еще увидеть чужие неупоминаемые места.

Он смотрел на меня с непроницаемым выражением. Мое сердце начало колотиться от тревоги...

Бог рассмеялся. Запрокинул голову и расхохотался. И его смех... Это был приятный звук. Глубокий и хриплый.

А также невероятно взбесивший меня.

– Не знаю, что тут смешного, – выпалила я.

– Ты, – ответил он сквозь смех.

– Я?

– Да. – Он опустил голову. – Ты меня веселишь.

Если внутри у меня был какой-то переключатель, управляющий моим гневом и импульсивными реакциями, он снова и снова находил его с раздражающей точностью.

И нажимал на него, когда наши пути пересекались.

Я была много кем, но никак не источником веселья. Даже для бога.

В моей крови вскипела ярость. Я выпрямилась во весь рост.

– Вряд ли вы найдете меня такой смешной, когда будете испускать последний вздох.

Он замер, и... боги богов, вода, стекающая по его груди, замерзла. Капли больше не падали.

– Я уже задыхаюсь, – прошептал он. Его голос стал грубее и глубже.

Смятение погасило мою ярость. Неужели у него какая-то дыхательная болезнь? Могут у богов быть проблемы со здоровьем? Если так, вряд ли эта холодная вода полезна для его

легких. Не то чтобы я беспокоилась о его легких. Не представляла, почему вообще задумалась об их состоянии.

Теплый ветер поднял пряди моих волос, скользнул по озябшим плечам и...

О!

Вода была мне только по пояс.

– Если тебе интересно... – Его голос показался поцелуем на моей коже. – Сейчас я плююсь умышленно.

Я начала опускаться, ища укрытия в воде, но остановилась. Я не буду съезживаться, прячась от кого-то или чего-то.

– Извращенец.

– Каюсь.

– Будете пялиться дальше, – прорычала я, – и я, если понадобится, выцарапаю эти глаза.

Он издал короткий смешок, в котором прозвенело удивление.

– Все еще не боитесь, ваша милость?

Я ошетибилась: он произнес королевский титул так, словно это что-то глупое и несущественное. Вдобавок раздражало, что он, возможно, первый, кто так ко мне обратился.

– Я по-прежнему вас не боюсь, – ответила я, окинув себя быстрым взглядом.

К счастью, несколько прядей прилипли к груди. Они не очень много прятали, но это лучше, чем ничего.

– Ну, а я тебя немного боюсь.

Он оказался ближе ко мне, хотя вроде бы не двигался. Те-

перь нас разделяло меньше фута, и исходящий от него ледяной жар ударил по мне. Его близость сделала мою кожу особенно чувствительной.

– Ты же хочешь выцарапать мне глаза.

В его устах моя угроза звучала нелепо.

– Мы оба знаем, что я не смогу выцарапать вам глаза.

– И тем не менее, судя по небогатому опыту общения с тобой, знаю, ты попытаешься, даже если понимаешь, что потерпишь неудачу.

С этим не поспоришь.

– Что ж, если вас беспокоит вероятность, что я попробую это сделать, то следите, куда направлен ваш взгляд.

– Я буду крайне осторожен, хотя это трудно, по причине... сильнейшего соблазна быть менее осторожным.

– Уверена, вы говорите это всем леди, к которым пристаёте.

– Только тем, которым я бы позволил попробовать выцарапать мне глаза.

– Это... абсурдно.

Часто дыша, я прикрыла рукой грудь и отступила назад.

Он смотрел на меня, но совсем не так, как Нор. В его взгляде сквозило любопытство.

– Изумительно это наблюдать.

– Что наблюдать?

– Эти моменты, когда ты вдруг вспоминаешь, кто я. Еще одна попытка прислушаться к здравому смыслу?

Я слегка подняла подбородок.

– К несчастью.

– Опять не слишком успешно?

– Не слишком.

Он лишь усмехнулся. Мне это не понравилось, потому что захотелось услышать его смех снова – глупая потребность.

– Почему ты решила, что тебе сейчас нужно оставаться рассудительной?

Я бросила взгляд на берег.

– Я бы наверняка сказала что-нибудь такое, что заставило вас позабыть о своей порядочной косточке.

Он прикусил нижнюю губу, и по какой-то идиотской причине я сосредоточила на этом все свое внимание.

– Вряд ли тебе стоит беспокоиться о том, чтобы привести меня в такое настроение.

– В какое?..

Я осеклась, когда смысл его слов дошел до меня. Внизу живота возникло странное чувство – что мне не понравилось по множеству причин.

– Знаю. Это было... неуместно с моей стороны.

– Очень, – вымолвила я, думая, что, учитывая все обстоятельства, мой ответ был так же неуместен.

– Ты неожиданно прямолинейна.

– Не понимаю, как вы можете чего-то ожидать, если мы не знаем друг друга.

– Думаю, я знаю достаточно.

– Мне даже имя ваше неизвестно, – заметила я.

– Некоторые называют меня Эш.

– Эш? – повторила я, и он кивнул. Мне почудилось в этом имени что-то знакомое. – Это сокращение от чего-то?

– Это сокращение от многого. – Вдруг он резко повернул голову к берегу. Прошло мгновение. – Кстати, я думал, ты извлекла урок из нашей последней встречи. У меня нет привычки наказывать смертных за то, что они высказываются откровенно. – Он бросил на меня взгляд. – В основном.

Угрозу выцарапать глаза и удар кинжалом в грудь трудно отнести к откровениям, но я благоразумно не стала этого говорить.

– И я к тебе не приставал. Меня много как можно называть... – С этими словами он шагнул вперед. – Но я не из таких.

Я открыла рот, но потеряла дар речи, пока он шел по мелководью. Я пялилась. Помогите мне боги, я не могла отвести глаз, пока он поднимался по земляным ступеням. Мое внимание привлек не его зад, хотя я видела и его. Не следовало смотреть, надо было сразу отвернуться. Я вела себя в высшей степени лицемерно и неприлично. Но не отвернулась. Его задница была великолепна, как и все остальное, что мне не следовало видеть.

Я не могла оторваться от татуировок, протянувшихся по его спине от верхней части ягодиц до шеи. В центре спины находилось изображение спирали. Она разрасталась, от нее

отходили толстые завитки, которые обвивали талию и перетекали на внутреннюю сторону бедер. Из-за слабого освещения я не смогла определить, чем это было сделано, но подобных татуировок я не видела ни у одного моряка. Во мне снова проснулось любопытство.

– Что это за татуировка?

– Из тех, что наносят на кожу чернилами. – Он начал поворачиваться ко мне, и я быстро отвела глаза. – Тебе нужно одеться. Я не буду смотреть. Обещаю.

Я украдкой взглянула на него. Стоя спиной к озеру, он держал пару черных штанов, которые я и правда не заметила, когда пришла. Я перевела взгляд на грудку своей одежды. Не могу же вечно стоять в воде и закидывать его вопросами.

Я побрела к берегу. Бог наклонился, и я скользнула взглядом по его плечам. Выбравшись из воды, я схватила нижнюю рубашку. Она всего на один-два дюйма прикрывала бедра, но это был самый быстрый вариант. Меньше всего мне хотелось в присутствии бога втискивать грудь в корсаж проклятого платья.

Я подобрала клинок в ножнах...

– Очень надеюсь, что ты не задумала какой-нибудь глупости с этим клинком.

Я повернулась, и во мне вспыхнуло раздражение, когда я увидела, что он по-прежнему стоит ко мне спиной. Видимо, его не беспокоило, что я могу сделать с клинком.

– Поскольку угрозами сыпал не я, надеюсь, что все же нет.

Он повернулся ко мне, и на его прекрасно очерченных губах застыла ухмылка. Он стоял в незастегнутых штанах и без рубашки. Хотя я была уверена, что он уже оделся. Его пальцы возились с пуговицами на штанах.

– Вытащи клинок из ножен.

Я подняла брови от такой неожиданной просьбы.

– Хотите, чтобы я вас еще и этим ударила?

Он рассмеялся.

– Ты всегда такая неистовая?

– Нет.

– Я бы не стал такое утверждать. Но нет. Не хочу, чтобы ты ударила им меня. Мы не одни.

Ветви деревьев затряслись от неожиданного порыва ветра. Я крепче сжала кинжал и посмотрела вверх. Все замерло, но из глубины леса донесся низкий стон.

Эш наклонился и подобрал ножны. Схватив серебряную рукоятку, вытащил короткий меч, который я у него уже видела.

Этот меч заставил меня вспомнить, что я подумала, когда он им воспользовался в прошлый раз.

– Зачем вы носите меч?

Он окинул меня взглядом.

– А почему бы нет?

– Вы бог. Неужели вам нужен меч?

Эш пристально посмотрел на меня.

– Я много чего могу. – Его взгляд и то, как он произнес эти

слова, заставили мою кожу потеплеть. – Уверен, мои умения ты найдешь не менее интересными, чем я – твою смелость.

Я резко вдохнула. Его слова заставили меня вспомнить те проклятые книги в Атенеуме. С иллюстрациями.

– Но одно то, что я что-то могу, не означает, что должен это делать, – закончил он.

Я перевела взгляд на темную линию деревьев, а потом снова посмотрела на него. Бог, имеющий ограничения? Интересно.

– Сейчас к нам зайвится компания, – сказал он, и я моргнула. – Не думаю, что ты найдешь их такими же занимательными, как наверняка нашла меня.

– Я не нашла вас занимательным, – пробормотала я, и это была такая глупая ложь, что бог даже не стал ее опровергать. Да и кто бы не был впечатлен богом или Первозданным, даже таким раздражающим, как этот? – В этих лесах бродят духи. Должно быть, это их мы слышали.

– Ты уверена?

– Да. Они любят стонать и издавать противные звуки. – Я бросила на него хмурый взгляд. – Если вы из Страны теней, то как можете не знать?

Эш всматривался в лес.

– Это не духи.

– В этот лес никто не ходит, – рассуждала я. – Это должен быть дух.

– Ну я же вошел в этот лес.

– Но вы же бог.

– А почему ты думаешь, что существа, которые к нам приближаются, – из царства смертных?

Я замерла, внутри образовалась пустота.

– У меня вопрос. Твои духи, что бродят в этих лесах, они – из плоти и костей?

Я подняла взгляд и увидела только темноту между вязов.

– Нет. – Я повернулась к нему. – Конечно же нет.

Эш указал мечом на деревья.

– Тогда как ты назовешь этих существ?

– Каких существ?

Я подалась вперед и прищурилась. Сначала видела лишь тени, но потом различила, как что-то выплывает из мрака между вязами – фигура в черном плаще, словно вышедшая из ночного кошмара.

Глава 11

Они выглядели почти как мертвые, но даже если когда-то были ими, то теперь уже – нет.

На их коже лежала восковая бледность смерти, черепа были лишены волос, глаза казались бездонными черными ямами, а рты... выглядели пугающе. Они растягивались вдоль щек, словно на лицах вырезали широкие улыбки. И эти рты, похоже, были защиты, как у Теневых жрецов.

Я вытащила клинок из ножен и прошептала:

– Кто это?

– Определенно не неприкаянные духи.

Я насчитала шестерых и медленно повернулась к богу.

– В самом деле?

Уголки его губ приподнялись.

– Они известны как гирмы. А эта разновидность называется охотниками.

Эта разновидность? Есть и другие? Никогда не слышала о таких созданиях.

– Что они здесь делают?

– Должно быть, что-то ищут.

– Например? – не отставала я.

Эш бросил на меня взгляд.

– Очень хороший вопрос.

Мое сердце забилося о ребра. Охотники стояли и смотре-

ли на нас – по крайней мере, мне так казалось. Я не знала, что это за дыры у них на месте глаз. У меня возникло искушение броситься в бегство.

Но я с детства ни от чего не бежала и сейчас не побегу.

Снова раздался замогильный стон, и деревья содрогнулись в ответ. Охотники двинулись одновременно, выступив из леса клином.

Эш напал прежде, чем у меня появился шанс отреагировать. Он всадил меч через спину одного прямо в грудь другого, поразив одним ударом двоих. Твари не издали ни звука, их тела лишь бились в судорогах.

– Боги, – ахнула я.

Он оглянулся через плечо, выдергивая меч.

– Впечатлена?

– Нет, – солгала я и отшатнулась назад, когда обе твари стали оседать на землю.

Из них словно по щелчку пальцев испарилась вся влага. В считанные секунды они сжались и рассыпались в тонкий пепел, который исчез, даже не долетев до земли.

– Иди домой. – Эш двинулся вперед, держа меч. – Это тебя не касается.

Оставшиеся твари приближались. Потянувшись за спины, они достали из ножен мечи с клинками из тенекамня.

Эш двигался с текучей грацией воина и с мастерством, которого большинству смертных не достичь даже за годы тренировок. Он крутанулся, замахнувшись мечом по широкой

дуге, и перерезал шею твари.

Кровь не брызнула, в воздухе не запахло железом. Зато завоняло гнилой сиренью. Этот запах мне что-то напомнил. Не бедную портниху, а...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.